
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО
ЖУРНАЛ
№ 2 (18) 2019

Издательство
«МГИМО-Университет»
2019

Редакционная коллегия:

Главный редактор, Председатель редакционной коллегии – Иовенко Валерий Алексеевич,

д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – отв. секретарь – Ивушкина Татьяна Александровна,

д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – Евтеев Сергей Валентинович,

канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Smirnova Ludmila – PhD, prof. (Mount Saint Mary College, New York, USA);

Алексахин Алексей Николаевич – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Балдицын Павел Вячеславович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);

Гладкова Елена Львовна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГЛУ);

Гуревич Татьяна Михайловна – д-р культурологии, к.филол.н., профессор (Россия, Москва, МГИМО);

Иванов Николай Викторович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Кизима Марина Прокофьевна – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Лосева Наталья Владимировна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Набати Шахрам Сирус – к.филол.н., доцент (Исламская республика Иран, Решт, Гилянский университет);

Позднякова Елена Михайловна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Пономаренко Евгения Витальевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Репенкова Мария Михайловна – д-р филол.н., доцент (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);

Храмченко Дмитрий Сергеевич – д-р филол.н., доцент, проф. (Россия, Москва, МГИМО).

Чеснокова Ольга Станиславовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, РУДН);

Штанов Андрей Владимирович – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Шубина Эльвира Леонидовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Ястребова Елена Борисовна – канд. пед. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО).

Филологические науки в МГИМО: Журнал. № 2 (18) 2019 / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2019. – 136 с.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных ученых, педагогов, аспирантов и магистрантов. Выходит ежеквартально.

Рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация; переводоведение; инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков; литературоведение и лингвокультурология.

В журнал принимаются статьи на 10 языках: русском, английском, немецком, французском, испанском, итальянском, китайском, японском, арабском, хинди.

Журнал включен в Перечень ВАК (с 6 июня 2017 г.) по специальностям «10.01.00 Литературоведение», «10.02.00. Языкознание»; EBSCO, РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

ISSN 2410-2423

© Московский государственный институт международных отношений (университет)

МИД России, 2019

© Коллектив авторов, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Никонова Е.А.

Функциональный аспект аналитической статьи (на примере англоязычного политического дискурса) 5

Пономаренко Е.В., Харьковская А.И., Храмченко Д.С.

Данные проекта The Global Language Monitor как отражение динамики лексической подсистемы английского языка 12

Ракушина А.Н.

Семантические изменения в английской литературно-книжной лексике (диахронический аспект) 19

Степанян К.А., Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю.

Selfie, legsie и другие неологизмы для частных фото 27

Шубина Э.Л.

К вопросу о диахронической вариативности в немецком языке 34

Цыбова И.А.

Об отображении категории времени в языке 41

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Кравцова О.А., Ястребова Е.Б.

Современный аутентичный учебник иностранного языка для вуза: проблемы и пути решения 48

Полянская И.Э.

Топонимика Парижа в ракурсе статистического исследования контента Российских и европейских учебников (УМК) и методик французского языка уровня А2 58

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бакаева С.А.

Женщина и общество: феминистские идеи в романе мадам де Сталь «Дельфина» 69

Балматова Т.М.

Россия и русские в творчестве А. Переса-Реверте: индивидуальность или стереотип? 77

Верещинская Ю.В.

Испанская издательская аннотация как акт коммуникации 86

Дремина Л.Д.

Хунгарикумы как отражение венгерских реалий 96

Замалетдинов Р.Р., Файзуллина Н.И.

Космогонические загадки в лингвокультурологическом аспекте (на материале русских и татарских народных загадок) 106

Лалетин Ю.П., Сорвёнков В.О., Тимофеев М.А.

Электронный словарь пушту: создание базы данных морфологии 113

Ларикова Ю.А.

Город как идеология: тезаурус политического дискурса «Поколение 1837 года» 119

Хушкадамова Х.О., Березина А.В.

Концепт ғарибӣ («скитание») в таджикской языковой культуре: опыт лингвокультурного анализа ... 128

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Ekaterina A. Nikonova	
FUNCTIONS OF ANALYTICAL ARTICLE (BY THE MATERIAL OF POLITICAL DISCOURSE).....	5
Evgeniya V. Ponomarenko, Dmitry S. Khrumchenko, Antonina A. Kharkovskaya	
THE GLOBAL LANGUAGE MONITOR AS A MIRROR OF DYNAMICS OF THE ENGLISH LEXICAL SUBSYSTEM	12
A.N. Rakushina	
SEMANTIC DEVELOPMENT IN ENGLISH LITERARY WORDS: DIACHRONIC ASPECT	19
K. Stepanyan, Y. Gorshunov, E. Gorshunova	
SELFIE, LEGSIE AND OTHER NEW WORDS FOR PRIVATE PHOTOS.....	27
E.L. Shubina	
TO the QUESTION OF DIACHRONIC VARIABILITY IN THE GERMAN LANGUAGE.....	34
I.A. Tsybova	
ON THE REPRESENTATION OF TIME CATEGORY IN LANGUAGE.....	41

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENT APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

O.A. Kravtsova, E.B. Yastrebova	
A MODERN AUTHENTIC TERTIARY LEVEL FOREIGN LANGUAGE COURSEBOOK: CHALLENGES AND WAYS FORWARD	48
Irina E. Polianskaya	
TOPONIMICS OF PARIS IN TERMS OF THE STATISTICAL STUDY OF THE RUSSIAN AND EUROPEAN FRENCH TEXTBOOKS A2 CONTENT	58

LITERATURE AND LINGUOCULTUROLOGY

Sophia A. Bakaeva	
WOMAN AND SOCIETY: FEMINIST IDEAS IN THE NOVEL OF MADAME DE STAËL «DELPHINE»	69
T.M. Balmatova	
RUSSIA AND RUSSIANS IN THE WORKS BY A. PEREZ-REVERTE: INDIVIDUALITY OR STEREOTYPE?	77
Yulia V. Vereshchinskaya	
SPANISH PUBLISHING ANNOTATION AS A COMMUNICATIVE ACT	86
L.D. Dremina	
HUNGARICUMS AS A VIVID REFLECTION OF THE HUNGARIAN	96
R.R. Zamaletdinov, N.I. Faizullina	
THE COSMOGONIC RIDDLES IN THE LINGUOCULTURAL ASPECT (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND TATAR FOLK RIDDLES)	106
Yu.P. Laletin, V.O. Sorvyonkov, M.A. Timofeev	
ELECTRONIC PASHTO DICTIONARY: CREATING A MORPHOLOGY DATABASE.....	113
Yulia A. Larikova	
CITY AS IDEOLOGY: THESAURUS OF «GENERARION 1837» POLITICAL DISCOURSE	119
Khalimakhon O. Khushkadamova, Anna V. Berezina	
THE CONCEPT OF GARIBI (“WANDERING”) IN THE TAJIK LANGUAGE CULTURE: THE EXPERIENCE OF LINGUOCULTURAL ANALYSIS	128

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Е.А. Никонова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье раскрывается проблема понимания специфики реализации функций аналитической статьи политической направленности. Аналитическая статья – жанр, которому присуща объективность изложения; автор стремится предоставить всестороннее освещение проблемы/ ситуации, оставаясь вне фокуса внимания читателя. В этой связи важное место в аналитической статье отводится информационной функции. Однако под влиянием политического дискурса, который имеет манипулятивный характер, в аналитической статье усиливается субъективная составляющая, определяющая наличие воздействующей функции. Информационная и воздействующая функции политического эссе осуществляются за счёт реализации объективной и субъективной модальности соответственно. К наиболее типичным средствам реализации субъективной модальности относятся метафора, эмоционально-оценочная лексика и эпитет. Данные средства используются для выражения авторского отношения, передачи его оценки, а также для придания экспрессии сообщаемому. Существенную долю средств реализации субъективной модальности составляют синтаксические средства, что объясняется спецификой жанра «аналитическая статья», которому свойственно неявное воздействие на читателя. В ядре средств реализации объективной модальности находятся фактологическая информация, парентетические внесения и терминологическая лексика. Данные средства позволяют придать достоверности высказыванию, а также внести необходимые уточнения для адекватного восприятия информации.

Ключевые слова: аналитическая статья, воздействующая функция, информационная функция, политический дискурс, субъективная модальность, объективная модальность, публицистический текст

Актуальность данного исследования обусловлена усилением интереса к жанру «аналитическая статья». Проанализировать весь колоссальный объём новостного материала, представленного в СМИ сегодня, видится невозможным. В этой связи растёт спрос на аналитику: люди хотят получать уже готовый проработанный материал, содержащий в себе как фактическую информацию, так и элемент авторского мнения. Новизна исследования заключается в необходимости анализа специфики реализа-

ции воздействующей функции в аналитической статье, а также определения степени её проявления. Цель данного исследования – продемонстрировать, как функции аналитической статьи реализуются через модальность. При этом под модальностью понимаем «обязательную текстообразующую категорию, представляющую собой сочетание субъективного и объективного и являющуюся отражением авторского видения мира, а также выражающую ценностные и эмоциональные установки общества» [9, с. 575].

Мы придерживаемся традиционного деления модальности на субъективную и объективную. К объективной модальности относим всё, что является дистанцированным от автора и отражает реальное положение дел; к субъективной модальности – элементы текста, отражающие авторскую оценку, интерпретацию, позицию.

Статья – один из наиболее продуктивных жанров в аналитической журналистике. А.А. Тертычный под статьёй понимает «публикации, анализирующие некие ситуации, процессы, явления, лежащие в их основе закономерные связи с целью определения их политической, экономической или иной значимости и выяснению того, какие позиции следует занять, как себя вести, чтобы поддержать или устранить такую ситуацию, такой процесс, такое явление» [12, с. 263]. Написание статьи требует от автора «всестороннего, глубокого изучения вопроса, компетентности, инициативы, смелости» [1, с. 177], объективности, непредвзятости, так как автор должен провести всесторонний анализ ситуации/ проблемы и отразить все существующие позиции / мнения, независимо от того, согласен он с ними или нет, избегая масштабных выводов. Основная цель статьи – объяснить читателю «как общественную, так и личную значимость актуальных процессов, ситуаций, явлений, их причинно-следственные связи» [12, с. 263], а также натолкнуть на самостоятельные размышления и действия в отношении предмета публикации. При этом сам автор остаётся за пределами статьи, не высказывая своё мнение и не отдавая предпочтение ни одной из сторон.

Аналитическая статья (как вид жанра «статья») представляет собой публицистический текст, целью которого является максимально объективное и всестороннее отражение событий / явлений. Большинство исследователей выделяет такие характерные черты аналитической статьи, как чёткая структура, наличие логики аргументации и экспертного мнения, низкий уровень эмоциональности или её отсутствие, второстепенное место авторского начала, нацеленность на инициацию споров и дискуссий. Данные жанрообразующие черты определяют важную роль информационной функции в аналитической статье, реализуемой за счёт объективной модальности. Анализ¹ показал, что в ядре средств реализации объективной мо-

дальности в аналитической статье находятся фактологическая информация (31%), парентетическое внесение (20%) и терминологическая лексика (16%).

1. *Фактологическая информация* используется в аналитических статьях для придания достоверности сообщаемой информации и авторским оценкам и включает в себя даты, имена, ссылки на исторические события, цифровые данные и т.п.

Likewise, there are ways in which the policy (Chinese foreign policy – примечание автора) has arguably succeeded. China has, on several important occasions, cooperated with US policy objectives. It supported the indefinite treaty in the 1990s; it assisted, albeit reluctantly, in the economic isolation of Iran during the dispute over that country's nuclear program; and during the late Obama years it participated in groundbreaking international diplomacy to curb climate change [13].

В данном примере автор утверждает, что Китай выступал единым фронтом с США в решении многих важных международных вопросов. Данное утверждение является весьма спорным в виду распространённой позиции, согласно которой Китай рассматривается как угроза мировому сообществу. Автор следует жанровым предписаниям аналитической статьи и приводит в пользу данного тезиса аргументы, содержащие фактологическую информацию, что усиливает весомость и достоверность авторской мысли. Кроме того, стоит отметить, что автор подаёт данную мысль не в ультимативной форме, а смягчает её наречием «возможно» (*arguably*), оставляя оппонентам (и читателям) возможность её опровергнуть. Именно подобная сбалансированность позиции, подкрепляемая фактической информацией, и обуславливает объективность выводов.

2. *Парентез*. Такие характерные черты аналитической статьи как чёткость, ясность, однозначность, достоверность зачастую требуют использования парентеза, который позволяет выразить попутные сведения, уточняющие, дополняющие, характеризующие высказывание [8, с. 143]. В данном случае парентетическое внесение выступает как средство реализации объективной модальности, однако в случае необходимости придания информации оценочного значения парентез выступает как средство пере-

¹ Анализ проводился путем сплошной выборки средств реализации модальности на примере 50 аналитических статей общим объемом 387 страниц.

в правильности нарисованной автором картины мира» [7, с. 34], внушить адресатам необходимость «правильных» решений/ оценок [4, с. 114], «сформировать общественное мнение» [11, с. 35]. Такое влияние политического дискурса усиливает образность жанра, которая последнему по его природе не свойственна. В результате возрастает роль субъективной модальности, в ядре средств реализации которой находятся метафора (25%), эмоционально-оценочная лексика (15%) и эпитеты (11%).

1. *Метафора* является одним из стилистических средств, обладающим высоким воздействующим потенциалом, так как «позволяет создать ёмкий образ, основанный на ярких, зачастую неожиданных, смелых ассоциациях» [3, с. 209]. Так, в статье “*The diffusion of revolution: “1848” in Europe and Latin America*” автор анализирует различные причины распространения революций в регионе, придерживаясь позиции, что успешная революция в одной стране вызывает цепную реакцию во всём регионе. Для объяснения данного феномена автор вводит метафору волн (*Political change often comes in waves*), которая позволяет создать образ революции как процесса, степень и направление распространения которого невозможно предугадать, подчёркивая его масштабность и неконтролируемость. Для закрепления данного образа автор использует многочисленные словосочетания в тексте, отсылающие читателя к образу волны: (*waves of democratization, reverse waves of authoritarian backlash, a torrent of regime contention, tsunami of contention, revolutionary tsunami, ripples that lapped the distant shores of Latin America*). Приведём пример, в котором, на наш взгляд, наиболее точно передаётся ключевая идея автора при помощи метафоры революция - волна:

This singular event (French revolution) made many people jump to the conclusion that a similar regime change could occur in their state. <...> In fact, the wave of revolution quickly crested and gave way to a reflux, which brought the gradual restoration of established regimes in many states [17, с. 393].

В данном отрывке автор рассматривает революцию во Франции как волну, которая достигла своего пика (*crested*), распространившись на близлежащие страны. Ослабление революционного движения – отлив (*reflux*) – в Европе привело к постепенному восстановлению установленных режимов. Выбор данной метафоры видится удачным, так как создаёт яркий образ, знакомый практически каждому человеку: волна, быстро

достигая берега, при оттоке смывает всё, что находится на берегу, после чего береговая линия постепенно восстанавливается в первоначальном виде. Таким образом, автор позволяет читателям пережить сущность одного события в терминах сущности другого [6, с. 126], более знакомого и понятного. Метафора в данном случае не столько облегчает восприятие текста, сколько оказывает эмоциональное воздействие на сознание читателя.

2. *Эмоционально-оценочная лексика*. Совершенно закономерным является частотное использование эмоционально-оценочной лексики как средства реализации субъективной модальности в аналитической статье, так как данное стилистическое средство обладает высокой экспрессией и воздействующим потенциалом. В приведённом ниже отрывке автор прибегает к эмоционально-оценочной лексике для того, чтобы создать образ Китая как угрозы:

Today these warnings increasingly seem vindicated. From China’s maritime expansionism and illegal island building in the South China Sea to its efforts to coerce and intimidate neighbors from India to Japan, from ambitious geoeconomic projects meant to draw surrounding countries more deeply into its grasp to a multidecade military buildup shrouded in opacity and deception, there is abundant evidence that Beijing seeks to dominate its periphery [13].

Автор статьи утверждает, что Китай представляет опасность ввиду его внешней политики, нацеленной на доминирование. Однако автор не приводит логической аргументации для подтверждения данной мысли, а лишь ограничивается «расплывчатой» фразой о существовании достаточного количества доказательств того, что Китай стремится доминировать в своём регионе (*there is abundant evidence that Beijing seeks to dominate its periphery*). Для убеждения читателя в правильности своей мысли, автор прибегает к воздействию: образ Китая как угрозы усиливается при помощи использования слов с семой «принуждение» (*expansionism, coerce, intimidate, draw into its grasp*) и семой «обман» (*illegal, shrouded, opacity, deception*). В результате у читателя создаётся представление о Китае как угрозе, хотя автор не приводит каких-либо объективных аргументов в пользу данной мысли.

3. *Эпитет* находится в ядре средств выражения субъективной модальности в аналитической статье. В статье “*The tilting of Britain’s political axis?*” автор рассуждает о причинах выхода Британии из ЕС:

Carton-on-sea has been a destination for many touring journalists and researchers in search of “left behind” Britain over recent years. In June 2016, 69.5 per cent of the population in Tendring, the local authority of which Clacton-on-Sea is part, voted to leave the EU [15].

Для характеристики Великобритании после Brexit автор использует эпитет “left behind”, который помимо своего прямого значения имеет и дополнительный оценочный смысл. Автор приводит статистические данные, согласно которым решение о выходе было принято интеллектуальной элитой Британии (студентами и профессорско-преподавательским составом), которые представляют собой немногочисленную группу, чьи политические взгляды зачастую не принимаются во внимание – *left behind group of white working class*. Таким образом, эпитет “left behind” приобретает следующий смысл: Великобритания – элитарный член ЕС, чей выход из него может быть решающим для всего Союза.

В аналитической статье помимо ярких лексических средств реализации субъективной модальности используются средства менее очевидные для читателя, какими являются синтаксические приёмы. При этом обычно в публицистических текстах синтаксические средства находятся на периферии средств выражения модальности (к примеру, в политических эссе синтаксические средства составляют 11,3% от общего числа стилистических средств). В аналитической статье они составляют 23,5% от общего числа стилистических средств реализации субъективной модальности. К ним относятся – парцелляция (7%), параллельные конструкции (5,5%), параллелизм, инверсия (4,5%), эмфатические конструкции с глаголом do (4%), парентетические внесения (1,3%), риторический вопрос (1%), обособление (0,1%), перечисление (0,1%). Высокий процент наличия синтаксических средств как средства выражения субъективной модальности в аналитической статье объясняется спецификой жанра «аналитическая статья», которому свойственна «скрытая» оценочность, «затушёвывание» эмоциональности. Одним из таких распространённых средств является параллелизм, к которому автор прибегает с целью «выделить главную мысль высказывания, убедить слушателя или читателя, заставить принять его точку зрения» [8, с. 147].

I argue that, first, the more state sponsors help reinforce an imbalance of power that favors an existing rebel leader, the more they strengthen organizational cohesion. Second, the more state sponsors contribute to inverting an imbalance of power so that it favors a rival, the more likely an internal coup becomes. Third, the more state sponsors contribute to balancing power between a leader and a rival, the more they encourage group fragmentation [16, с. 599].

Автор статьи убежден, что внешняя финансовая поддержка любой стороны в период внутреннего политического конфликта имеет негативные последствия. Для оказания максимального воздействия на читателя при трансляции данной мысли автор использует параллельные конструкции в сочетании с повтором. Конвергенция стилистических средств, обладая более выраженной экспрессивностью, призвана усилить воздействующий потенциал предложений, а также выделить основную мысль автора. И хотя далее автор приводит аргументы в поддержку своей мысли, данный отрывок видится особенно важным, так как за счёт своего воздействующего потенциала формирует нужную настрой у читателя.

Итак, в аналитической статье, целью которой является максимально объективное отражение событий / явлений и для которой характерны наличие логики аргументации и экспертного мнения, а также низкий уровень эмоциональности и второстепенность авторского начала, важное место занимает информационная функция, реализующаяся за счёт объективной модальности. В ядре средств реализации объективной модальности, как показало наше исследование, находятся фактическая информация, парентетические внесения и терминологическая лексика. Поскольку аналитическая статья принадлежит политическому дискурсу, целью которого является оказания влияния на адресата, то в ней также присутствует воздействующая функция, реализуемая за счёт субъективной модальности. Наиболее частотными средствами реализации субъективной модальности в аналитической статье являются метафора, эпитет и эмоционально-оценочная лексика. Кроме того, важное место занимают синтаксические средства, что объясняется спецификой жанра аналитическая статья, тяготеющего к «скрытому», неявному воздействию на читателей.

Список литературы

1. Ворошилов, В. В. Журналистика / В.В. Ворошилов // М.: КНОРУС, 2010. 496 с.
2. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин // М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 462 с.
3. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка: Учеб. Пособие / И.Б. Голуб. М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997. 448 с.
4. Демьянков, В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2003. с. 116-133.
5. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ.: учеб. пособие / Т.Г. Добросклонская. М.: ФЛИНТА, 2008. 264 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 126 – 170.
7. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева // М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 252 с.
8. Мороховский, А. Н. Стилистика английского языка / А.Н. Мороховский, О.П. Воробьева, Н.И. Лихошерст, З.В. Тимошенко. Киев: Вища школа, 1991. 355 с.
9. Никонова, Е. А. Синтаксические стилистические средства реализации модальности в политическом эссе / Е.А. Никонова // Большое евразийское партнёрство: лингвистические, политические и педагогические аспекты: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Москва, 15 декабря 2017 г.). М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 573-580.
10. Огнева, К. А. Текст информационно-аналитической статьи в аспекте когнитивно-дискурсивной парадигмы: дис. ... канд. фил. Наук: 10.02.01 / Ксения Андреевна Огнева. Краснодар, 2012. 225 с.
11. Орлова Е.Л. Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ: дис. ... канд. филол. Иркутск: ИГЛУ, 2012. 227 с.
12. Тertychnyy, A. A. Аналитическая журналистика: уч. Пособие / А.А. Тertychnyy // М.: Аспект Пресс, 2013. 352 с.
13. Brads, H. The Chinese century? [Electronic resource] / H. Brads. - Access mode: <http://nationalinterest.org/feature/the-chinese-century-24557> (accessed 14.05.2019).
14. Carter, D. The Making of the Territorial Order: New Borders and the Emergence of Interstate Conflict / D. Carter, H.E. Goemas. - International Organization, Vol. 65, No. 2 (Spring 2011). pp. 275-30.
15. Jenings, W. The tilting of Britain's political axis? [Electronic resource] / W. Jenings, G. Stoker. - Access mode: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/2041905817744604?ai=1gvoi&mi=3ricys&af=R> (accessed 14.05.2019).
16. Tamm, H. Rebel leaders, internal rivals, and external resources: how state sponsors affect insurgent cohesion / H. Tamm. *International Studies Quarterly*, Vol. 60, 2016. – pp. 599-610.
17. Weyland, K. The diffusion of revolution: "1848" in Europe and Latin America» / K. Weyland. *International Organization*, Vol. 63, No. 3 (Summer, 2009). pp. 391-42.

Сведения об авторе:

Никонова Екатерина Андреевна – преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика текста, стилистика.
E-mail: ekatnikon2014@yandex.ru.

FUNCTIONS OF ANALYTICAL ARTICLE (BY THE MATERIAL OF POLITICAL DISCOURSE)

Ekaterina A. Nikonova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article analyzes the functions realized in an analytical article devoted to political issues. The analytical article tends to present objective information, contains the analysis of the situation or problem and gives unbiased conclusions, that is prompt by informative function. Political discourse which is highly manipulative by its nature has a significant impact on the analytical article and promotes the function. The functions of the analytical article are carried out through the implementation of subjective and objective modality. Objective modality is most commonly expressed through factual information, parenthesis, and terms. These means allow one to make the statement more reliable and clear. Subjective modality, on the other hand, is usually expressed through metaphors, emotionally-expressive lexis and*

epithets. These means transfer the author's attitude and assessment of the problem / situation, as well as enhance emotional-expressive force of the text. Syntactic means also play an important role in the subjective modality expression due to the specificity of the analytical article genre, which tends to influence readers implicitly.

Key Words: *analytical article, influencing function, informative function, political discourse, subjective modality, objective modality, mass media text*

References

1. Voroshilov, V.V. Zhurnalistika [Journalism]. Moskva: KNORUS, 2010, 496 p.
2. Galperin I.R. Ocherki po stilistike angliyskogo iazyka [Essays on English Stylistics]. Moskva: Izdatelstvo literatury na inostrannykh iazykakh, 1958, 462 p.
3. Golub, I.B. Stilistika russkogo iazyka: ucheb. posobie [Russian stylistics: work book]. Moskva: Rolf; Ajris-press, 1997, 448 p.
4. Dem'yankov, V.Z. Interpretatsiia politicheskogo diskursa v SMI [Political discourse interpretation in media] // Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniia [Media language as an object of interdisciplinary research]. Moskva: Izd-vo MGU, 2003, pp.116-133
5. Dobrosklonskaya, T.G. Medialingvistika: sistemny podhod k izucheniiu iazyka SMI.: ucheb. posobie [Medialinguistics: comprehensive approach to media language learning: work book]. Moskva: FLINTA, 2008, 264 p.
6. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. Iazyk i modelirovanie sotsialnogo vzaimodeistviia [Language and social interaction modeling]. Moskva, pp. 126 – 170.
7. Mihaleva O. L. Politicheskii diskurs. Spetsifika manipulativnogo vozdeistviya [Political discourse. Specific of manipulation]. Moskva: LIBROKOM, 2009, 252 p.
8. Morokhovskiy, A.N, Vorob'eva, O.P, Likhosherst N.I., Timoshenko Z.V. Stilistika angliyskogo iazyka [English stylistics]. Kiev: Vishcha shkola, 1991, 355 p.
9. Nikonova, E.A. Sintaksicheskie stilisticheskie sredstva realizatsii modalnosti v politicheskom esse [Syntactic stylistic devices as a means of modality in political essay] // Bolshoe evraziyskoe partnerstvo: lingvisticheskie, politicheskie i pedagogicheskie aspekty : sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoprakticheskoi konferentsii [Big Eurasian partnership: linguistic, political and pedagogic aspects: collection of essays by the materials of the International panel conference]. Moskva: IPU MGOU, 2018, pp. 574-580.
10. Ogneva, K.A. Tekst informatsionno-analiticheskoi stati v aspekte kognitivno-diskursivnoi paradigmy. Diss. kand. filol. nauk [Information-analytical article in the cognitive-discursive paradigm]. Krasnodar, 2012. 171p.
11. Orlova E.L. Metaforicheskie obrazy Rossii, Ameriki i Germanii v politicheskom diskurse nemetskih SMI: Diss. kand. filol. Nauk [Metaphoric images of Russia, America and Germany in the political discourse of German mass media. Phd in phil.]. Irkutsk, 2012. 227 p.
12. Tertychny, A.A. Analiticheskaya zhurnalistika: uch. [Analytical journalism: work book]. Moskva: Aspekt Press, 2013, 352 p.
13. Brads, H. The Chinese century? [Electronic resource] / H. Brads. - Access mode: <http://nationalinterest.org/feature/the-chinese-century-24557> (Accessed
14. Carter, D. The Making of the Territorial Order: New Borders and the Emergence of Interstate Conflict / D. Carter, H.E. Goemas. International Organization, Vol. 65, No. 2 (Spring 2011). pp. 275-30.
15. Jenings, W. The tilting of Britain's political axis? [Electronic resource] / W. Jenings, G. Stoker. - Access mode: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/2041905817744604?ai=1gvoi&mi=3ricys&af=R> (accessed
16. Tamm, H. Rebel leaders, internal rivals, and external resources: how state sponsors affect insurgent cohesion / H. Tamm. *International Studies Quarterly*, Vol. 60, 2016. - p. 599-610.
17. Weyland, K. The diffusion of revolution: "1848" in Europe and Latin America» / K. Weyland. *International Organization*, Vol. 63, No. 3 (Summer, 2009). - pp. 391-42.

About the author:

Ekaterina A. Nikonova – postgraduate student, lecturer, English Language Department №3, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: linguistics of text, stylistics.
E-mail: ekatnikon2014@yandex.ru.

* * *

ДАННЫЕ ПРОЕКТА THE GLOBAL LANGUAGE MONITOR КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИКИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Е.В. Пономаренко, Д.С. Храмченко

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454 Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

А.А. Харьковская

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Самарская область 443086, Московское шоссе, 34.

В статье представлен аналитический обзор проекта The Global Language Monitor (GLM), который был запущен в 2003 году как платформа для инвентаризации наиболее популярных единиц английского языка и ежегодно публикует списки Top Words/Phrases/Names, отобранных по определённым критериям. Авторы исходят из понимания языка как сложной динамичной саморазвивающейся системы и рассматривают материалы GLM как довольно достоверный источник знаний об актуальных тенденциях в эволюции лексической подсистемы английского языка. Особое внимание уделяется данным GLM за предыдущие три года (2016-2018).

Выявление наиболее частотных слов и словосочетаний в режиме on-line позволяет делать выводы не только об интересах широкой публики, но и об общественно значимых социально-политических, экономических, культурологических тенденциях, формированию которых способствует англоязычное информационное пространство. При этом отмечается, что отобранные данные объективно показывают не столько само положение дел, мнения и настроения людей по всему миру, сколько то, в каком ключе названные явления, события и личности представлены в источниках информации. Кроме того, данные GLM полезны для собственно лингвистического анализа, так как позволяют отслеживать лексические неологизмы и структурные тенденции в английском языке, примеры которых приводятся в статье. Авторы полагают, что далеко не всегда такие слова входят в языковую систему, и квалифицируют их как элементы речи, имеющие тенденцию к переходу в систему языка.

В заключение делается вывод о том, что проекты, подобные GLM, наряду с более основательными корпусными исследованиями, открывают широкие перспективы для раскрытия проблематики гуманитарного состояния мирового сообщества и влияния на него информационного пространства.

Ключевые слова: эволюция языка, системность языка, лексическая подсистема, проект GLM, неологизмы в английском языке, словообразовательные тенденции, структурные тенденции в английском языке

В современном понимании систем и свойства системности (в том числе языка) одним из базовых постулатов является утверждение о том, что для того, чтобы сложная система могла выживать, ей необходи-

мо эволюционировать [2; 13]. Причем эволюция необязательно направлена на совершенствование системы, но важна сама по себе как процесс, который активизирует взаимодействие элементов и частей системы друг с другом и с внешней

средой и таким путём придаёт системе динамику, движение, изменчивость. Всё это формирует способность системы к саморазвитию и самоорганизации, что в свою очередь повышает её адаптивность к изменяющимся условиям существования, а следовательно, и её «живучесть» в этих условиях.

Язык также изучается как сложная динамичная иерархичная система в самых разных своих частях и проявлениях [4; 6]. Он находится в постоянном движении, при котором появляются новые элементы, уходят или смещаются на периферию системы старые, переосмысливаются значения имеющихся единиц, а какие-то смысловые компоненты переходят к возникающим новым единицам и т.п. Положительный эффект модификаций, происходящих в языке, отмечали учёные Пражской школы ещё в известных Тезисах Пражского лингвистического кружка (1929): «Было бы нелогично полагать, что лингвистические изменения – не что иное, как разрушительные удары, случайные и разнородные с точки зрения системы. Лингвистические изменения часто имеют своим объектом систему, её упрочение, перестройку и т.д.» [5, с. 18]. Поэтому вопросы эволюции системы языка и отражения этих явлений в речи никогда не потеряют своей актуальности, по крайней мере до тех пор, пока язык остаётся основным средством коммуникации в обществе и пока люди способны воспринимать окружающий мир и описывать свои впечатления о нём.

В тех же Тезисах пражцев сформулировано одно из базовых определений языка как функциональной системы: «язык есть система средств выражения, служащая какой-то определённой цели» [5; с. 17]; то есть это система, которая позволяет своими (языковыми) средствами передавать образы сознания и использовать этот инструмент для осуществления тех или иных намерений коммуникантов. Сознание пользователей языка является важнейшим компонентом внешней среды, неразрывно связанной с языковой системой, а значит, изменения, воспринимаемые сознанием, закономерно ведут к изменениям в языке. Признётся верным также обратное воздействие (языка на сознание). Отсюда и необходимость отслеживать новые тенденции на разных участках языковой системы, с тем чтобы понимать новые тенденции в восприятии человеком себя и окружающей действительности [6; 14].

Целью данной статьи является аналитический обзор проекта The Global Language Monitor

(GLM), который был инициирован в Кремниевой Долине Полем Дж. Пейяком в 2003 году как платформа для инвентаризации наиболее популярных во всём мире единиц современного английского языка в режиме он-лайн. Для языковедов этот проект представляет несомненный научный интерес, так как служит достаточно достоверным источником знаний об актуальных тенденциях в эволюции лексической подсистемы английского языка в эпоху глобализации.

Проект GLM эффективно использует потенциал информационного объёма, известного под названием BIG DATA, который регистрирует современный лингвистический континуум с помощью новейших информационных технологий, отражающих изменения в текстовом пространстве Интернета, блогосферы, массмедийной среды и социальной сетевой коммуникации. На сайте GLM ежегодно публикуются списки наиболее употребительных лексических единиц в коммуникативной практике как естественных, так и «неестественных» (non-native) носителей английского языка во всех его вариантах. Выбранные единицы группируются в три категории: Top Words of the Year, Top Phrases of the Year (имеются в виду словосочетания) и Top Names of the Year (имена известных людей) [8].

Критерии отбора слов и словосочетаний, получающих брэнд Top, опираются как минимум на три обязательных показателя:

- использование этих единиц в англоязычных источниках в разных странах мира,
- количество их зарегистрированных употреблений должно быть не менее 25000,
- они должны отличаться «глубиной» (depth) и «широтой» (breadth) использования, причём «глубина» подразумевает использование в различных форматах средств массовой коммуникации, а «широта» – всемирные масштабы использования языковых единиц вне рамок каких-либо профессий, социальных групп или территориальных образований.

Как отмечается на сайте GLM, “rather than focusing on geography (British English, American English, Indian English), we focus on usage – how English is spoken today, by the world’s scientists and technologists, the youth, in the boardrooms of multi-national corporations, in the world of entertainment, and the like” [8].

Участники проекта, собирающие лингвистический материал по всем видам коммуникации на английском языке (деловой, академической, дипломатической и т.п.), ежегодно обновляют

списки высокорейтинговых лексических единиц. Авторы проекта GLM видят свою задачу в том, чтобы выявлять наиболее частотные единицы английского языка, которые выдержат испытание временем. Рассуждая о перспективах развития английского языка, руководитель GLM П.Дж. Пейяк описал те чувства, которые он испытывает в данной работе, как «трепет» (thrill) от осознания того, что он является непосредственным наблюдателем эволюции языка и может прогнозировать множество способов влияния этих процессов на жизнь миллиардов людей на планете в течение будущих десятилетий и даже столетий [15]. Насколько оправданы такие заявления, покажет время, а для нас данные GLM интересны как с научной точки зрения, так и в практических целях, поскольку эти данные, несомненно, нужно использовать при подготовке учебных и аналитических материалов, раскрывающих состояние умов современного англоязычного сообщества, объекты его пристального внимания и возможные точки психологического воздействия на реципиентов как в публичном, так и в личном коммуникативном пространстве. В современном «глобализирующемся» (и довольно турбулентном) мире понимание подобных явлений может служить своего рода защитой от неблагоприятного влияния на сознание людей.

По данным GLM, на рубеже XX и XXI веков в английском языке определились следующие явления, связанные с процессом глобализации:

1) резкий рост словарного состава, который в настоящее время превысил 1 миллион слов (событие, которое участники проекта считают судьбоносным для всего англоговорящего сообщества и даже точно датируют 10 июня 2009 г.);

2) резкое расширение ареала использования (территориального охвата): “the English language, which at the time of Shakespeare was spoken in a narrow band in the south of Britain by only a few million people, has suddenly, and rather unexpectedly, become the language of global discourse, commerce, science, entertainment, and communications, with speakers now approximating 1.58 billion people” [11] (в более поздних публикациях сайта GLM число англоговорящих указывается более 2 млрд. чел.).

Как отмечено выше, перечень так называемых Top Words/Phrases/Names даёт возможность проследить различные гуманитарные тенденции в мировом сообществе. Одним из достоинств GLM является разъяснение приводимых слов

и выражений, так как далеко не все они входят в стабильную систему английского языка и на первых порах не всегда однозначно понимаются пользователями языка, особенно non-native speakers; в тех случаях, когда слова общеизвестны, часто (но не всегда) даются примеры их употребления в контексте или какие-то комментарии.

Прежде всего в заголовки публикуемых отчётов выносятся три самых употребляемых единицы по трём названным категориям. Так, за трёхлетний период 2016-2018 гг. выявлены следующие наиболее частотные лексические единицы:

2016

Top Words:

1. Bigly – Things trending larger ... bigly. Almost everything trended bigly thus far in 2016 from politics and foreign affairs, to terrorism and gun violence.

2. Brexit – The British Exit from the European Union provides a new vocabulary for future political breakups: Scotxit, Quebecxit and, even, Texit.

3. Non-binary – A legal term for a gender identity between male and female.

Top Phrases:

1. Make America Great Again.
2. When they go low, we go high.
3. The Electoral College.

Top Names:

1. Donald Trump.
2. Vladimir Putin.
3. Neil Gorsuch [9].

2017

Top Words:

1. Truth – Let’s face it. The conversation is all about truth, or lack thereof.

2. Narrative – As GLM noted in ’08, Narratives began replacing facts in politics; a harbinger to ‘fake news’.

3. Opioids – More deaths than gun violence and automobiles crashed combined.

Top Phrases:

1. Weinstein Effect (and #MeToo) – Emboldened women across the globe confront those who have been abused them in their past.

2. Nuclear Option – The use of nuclear weapons by either side in the on-going and decades-long North Korean standoff.

3. Deep State – The idea that entrenched bureaucracies, beholden to no one, controlling the ship

of state with little concern for elected officials. In effect, a 'Shadow' government

Top Names:

1. Xi Jinping – General Secretary of the Communist Party of China.
2. Donald J. Trump – President of the United States of America; Trump took the Top Honors in 2016 and 2015.
3. Pope Francis – Jorge Mario Bergoglio, the 266th Pope of the Catholic Church, the Bishop of Rome, and sovereign of Vatican City [10].

2018

Top Words:

1. The Moment – A confluence of fame, fortune, and happenstance (Worldwide).
2. Weaponize – In today's bitterly partisan infighting, any word, action, or deed can and will be weaponized (US alone).
3. Opioids – 60,000 Americans or more will die this year from overdoses: more than from the entire Vietnam War – every year.

Данные по словосочетаниям за 2018 год пока не точны, так как в список Top Words включены (в отличие от списков других лет) не только отдельные слова, но и словосочетания (1), и, кроме того, на той же странице приводится общий список за период 2000-2018 гг., в котором даны другие Top Phrases (2):

(1)

1. North Korean Nukes – The threat appears to have subsided – for now.
2. Family separation – A worldwide challenge to the nuclear family.
3. Trade war – Mr Trump vs. the World, again.

(2)

1. #MeToo.
2. 'Shame! Shame! Shame!
3. Cajun Navy.

Наиболее распространённые имена собственные в 2018 г.:

Top Names

1. Donald Trump.
2. Xi Jinping.
3. Pope Francis [12].

Несмотря на некоторые расхождения в приведённых данных, очевидно, что материалы, собранные GLM, являются достаточно репрезентативным источником сведений для анализа таких вопросов, как интересы и увлечения широкой публики, общественно значимые политические, социальные, экономические, культу-

рологические проблемы, а также роль, которую общественное мнение отводит конкретным личностям, участвующим в этих событиях и процессах. При этом следует признать, что отобранные данные объективно показывают не столько само положение дел, мнения и настроения людей по всему миру, сколько то, в каком ключе названные явления, события и личности представлены в англоязычном информационном пространстве, а это пространство, как известно, во многом создаётся интенционально, и в зависимости от поставленных задач может отражать ситуацию как в свете объективно наблюдаемых фактов, так и в свете искажённого изображения, нацеленного на формирование определённого мировоззрения реципиентов, вплоть до «промывки мозга». Поэтому материалы GLM представляют особую значимость для исследований в области риторики, языкознания, нейро-лингвистического программирования, психологии, социологии, культурологии и других подобных гуманитарных направлений.

Кроме того, приведённые данные полезны для собственно лингвистического анализа, так как эволюционные тенденции в языке по понятным причинам привлекают очень пристальное внимание исследователей [1; 3; 7]. В частности они позволяют отслеживать неологизмы и структурные тенденции в лексике английского языка. Например, в корпусе новых единиц наблюдается активизация процессов сращения основ (1), аббревиации выражений общеупотребительного языка (2), расширение лексики интернет-коммуникации, образуемой по типу тех же общезыковых структурных процессов (3), о чём свидетельствует включение (хотя и не всегда на первых позициях) таких слов, как:

(1) Brexit, Trumponomics, Selfiediction, Foodie, Frenemy,

(2) LDR (Long Distance Relationship), FOMO (Fear of Missing Out), NSA (Never Say Anything),

(3) Dot.com, Twitter, Hashtag, Emoji, Txtng, LOL и других.

Примечательно, что включённые в проект GLM неологизмы, как правило, легко воспринимаются широкими массами после определённого порога частотности (неслучайно количество упоминаний служит одним из базовых критериев отбора слов и выражений), так как эти единицы регулярно используются всеми информационными каналами – телевидением, печатными СМИ, Интернет-источниками и т.д.; их посто-

янно можно обнаружить в социальных сетях не только в письменном формате, но и в аудио- и видеоматериалах (в формате фотографий, карикатурных изображений, плакатов и постеров). Именно поэтому сегодня люди разных национальностей, владеющие в той или иной степени английским языком, вполне успешно разгадывают их смысл. Однако остаётся пока нерешённым вопрос о включении таких единиц в языковую систему и закрепление их в соответствующих словарях. Полагаем, что на данном этапе ещё рано говорить о переходе многих слов такого типа в статус системно-языковых единиц; скорее их можно квалифицировать как элементы речи с тенденцией к переходу в систему языка.

Но, как говорится, «окончательный диагноз» поставит время.

В заключение отметим, что определение вербальных приоритетов в эпоху глобализации, подкреплённое данными спецпроекта, может служить стимулом для новых попыток определить статус этих языковых и/или речевых единиц в современной коммуникативной парадигме. Проекты, подобные The Global Language Monitor, наряду с более методологически сложными и глубокими корпусными исследованиями, открывают широкие перспективы для раскрытия проблематики гуманитарного состояния мирового сообщества и влияния на него англоязычного информационного пространства.

Список литературы

1. Банщикова М.А., Орешко В.М. О процессах лингвистической глобализации и интернационализации в современном обществе // Вопросы прикладной лингвистики. 2014. № 15-16. С. 10-17.
2. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 3-е дополн. М.: ЛКИ, 2009. 240 с
3. Киселева А.В. Эволюционные тенденции и перспективы развития английского языка // Вопросы прикладной лингвистики. 2016. № 22. С. 48-61.
4. Малахова В.Л. Функциональные свойства категории притяжательности в английском дискурсе: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Самара, 2011. 26 с.
5. Пражский лингвистический кружок. Сборник статей / Сост., ред. и предисл. Н.А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. 559 с.
6. Томалин Б., Малюга Е.Н. Деловой английский в век глобализации // Вопросы прикладной лингвистики. 2016. № 24. С. 7-18.
7. Aleksandrova O.V., Mendzheritskaya E.O., Malakhova V.L. Dynamic changes in modern English discourse // *Training language and culture*. 2017. Vol. 1, issue 1, pp. 92-106. doi: 10.29366/2017tlc.1.1.6
8. GLM/Global language monitor [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.languagemonitor.com/> (accessed: 15 April 2019)
9. GLM (2016). Top Trending Words and Phrases of 2016. Retrieved from: <https://www.languagemonitor.com/global-english/top-trending-words-and-phrases-of-2016-thus-far-bigly-brexite-non-binary/> (accessed: 15 April 2019)
10. GLM (2017). "Truth" is Top Word of the Year 2017 by The Global Language Monitor. Retrieved from: <https://www.languagemonitor.com/global-english/truth-is-top-word-of-the-year-2017/> (accessed: 15 April 2019)
11. GLM (2018a). The Number of Words in the English Language. Retrieved from: <https://www.languagemonitor.com/global-english/no-of-words/> (accessed: 15 April 2019)
12. GLM (2018b). Retrieved from: <https://www.languagemonitor.com/top-words-of-the-year/the-moment/> (accessed: 15 April 2019)
13. Mainzer K. *Thinking in Complexity. The Computational Dynamics of Matter, Mind, and Mankind*. Springer International Publishing AG. 2007. 493 p.
14. McCarthy M. Usage on the move: evolution and re-volution // *Training language and culture*. 2017. Vol. 1, issue 2, pp. 8-21. doi: 10.29366/2017tlc.1.2.1
15. Payack P.J.J. (2019). Ten Tips for Mastering Global English. Retrieved from: <https://www.languagemonitor.com/bookstore/https-payhip-com-b-0vti/> (accessed: 12 April 2019).

Сведения об авторах:

Пономаренко Евгения Витальевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка № 4 МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера профессиональных интересов: функциональная лингвистика, лингвопрагматика, деловой английский язык, системность языка и речи, лингвосинергетика, лингводидактика. E-mail: evgeniya.ponomarenko2017@gmail.com.

Харьковская Антонина Александровна – кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, Самара, Россия. Сфера профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, функциональная лингвистика, лингвопрагматика, инновации в языке, лингвосинергетика, лингводидактика. E-mail: aax2009@mail.ru.

Храмченко Дмитрий Сергеевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка № 4 МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера профессиональных интересов: деловой английский язык, функциональная лингвистика, лингвосинергетика, эволюция языка.
E-mail: d.s.khramchenko@icloud.com.

THE GLOBAL LANGUAGE MONITOR AS A MIRROR OF DYNAMICS OF THE ENGLISH LEXICAL SUBSYSTEM

Evgeniya V. Ponomarenko, Dmitry S. Khramchenko
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Antonina A. Kharkovskaya
Samara National Research University,
34 Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russia

Abstract: *The article presents an analytical survey of The Global Language Monitor (GLM), the project launched in 2003 as a platform for cataloguing the most popular English language units and annual release of the Top Words/Phrases/Names lists based on special criteria. The authors proceed from language comprehension as a complex dynamic self-developing system and look into The GLM materials as quite a reliable source of knowledge of the relevant trends in the evolution of the English lexis subsystem. Special attention is given to the GLM data for the previous three years (2016-2018).*

Registering the most frequent words and word combinations on-line gives ground for making judgments not only on the wide public values and attractions, but also on significant socio-political, economic, culture-related tendencies promoted by English information space. The article notes that the selected data objectively reflect not so much the true state of things and people's attitudes as the mode of presenting the said phenomena, events and individuals in information sources. Besides, the GLM contents can be useful for linguistic analysis proper, since they help to monitor lexical and structural innovations in English, some of them being exemplified herein. The authors argue that far from always do such words enter the language system, and qualify them as speech elements tending to transfer to the language system.

In conclusion the authors assert that projects like GLM, alongside more profound corpus studies, open up good prospects for investigating humanitarian issues of the global community and various impacts of information space thereon.

Key Words: *language evolution, language systemacy, lexis subsystem, GLM project, English neologisms, English word formation trends, English structural trends*

References

1. Bانشhikova, M.A., Oreshko, V.M. O protsessakh lingvisticheskoi globalizatsii i internatsionalizatsii v sovremennom obshchestve [On the processes of linguistic globalization and internationalization in modern society] // *Voprosy prikladnoi lingvistiki* [Issues of applied linguistics]. 2014. N 15-16. P. 10-17.
2. Budanov V.G. Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoi nauke i v obrazovanii [Synergetic methodology in postnonclassical science and education]. Izd. 3-e dopoln. Moskva: LKI, 2009. 240 p.
3. Kiseleva A.V. Evoliutsionnye tendentsii i perspektivy razvitiia angliiskogo iazyka [Evolutionary trends and English language development] // *Voprosy prikladnoi lingvistiki* [Issues of applied linguistics]. 2016. N 22. P. 48-61.
4. Malakhova V.L. Funktsional'nye svoistva kategorii pritiiazhatel'nosti v angliiskom diskurse: Avtoreferat diss. ... k. filol. n. [Functional properties of the category of possessiveness in English discourse: Author's abstract of Cand. Sc. thesis]. Samara, Russia. 2011. 26 p.
5. *Prague Linguistic Circle*. Moskva: Progress, 1967. 559 p.
6. Tomalin B., Maliuga E.N. Business English in the global age // *Voprosy prikladnoi lingvistiki* [Issues of applied linguistics]. 2016. N 24. P. 7-18.

7. Aleksandrova O.V., Mendzheritskaya E.O., Malakhova V.L. Dynamic changes in modern English discourse // *Training language and culture*. 2017. Vol. 1, issue 1, pp. 100-117. doi: 10.29366/2017tlc.1.1.6
8. *GLM/Global language monitor* [Electronic resource]. Retrieved from: <https://www.languagemonitor.com/> (accessed: 15 April 2019)
9. *GLM* (2016). Top Trending Words and Phrases of 2016. Retrieved from: <https://www.languagemonitor.com/global-english/top-trending-words-and-phrases-of-2016-thus-far-bigly-brexite-non-binary/> (accessed: 15 April 2019)
10. *GLM* (2017). "Truth" is Top Word of the Year 2017 by The Global Language Monitor. Retrieved from: <https://www.languagemonitor.com/global-english/truth-is-top-word-of-the-year-2017/> (accessed: 15 April 2019).
11. *GLM* (2018a). The Number of Words in the English Language. Retrieved from: <https://www.languagemonitor.com/global-english/no-of-words/> (accessed: 15 April 2019).
12. *GLM* (2018b). Retrieved from: <https://www.languagemonitor.com/top-words-of-the-year/the-moment/> (accessed: 15 April 2019)
13. Mainzer K. (2007). *Thinking in Complexity. The Computational Dynamics of Matter, Mind, and Mankind*. Springer International Publishing AG. 493 p.
14. McCarthy M. Usage on the move: evolution and re-volution // *Training language and culture*. 2017. Vol. 1, issue 2, pp. 8-21. doi: 10.29366/2017tlc.1.2.1
15. Payack P.J.J. (2019). *Ten Tips for Mastering Global English*. Retrieved from: <https://www.languagemonitor.com/bookstore/https-payhip-com-b-0vti/> (accessed: 12 April 2019).

About the authors:

Evgeniya V. Ponomarenko – Doctor of Philology, Associate Professor, professor of English Language Department № 4, MGIMO University (Russia, Moscow). Spheres of research and professional interest: functional linguistics, linguistic pragmatics, Business English, systemacy of language and speech, linguosynergetics, linguodidactics. E-mail: evgeniya.ponomarenko2017@gmail.com.

Antonina A. Kharkovskaya – PhD in Philology, Professor, professor at English philology Department, Korolev Samara National Research University (Samara, Russia). Spheres of research and professional interest: cognitive linguistics, functional linguistics, linguistic pragmatics, innovations in language, linguosynergetics, linguodidactics. E-mail: aax2009@mail.ru.

Dmitry S. Khramchenko – Doctor of Philology, Associate Professor, professor of English Language Department № 4, MGIMO University (Russia, Moscow). Spheres of research and professional interest: Business English, functional linguistics, linguosynergetics, language evolution. E-mail: d.s.khramchenko@icloud.com.

* * *

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-КНИЖНОЙ ЛЕКСИКЕ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

А.Н. Ракушина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматриваются в диахроническом аспекте семантические изменения английской литературно-книжной лексики, в частности, тех лексических единиц, которые в произведениях английской художественной литературы XVIII-XIX веков выступали в качестве индексов социальной идентификации. Для изучения книжных слов привлекались словари разных исторических периодов, начиная с первого толкового словаря английского языка Сэмюэля Джонсона (1755г.) и заканчивая современными словарями ведущих британских издательств Oxford и Cambridge. Цель исследования – проследить за динамикой развития семантики этих слов и теми изменениями, которые происходили на протяжении более двух веков и нашли своё отражение в словарях разных периодов. Делаются выводы о том, что в процессе исторического развития английская литературно-книжная лексика подверглась многочисленным семантическим изменениям: генерализации, конкретизации, семантическому смещению, переносу значений, но самой значительной семантической трансформацией является смена коннотаций у слов. Результаты исследования доказывают важность углубленного изучения литературно-книжной лексики.

Ключевые слова: литературно-книжная лексика, семантические изменения, диахрония, генерализация, конкретизация, смена коннотаций, семантическое смещение

Материал исследования

Язык социален по природе и во всех своих проявлениях отражает процессы развития общества. Синхронное состояние словарного состава английского языка является результатом исторических изменений, изучение которых позволяет лучше понять сочетаемостные возможности слов, предсказать их «поведение» и вскрыть дополнительную имплицитную информацию о говорящем, его социальном статусе, отношении к предмету высказывания и оценке [19]. Целью данной статьи является изучение литературно-книжной лексики в исторической перспективе и выявление с помощью словарей разных исторических периодов тех семантических изменений, которые отражаются в

словарных статьях. Этим определяется новизна исследования и её актуальность для проведения более масштабного социолингвистического исследования, нацеленного на выявление того потенциала социального индексирования, который литературно-книжная лексика формировала на протяжении веков [3] и который до настоящего времени не становился объектом отдельного научного разыскания.

Следует особо отметить, что изучаемый пласт лексики обширен и очень неоднороден по своему составу: он включает в себя общие книжные слова, термины, архаические и поэтические слова, варваризмы и неологизмы. В силу гетерогенности литературно-книжной лексики в рамках одной научной статьи не представляется возможным охватить изучение всех кате-

горий входящих в него слов. Поэтому в фокус нашего исследовательского внимания попадает та часть литературно-книжной лексики, которая отмечалась в произведениях художественной литературы XVIII-XIX веков и, как правило, использовалась писателями того времени в качестве индексов социальной идентификации. В неё вошли 24 лексические единицы, отобранные на основе романов Джейн Остен.

Для исследования семантических изменений выделенных слов привлекались словари разных исторических периодов, в частности: словарь английского языка Сэмюэля Джонсона (*A Dictionary of the English Language*) (в редакции 1826 года); этимологический словарь Чемберса (*Chamber's Etymological Dictionary of the English Language*) (1872); новый международный словарь Уэбстера (*Webster's New International Dictionary*) (1924); краткий Оксфордский словарь современного английского языка (*The Concise Oxford Dictionary of Current English*) (1964); Кембриджский международный словарь (*Cambridge International Dictionary of English*) (1995); словарь английского языка и культуры Лонгмана (*Longman Dictionary of English Language and Culture*) (2005); Оксфордские онлайн словари (*Oxford dictionaries*), Кембриджский онлайн-словарь (*Cambridge Dictionary*).

Важно отметить, что в ранних лексикографических источниках отсутствует стилистическая дифференциации слов, но тот факт, что первый словарь английского языка Сэмюэля Джонсона составлялся на основе научной и художественной литературы, а языковая норма в тот период ориентировалась на язык художественной литературы, позволяет нам отнести выделенные слова к разряду книжной лексики.

Следует также подчеркнуть следующее: хотя литературно-книжная лексика является менее динамичным пластом по сравнению с разговорной, это «не означает стабильности её состава в разные периоды и единообразия её маркированности» [6, с. 21]. В процессе исторического развития книжная лексика подвергалась определённым семантическим изменениям, как и другие пласты лексики.

Семантическое исследование литературно-книжных слов

Традиционно к семантическим трансформациям относят: 1) изменение денотативного компонента (расширение или сужение значения, семантический сдвиг); 2) перенос значения

(метафоризация, метонимизация); 3) изменение коннотативного компонента (ухудшение или улучшение значения). Некоторые учёные добавляют другие трансформации. Так, американский лингвист Леонард Блумфилд помимо выделенных классов к семантическим изменениям относит также гиперболу и литоту [11], британский лингвист Стивен Ульман добавляет эллипсис, народную этимологию [26]. В нашем исследовании мы придерживаемся традиционного подхода к изучению семантических изменений. Останемся на каждом из них.

1. Изменение денотативного компонента

1.1. Семантическое расширение/сужение

Семантическое расширение (или генерализация) определяется как «увеличение семантического объёма (семантической ёмкости) слова в процессе исторического развития или в контексте речевого употребления» [1, с. 369]. Другими словами, происходит «переход от видового значения к родовому, сопряжённый с утратой смысловых элементов» [2, с. 37].

К примеру, в первом словаре английского языка Сэмюэля Джонсона у глагола “accrue” мы наблюдаем много дифференцирующих значений: “to be added, as an advantage or improvement (прибавлять (о преимуществе или улучшении); in a commercial sense to arise, as profits (в коммерческом смысле увеличиваться (о прибыли); to follow, as loss (приносить (убыток)» [20, р.8], каждое из которых было поглощено одним абстрактным значением, зафиксированным в современных словарях как “to increase in number or amount over period of time” [15] (со временем увеличиваться в количестве или объёме).

Другим примером является глагол “fatigue”, который имел изначально более конкретизирующие значения: “to tire, to weary, to harass with toil” (уставать, изматываться тяжёлой работой) [20, р. 269], “to weary with labor or any bodily or mental exertion; to exhaust the strength or endurance of” (уставать от работы или от иных физических или умственных усилий, истощить силы или выносливость) [27, р. 795] по сравнению с широким значением “to make someone extremely tired” [15], отмеченным в современных словарях.

Семантическое сужение

Семантическое сужение (конкретизация, специализация) трактуется как «уменьшение семантического объёма слова в процессе исторического развития или в контексте речевого употребления» [1, с. 462]. При сужении значения происходит обратный генерализации про-

цесс: «переход от родового значения к видовому, сопряжённый с обогащением значения новыми смысловыми элементами» [2, с. 45].

Примером конкретизации может быть глагол “append”, изначально абстрактный – “to hang anything upon another, to add to something” [20, p. 19]. С 1924 года появляются более конкретные значения в семантике этого глагола – “to add as necessary; to annex: as, notes appended to this chapter” [27, p. 108]. В настоящее время глагол зафиксирован словарями в значении “to add something to the end of a written document” [23] (прилагать, приложение).

Глагол “venture” также изначально определялся как “1) to dare; 2) to run a hazard” [20, p. 552]. Начиная с 1924 года значение “to dare” становится всё более конкретным, о чём свидетельствуют словари, отражающие развитие этого слова: “to have the courage or presumption to do, undertake or say something” [27, p. 2273] (иметь смелость или уверенность что-то сделать, предпринять или сказать) → “to risk saying something that might be criticized” [21, p.1613] (рисковать сказать что-то, что может быть подвержено критике) → “to take the risk of saying (something that may be opposed or considered foolish)” [15, p.1528] (рисковать сказать что-то наперекор или глупость).

Необходимо отметить, что сужение и расширение значений – две равнозначные тенденции в развитии семантики литературно-книжных слов. С одной стороны, литературно-книжная лексика проявляет тенденцию, свойственную развитию английского языка в целом, в сторону дифференциации значений, что подтверждают исследования Х. Вернера, с другой стороны, являясь неотъемлемой частью науки, книжная лексика демонстрирует склонность к образованию общих, абстрактных понятий из частных и конкретных слов, что характерно для научного мышления [28, p. 203].

1.2. Семантическое смещение

Под семантическим смещением мы понимаем «переход от родового значения к другому видовому значению в пределах одного рода, замена соподчинённым значением» [2, с. 40.]. Данный вид трансформации предполагает, что значения, зафиксированные в современных словарях, несколько отличаются от значений, отражённых в первых словарях, но остаются в пределах одного родового понятия.

К примеру, прилагательное “replete” изначально определялось как “full, completely filled, filled to exuberance” [20, p. 609]. Словарь 1872

года сохраняет данное значение, а Новый международный словарь Вебстера (*Webster new international dictionary*) 1924 года фиксирует наметившиеся изменения в сторону семантического смещения: из выделенных в словаре трёх значений второе абстрактное значение “full, complete” имеет помету «устар.», как и более конкретное значение “filled out; fat; stout; as, a replete body” [27, p. 1808]. Пометы указывают на то, что прилагательное редко употребляется в данных значениях, в то время как первое значение “filled; esp., filled to completion, satisfaction, or abundance; full; charged; abounding” [27, p. 1808], напротив, становится широкоупотребительным. В последующие периоды всё чаще употребляется наречие “well” в значении: “well stocked” (хорошо укомплектованный) (1964) [25], “well supplied” (хорошо снабжённый) (1995) [16], “well provided” (хорошо обеспеченный) (2005) [21]. В современных словарях прилагательное “replete” снабжено пометой “formal” и определяется в значении “filled or well-supplied with something” [23]. Это значение, оставаясь в системе родового понятия «полный, переполненный», демонстрирует смещение в сторону значения «хорошо снабжённый, обеспеченный». Для сравнения приведём примеры:

«...Impossible that any situation could be more *replete* with comfort; if we except, perhaps, Mrs. Suckling’s own family, and Mrs. Bragge’s...” [10].

“It was not merely that he had paid her shot. He had paid it as if it were his own. For it was his room and his bed in which she had lain so snugly. *Replete* with his food, too” [13].

Семантическое смещение прослеживается и в следующих словах:

“obviate”

to meet in the way, to prevent by interception (встретить препятствие на пути, предотвратить путём перехвата) → to meet in the way; to remove, as difficulties (встретить препятствие на пути, устранить (о сложности)) → to remove (a difficulty), esp. so that action to deal with it becomes unnecessary (устранить (сложность), особенно так, чтобы то, с чем она связана, стало ненужным) → to clear away (a difficulty); make unnecessary (устранить (сложность), сделать ненужным);

“deplore”

to lament, to bewail, to mourn (оплакивать, скорбеть, горевать) → to feel or express deep grief for; to sorrow over; to tell of grievously (чувствовать или выражать глубокое горе, печалиться, говорить с горечью) → to say or think that (something)

is very bad; to condemn (сетовать, осуждать) → to feel or express strong disapproval of (something) (чувствовать или выражать сильное осуждение); “endure”

to undergo, to sustain (переносить, выдержать) → to bear without sinking (выносить, не опускаясь) → to continue to exist for a long time (продолжать существовать долгое время) → to remain alive or in existence, especially in spite of difficulty (оставаться в живых или продолжить существование, особенно несмотря на сложности).

2. Изменения лексического значения в результате переноса

Одним из наиболее продуктивных способов семантических изменений является метафоризация. О.С. Ахманова определяет её как «расширение смыслового объёма слова за счёт возникновения у него переносных значений и усиления его экспрессивных свойств» [1, с.224].

К примеру, слово “*porinjay*” пришло в английский язык в средние века из французского “*parégaï*” в значении «попугай» (в то время попугай был редкой птицей). Со временем у слова появились переносные значения: «зелёный дятел» и «щёголь» – так, в первом словаре С. Джонсона мы находим три значения: 1) a parrot; 2) a woodpecker; 3) a trifling for [20, p. 554]. В современных словарях закреплено одно переносное значение: “someone, usually a man, who is too interested in or proud of their own appearance” [15], словари редко фиксируют первоначальное значение слова “*porinjay*” – «попугай», поскольку оно было вытеснено из языка словом “*parrot*”, и если фиксируют, то с пометой «архаичное». Важно отметить изменение коннотативного компонента слова с течением времени. В средние века позволить приобрести себе «чудо-птицу» мог не каждый, поэтому сравнение человека со столь красивой и редкой птицей считалось комплиментом. Но в 1500-х годах попугаи стали общедоступными, а их яркое вульгарное оперение и гримасничанье способствовали появлению пейоративной коннотации у слова, что отражается в помете “*disapproving*”, которую находим в современных словарях [22].

Вытеснение первоначального значения метафоричным наблюдается и в слове “*soxcomb*”, которое изначально определялось как “a strip of red cloth notched like a cock’s comb which professional fools used to wear” [17, p. 76]. Позже этим словом называли как шутов, так и пижонов. Именно значение «пижон, щёголь», вытеснив другие значения, сохранялось на протяжении долгого

времени. Многие словари фиксируют только это значение.

Другим способом семантической трансформации на основе переноса является метонимия. Метонимия есть такой тип семантических изменений, при котором «перенос имени того или иного предмета или явления на другой предмет или явление осуществляется на основе реальных (а иногда воображаемых) связей между соответствующими предметами или явлениями» [9, с. 46]. Основой метонимии могут служить причинные, следственные, логико-смысловые и другие связи. К примеру, слово ‘*approbation*’ изначально определялось через действие “*act of approving*” [20], данное значение сохранялось вплоть до 1924 года, но уже с 1964 года словари фиксируют следующие значения: “*approval, sanction*” [25, p. 64], “*approval or agreement*” [16, p. 58], “*approval or praise*” [23]. Тем самым, значение слова со временем сместилось от действия, процесса к результату.

3. Изменения лексического значения в результате смены коннотаций

Коннотация – сложное и многоаспектное явление, представляющее собой систему элементов, дополняющих предметно-понятийное и грамматическое содержание слова. «Наличие тех или иных элементов коннотации в слове связано с его функционированием в определённых сферах, социальных группах, с коммуникативной ситуацией в целом, с оценкой со стороны говорящего» [8, с.118]. В процессе языкового развития некоторые слова теряют, а другие приобретают дополнительные коннотации. Это происходит благодаря психолингвистическому восприятию слов носителями и ассоциациям. Изменения коннотаций непосредственно книжных слов связаны с противоречивыми отношениями между социальными классами, в частности отношением к элите в разные временные периоды. Иными словами, мы вслед за И. А. Стерниным считаем, что «коннотативный семантический компонент выражает отношение говорящего к предмету в форме эмоции и оценки» [7, с. 45]. Для иллюстрации приведём пример:

“*Dammit, Tallboy, even given the poverty of your mind and the inadequacy of police training nowadays, surely they must have taught you that madmen, nutters, as you call them, follow a pattern? Their actions are meaningful to themselves and therefore to us. All we need to do is to widen -- or invert -- our normal frames of reference.*” Tallboy continued to sweat. There was quite a lot he didn’t follow in his

Superintendent's speech starting with 'obviate'. Still, he caught the general tone.' Well, I don't know why anyone should go to that trouble. Too fancy as you say, sir,' he said placatorily.' Orpheus, of course, lost his head,' said the Superintendent ruminatively, the Scottish accent now quite discernible. Tallboy scanned the list of people from whom statements had been taken" [13].

В представленном отрывке употребление книжного слова "obviate", имеющего в словарях пометы "formal", "academic", "pompous", в живой речи подчёркивает образованность и социальный статус одного героя и усиливает эмоциональное напряжение другого, который не понимает и половины высокопарных высказываний руководителя.

Многочисленные словари, снабжающие слова специальными пометами 'humorous', 'pompous',

'disapproving', 'overformal', 'purely literary' и другими, сигнализируют о необходимости очень осторожного использовании этих слов.

В нашем исследовании коннотаций мы опирались как на традиционные, так и специализированные словари: "The ABC of style: a guide to plain English" by Rudolf Flesch [18], 'Bryson's dictionary of troublesome words' by Bill Bryson [14], 'The Superior person's book of words' by Peter Bowler [12], 'The Cambridge Guide to English Usage' by Pam Peters [24]. Важно отметить, что коннотативные компоненты слов не всегда зафиксированы в лексикографических источниках, но часто проявляются в речи.

Приведённая ниже таблица отображает результаты исследования выделенного корпуса слов.

Слово	Комментарий	Нейтральный синоним
Accrue	is sometimes misused as a <i>pompous</i> synonym for come (p10)	come
Append	is an <i>overformal</i> word that should always be charged to a simpler one	add
Ascertain	is a formal meaning find, find out, make sure.	find, find out, make sure
Attired	is a <i>poor</i> word to use instead of dressed	dressed
Demeanor	is too <i>hefty</i> a word for manner or air.	manner, air
Endeavour	Don't use endeavor as a <i>formal</i> synonym for try	try
Inebriate	Formal, humorous	drunk
Lieu	In lieu of is a <i>legalism</i> for instead of.	Instead of
Obviate	sounds <i>pompous</i> and <i>academic</i>	do away with, conceal, prevent, forestall, blot out, meet
Replete	is a <i>pompous</i> word for filled or full	filled, full
Sanguine	Sanguine is a <i>pompous</i> word for hopeful	Hopeful, optimistic
Surmise	is a <i>fancy</i> word;	think, guess, suppose

Употребление перечисленных слов в привычной формально-академической ситуации считается нормой, однако в иных ситуациях общения слова могут нести дополнительные вышеуказанные коннотации. Для примера приведём два отрывка, взятых из стилистически разных текстов британского национального корпуса.

"But what differentiates the earlier part of this century from either the present or the early nineteenth century is that these problems did not all coalesce into one disturbing image of a threatening, dangerous, and disorderly criminal class. Various types of criminal -- the political, the habitual and the recidivist, the feeble-minded, the *inebriate*, the juvenile -- were all differentiated as separate specimens in the taxonomies of the new science of criminology" [13].

"Towards the end of our trip, we did make it to Karakul, a day's journey by jeep, to film a rare Central Asian gull, the brownheaded gull. The land

around the lake is dry, stony desert, and you can take a four-wheel-drive vehicle almost anywhere, at least until you run out of fuel. That was where the vodka came in. I had been worried about the vodka. Sergei, our interpreter, had been known to get so hopelessly *inebriate* as to be incapable of speech, let alone translation. Nevertheless, most of the bottles remained miraculously intact, and during a visit to the local border guards, each bottle was translated into 10 litres of petrol. When the helicopter came to collect us, the crew said they would take everything in one journey rather than the expected two" [13].

Первый текст представляет собой академическое эссе, слово 'inebriate', находясь в стилистически однородном контексте, не приобретает дополнительных коннотаций и, как следствие, лишён стилистической окраски. Второй же текст – отрывок из журнала ВВС, где через употребление литературного слова в контексте стилистически нейтрального изложения автор

высмеивает безнравственное поведение переводчика. Слово “inebriate”, приобретая со временем юмористический оттенок, о чём свидетельствуют соответствующие пометы в словарях, сообщает читателю дополнительную информацию о соответствующем (юмористическом) отношении говорящего к предмету высказывания.

Язык постоянно находится в процессе развития. Изменения в языке связаны, прежде всего, со сменой отношения самих носителей языка к тем или иным понятиям, предметам, явлениям окружающей действительности. Литературно-книжные слова, с одной стороны, как и большая часть лексики английского языка, развивались по пути от общего и абстрактного к конкретному и частному, но, с другой стороны, являясь частью научного познания, книжная лексика проявляла тенденцию к развитию абстрактных значений из более конкретных. Многие перво-

начально выделенные значения были вытеснены переносными, что отражает ассоциативное восприятие языка обществом. Но самые сложные изменения в литературно-книжных словах проявляются в коннотациях. Те литературно-книжные слова, обозначенные в художественной литературе XVIII-XIX веков и считавшиеся нормой для представителей высших классов, в настоящее время ввиду приобретённых коннотаций могут придавать высказыванию чрезмерную формальность, искусственность, а иногда снобизм, педантизм и напыщенность. Таким образом, наше исследование подтвердило убеждение многочисленных лингвистов и составителей словарей [1, 3, 4, 5, 18 и др.] о том, что литературно-книжная лексика – сложный и своеобразный пласт лексики, требующий аккуратности в её использовании и учёта стилистической окраски.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Издательство «Советская Энциклопедия», 1966. 606 с.
2. Варбот Ж.Ж., Журавлев В.В. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии // Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Этимология и история слов русского языка. 1998. 54 с.
3. Ивушкина Т.А. Социолингвистические аспекты развития английской речи (на материале речевых характеристик представителей высших классов Великобритании в произведениях английской художественной литературы): дис... канд. филол. наук. М., 1998. 295 с.
4. Ивушкина Т.А. Шибболеты высших классов в зеркале английской художественной литературы//Современные тенденции в германском языкознании: вербализация смыслов. М., 2017. С. 154-222.
5. Карачина О.Е. Актуализация комического эффекта посредством использования книжной лексики и книжного стиля в двуязычной ситуации общения (на материале сравнения русского и английского языков): дис ... канд. филол. наук. М., 1999. 170 с.
6. Куликова Н.А. Книжная лексика современного английского языка: дис...канд. филол. наук. Одесса, 1985. 225 с.
7. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 138 с.
8. Сторожева Е.М. Коннотация и ее структура/ Е.М. Сторожева//Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 13. С. 113-118.
9. Харитончик З.А. Лексикология английского языка. Минск: Выш. Шк., 1992. 229 с.
10. Austen J. Emma. London: Penguin, 2012. 496 p.
11. Bloomfield L. Language. – New York: Allen & Unwin, 1973. 556 p.
12. Bowler P. The Superior person's book of words. London: Bloomsbury, 2002. 166 p.
13. British National Corpus – BNC, 2018. <https://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 19.12.2018)
14. Bryson B. Bryson's dictionary of troublesome words. New York: Broadway books, 2004. 241 p.
15. Cambridge Dictionary by Cambridge University Press, 2018. <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 19.12.2018)
16. Cambridge International Dictionary of English. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 1792 p.
17. Chamber's Etymological Dictionary of the English Language. London and Edinburg: W. & R. Chambers, 1872. 592 p.
18. Flesch R. The ABC of style: a guide to plain English. New York. 1964. 303 p.
19. Ivushkina T. Words as indices of social and cultural identity//Literature, Language and Linguistics. 2017. V.3. N.№3. Pp. 96-102
20. Johnson S. A Dictionary of the English Language. London. 1826. 882 p.
21. Longman Dictionary of English Language and Culture. New Edition. Harlow: Longman, 2005. 1592 p.
22. Merriam-Webster Unabridged Dictionary by Britannica digital learning, 2018. <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 19.12.2018)
23. Oxford Dictionaries by Oxford University Press, 2018. URL: <https://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 19.12.2018)
24. Peters P. Cambridge Guide to English Usage. Sydney: Cambridge University Press, 2004. 608 p.
25. The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 1964. 1558 p.
26. Ullmann S. Principles of Semantics. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 1967. 346p.
27. Webster's New International Dictionary of the English Language London: G. Bell & sons, LTD, 1924. 2620 p.

28. Werner H. Change of meaning: a study of semantic processes through the experimental method// The Journal of General Psychology. London. 1954. Pp. 181–208.

Сведения об авторе:

Ракушина Альфия Наилевна – соискатель кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России. Научные интересы: лексикология, социолингвистика, художественный текст. E-mail: karjazovaalfija@rambler.ru.

SEMANTIC DEVELOPMENT IN ENGLISH LITERARY WORDS: DIACHRONIC ASPECT

A.N. Rakushina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *This article focuses on semantic analysis of literary words in a historical perspective. This research draws on English dictionaries of different time periods including the first Dictionary of English Language by Samuel Johnson (1755), Oxford and Cambridge dictionaries of the XIX-XX centuries and the beginning of the XXI century. The object of the research is bookish words most frequently used in upper-class speech of the XVIII-XIX c. fiction and therefore implicit linguistic markers of social identity. The aim of this paper is to look into semantics evolution of the selected words diachronically. The article considers the changes this category of words historically undergoes, i.e. generalization, specialization, semantic shifts, metaphor and metonymy, and changes in connotation being the most subtle and difficult to infer. The research outcome testifies to the practical relevance and theoretical significance of the study.*

Key Words: *literary words, semantic changes, diachronic approach, generalization, specialization, change in connotation, semantic shift*

References

1. Akhmanova O.S. *Ocherki po obshchei i russkoi leksikologii* [Essays in general and Russian lexicology]. M.: Librokom, 2009. 295 p. (In Russian)
2. Varbot Zh.Zh., Zhuravlev V.V. *Kratkii poniatiino-terminologicheskii spravochnik po etimologii i istoricheskoi leksikologii* [Brief glossary of etymological terms and historical lexicology]. Rossiiskaia akademiia nauk, Institut russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova RAN, Etimologiya i istoriya slov russkogo iazyka. 1998. 54 p. (In Russian)
3. Ivushkina T.A. *Sotsiolingvisticheskie aspekty razvitiia angliiskoi rechi (na materiale rechevykh kharakteristik predstavitelei vysshikh klassov Velikobritanii v proizvedeniakh angliiskoi khudozhestvennoi literatury)* [Sociolinguistic aspects of the English speech development (on the materials of the upper class speech portrayals in English 20-th century fiction): Dis... kand. filol. nauk. M., 1998. 295 p. (In Russian)
4. Ivushkina T.A. *Shibbolety vysshikh klassov v zerkale angliiskoi khudozhestvennoi literatury* [Shibboleths of the upper classes of Great Britain as mirrored in English literature] //Sovremennye tendentsii v germanskom iazykoznanii: verbalizatsiia smyslov. M., 2017. Pp.154-222.
5. Karachina O.E. *Aktualizatsiia komicheskogo efekta posredstvom ispol'zovaniia knizhnoi leksiki i knizhnogo stilii v dvuiazychnoi situatsii obshcheniia (na materiale sravneniia russkogo i angliiskogo iazykov)* [Actualization of the comic effect by means of the literary words and bookish style in a bilingual situation of communication (on the material of the Russian and the English languages): Dis ... kand. filol. nauk. M., 1999. 170 p. (In Russian)
6. Kulikova N.A. *Knizhnaia leksika sovremennogo angliiskogo iazyka* [Literary words of modern English]: Dis...kand. filol. nauk. Odessa, 1985. 225 p. (In Russian)
7. Sternin I.A. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical meaning of a word in speech]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1985. 138p. (In Russian)
8. Storozheva E.M. *Konnotatsiia i ee struktura* [Connotation and its structure]/E.M. Storozheva//Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007, №13. Pp. 113-118. (In Russian)
9. Kharitonchik Z.A. *Leksikologiya angliiskogo iazyka* [English Lexicology]. Minsk: Vysh. Shk., 1992. 229p. (In Russian)
10. Austen J. *Emma*. London: Penguin, 2012. 496 p.
11. Bloomfield L. *Language*. New York: Allen & Unwin, 1973. 556 p.
12. Bowler P. *The Superior person's book of words*. London: Bloomsbury, 2002. 166 p.

13. *British National Corpus – BNC*, 2018. Available at: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (Accessed 19.12.2018)
14. Bryson B. *Bryson's dictionary of troublesome words*. New York: Broadway books, 2004. 241 p.
15. *Cambridge Dictionary* by Cambridge University Press, 2018. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (Accessed 19.12.2018)
16. *Cambridge International Dictionary of English*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 1792 p.
17. *Chamber's Etymological Dictionary of the English Language*. London and Edinburg: W. & R. Chambers, 1872. 592 p.
18. Flesch R. *The ABC of style: a guide to plain English*. New York, 1964. 303 p.
19. Ivushkina T. *Words as indices of social and cultural identity* // Literature, Language and Linguistics. 2017. V.3. N.№3. Pp. 96-102
20. Johnson S. *A Dictionary of the English Language*. London, 1826. 882 p.
21. *Longman Dictionary of English Language and Culture*. New Edition. Harlow: Longman, 2005. 1592 p.
22. *Merriam-Webster Unabridged Dictionary by Britannica digital learning*, 2018. Available at: <https://www.merriam-webster.com> (Accessed 19.12.2018)
23. *Oxford Dictionaries* by Oxford University Press, 2018. Available at: <https://www.oxforddictionaries.com> (Accessed 19.12.2018)
24. Peters P. *Cambridge Guide to English Usage*. Sydney: Cambridge University Press, 2004. 608 p.
25. *The Concise Oxford Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press, 1964. 1558 p.
26. Ullmann S. *Principles of Semantics*. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 1967. 346 p.
27. *Webster's New International Dictionary of the English Language*. London: G. Bell & sons, LTD, 1924. 2620 p.
28. Werner H. *Change of meaning: a study of semantic processes through the experimental method* // The Journal of General Psychology. London. 1954. Pp. 181—208.

About the author:

Alfija N. Rakushina – graduate student of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs. E-mail: karjazovaalfija@rambler.ru.

* * *

SELFIE, LEGSIE И ДРУГИЕ НЕОЛОГИЗМЫ ДЛЯ ПРИВАТНЫХ ФОТО

К.А. Степанян

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
г. Москва, проспект Вернадского 76, 119454, Россия

Ю.В. Горшунов

Башкирский государственный университет (Бирский филиал)
г. Бирск, ул. Интернациональная, 10, 452453, Россия

Е.Ю. Горшунова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, г. Москва, проспект Вернадского 82, стр.1, 119571, Россия

*Развитие английского языка в конце XX – начале XXI вв. внесло некоторые поправки в наши представления о продуктивности способов словообразования и о моделях, по которым создаются новые слова. Авторы статьи считают, что имеются веские основания отнести в разряд главных или основных способов английского словообразования аббревиацию, поскольку её продуктивность остаётся неизменно высокой начиная с 1930-х годов. Изменения лексики, связанные с зарождением и становлением новых словообразовательных моделей, появлением новых словообразовательных элементов и новых слов, а также новых значений у слов и аффиксов, заслуживают особого внимания исследователей языка. Одним из самых популярных новых слов в английском языке за последнее время является слово **selfie**, зарегистрированное Оксфордским словарём английского языка в качестве неологизма в конце 2013 года. Цель статьи – представить эволюцию развития слова **selfie** и дать лингвистическую и социокультурную характеристику новообразованиям, созданным по аналогии с ним. В статье рассмотрены новообразования, обозначающие новые разновидности авто-фотографии, в зависимости от того, какая часть тела или какой человек и какая ситуация выбраны объектом селфи-фотографии. Многочисленные новообразования по аналогии с **selfie** дают нам право утверждать, что **selfie** воплощает дух времени. Это удачный пример потенциальных возможностей суффикса **-ie**, участвующего в образовании слов, обозначающих разновидности «селфи». Рассмотренные в статье новообразования несут ироничные коннотации, которые усиливаются именно за счёт суффикса **-u/-ie**. Они являются прагматически отмеченными в оценочном плане уже на уровне лексической системы.*

Ключевые слова: селфи, неологизм, аббревиация, словообразовательная модель, суффикса **-ie**, продуктивность

В лингвистической и популярной литературе по проблемам неологии и современного состояния словарного состава английского языка отмечается, что английский язык, являясь очень отзывчивым на изменения, происходящие в социуме, переживает «неологический бум» [3], [8], [18], [17], [20], [19], [7], [16], [13], [11]. Ежегодно словарь современного английского языка увеличивается на 15-20 тысяч лексических единиц.

Развитие английского языка во второй половине XX в. внесло некоторые поправки в наши представления о продуктивности способов словообразования и о моделях, по которым создаются новые слова. Наряду с традиционно выделяемыми способами словообразования (аффиксация, словосложение, аббревиация (включая усечение и акронимию), конверсия) всё большую активность проявляет словослияние и совмещённые процессы образования но-

вых лексических единиц, например, сочетание усечения и суффиксации, акронимии и суффиксации. Причём аббревиацию, по нашему мнению, мы вправе отнести в разряд главных или основных способов английского словообразования, поскольку её продуктивность остаётся неизменно высокой начиная с 1930-х годов и по настоящее время, то есть на протяжении более чем восьми десятков лет. Несомненно, эволюционные (и революционные) изменения лексики, связанные с зарождением и становлением новых словообразовательных моделей, появлением новых словообразовательных элементов и новых слов, а также новых значений у слов и аффиксов, заслуживают особого внимания лингвистов.

Одним из самых популярных новых слов в английском за последнее время является слово *selfie* – a photo you take of yourself (for use in social media) – фотография самого себя, «самоснимок», «себяшка», обычно сделанная на мобильный телефон, которую помещают на всеобщее обозрение в социальных сетях. В 2012 году слово *selfie* стало словом года в США, в 2013 году повторило свой успех в Великобритании, а в конце 2013 года зарегистрировано Оксфордским словарём английского языка в качестве неологизма! По мнению составителей словаря, слово *selfie* безоговорочно заняло первое место в категории неологизмов, внесших значительный вклад в развитие английского языка [21]. Его русские соответствия, известные нам, – заимствование «селфи», «селф-шот», калькированное «себяшка» и сложные слова «авто-фотография», «самострел», «самопал», «самоснимок», «самощёлк» и, возможно, некоторые другие разговорные слова. Появилось много шуточных и не всегда серьёзных откликов на слово *selfie*. Интересные и познавательные комментарии находим на сайте theoryandpractice.ru [22]. Журнал *Speak Out* для изучающих английский язык поместил информационно-развлекательную статью “Selfie” the Word of the year of 2013 [9].

Существуют различные версии происхождения слова *selfie*. На страницах *Speak Out* нам встретилось утверждение, что слово *selfie* придумал один «Подвыпивший Австралиец» [9, с. 8]. Считается, что *selfie* образовано от слова *self* с использованием активного и продуктивного суффикса *-ie*, то есть является результатом деривации (аффиксации) [13, с. 94]. Есть мнение, что слово *selfie* – результат аббревиации. Автор работы, посвящённой анализу новых слов, зарегистрированных на электронном блоге словаря

Cambridge Dictionary Online, отмечает, что «на анализируемом ресурсе есть блог, посвящённый лингвистической характеристике этого слова, несомненной аббревиатуры, но от какого слова: self-taken photograph? Self-portrait photograph?» [11, с. 322]. Мы же квалифицируем слово *selfie* как суффиксированное сокращение, то есть как сокращённо-производное слово, появившееся в результате одновременного действия сокращения и суффиксации, то есть как результат взаимодействия двух словообразовательных процессов, тем более что наличие сокращённо-производных слов отмечается как отличительная черта австралийского варианта [1]. Термин «сокращённо-производные слова» по отношению к словам, возникающим в результате одновременного сокращения и оформления вновь возникающей основы с помощью производящего суффикса, одним из первых в отечественной лингвистике использовал В. Г. Павлов [15].

В.В. Борисов не считает подобные единицы аббревиатурами [2, с. 67], однако приводит примеры сокращённо-производных слов наряду с другими сокращениями. Интересно, что в современном английском языке наблюдается существование суффиксированных сокращений-синонимов в трёх вариантах английского языка [17].

На лингвистической карте и в массовом обиходе слово *selfie* австралийского происхождения появляется в начале 2000-х, когда подобные фотографии завоёвывают популярную тогда сеть MySpace. Можно сказать, что мир охватила лихорадка «селфи». Из простого фото-увлечения «селфи» переросло в новое модное культурное и языковое явление, особенно популярное у молодёжи, начиная от подростков и до людей, достигших зрелого возраста, но не лишённых тщеславия и самолюбования. Сегодня Интернет заполнен «себяшками». Особенно много фотографий выставляют знаменитости из шоу-бизнеса.

Более того, появились новые разновидности «себяшек» в зависимости от того, что (т.е. какая часть тела) или кто (родственник, друг, знакомый, знаменитость и т.д.) выбраны объектом селфи-фотографии. Слово *selfie* стало родоначальником целой вереницы забавных словечек, имитирующих и/или пародирующих *selfie*.

Цель статьи – представить эволюцию развития слова селфи и дать лингвистическую и социокультурную характеристику новообразованиям, созданным по аналогии с ним. При ана-

лизе подобных новообразований учитывались их словообразовательные модели, семантика, сферы употребления и стилистические особенности, этим объясняется обращение к таким методам и процедурам исследования, как метод лингвистического наблюдения и описания (приёмы наблюдения, обобщения, типологизации анализируемого материала); метод дефиниционного анализа, методы морфологического, структурного и словообразовательного анализа; метод контекстуального анализа.

Один из видов *selfie* – *legsie* – снимок собственных ног, особенно своих загорелых ног на отдыхе, часто на фоне живописного пейзажа: a photo of one's sun-tanned legs taken to show that they are enjoying their holiday. Неотъемлемые атрибуты типичной *legsie*-фотографии – море (океан), песок или полоска пляжа, голубое небо и коктейль (коктейль-бар) на заднем плане. Владелец фотографии (чаще же это владелица) таким образом выставляет на зависть зрителям свои загорелые ножки и хвастается умопомрачительным отдыхом: Lastly, the boldest beach-baskers have recently taken to a new kind of selfie – the *legsie*. They hold the camera under their chins and aim down their resplendent, golden bodies making sure to get in [sic] their legs in ... Beyond the honeyed limbs, the sand and sea are usually visible...? [The Guardian, 31st July 2013]. Таким образом, *legsie* – естественный побочный продукт растущей популярности явления «себяшек» в социальных сетях.

Нравится нам это или нет, но идея саморекламы с помощью «себяшек» прочно и безоговорочно завладела воображением пользователей и посетителей социальных сетей. Сегодня «селфи» посвящены показу тех частей тела, которыми гордится автор, или рекламе своих увлечений и занятий. Например, фотография попки – *belfie* (selfie of one's butt/bum, a shot of the posterior) ← *buttocks selfie* – «белфи» или «попо-селфи», фотография волос – *helfie* (selfie of one's hair, a shot of one's hair) ← *hair selfie* – «хелфи». Близки по духу с *legsie*, *belfie* и *helfie* селфи в бикини, чаще всего на пляже *bifie* ← *bikini selfie* – «бифи».

Мужской ответ на *belfie* – *melfie* ← *man selfie* – «мелфи» – результат самолюбования, выставление на показ своего накаченного тела, мышц, только хардкор.

Любители здорового образа жизни выставляют напоказ свои фотографии в модном тренировочном костюме или на тренировке (обычно на фоне тренажёрного зала) – *welfie* (selfie of oneself when having a workout, a self-portrait of someone

exercising) ← *workout selfie* – «велфи». Любители весёлого времяпровождения не стесняются выставлять свои фото в состоянии лёгкого опьянения, «подшофе» – *drelfie* (a selfie taken while drunk) ← *drunken selfie* – «дрелфи».

Книгочеи-интеллектуалы делают фото на фоне книжных полок, а иногда фотографируют только книги, демонстрируя свою начитанность, широту интересов и глубину познаний или богатство личной библиотеки: *shelfie* или *bookshelfie* (a shot of a person's bookshelves identifying their favourite reads, either with or without the reader) ← *bookshelf selfie* – «шелфи».

Новый термин *felfie* ← *farmer selfie* – «фелфи» – подразумевает фотографии фермеров со своими животными на фоне своих угодий, однако часто он воспринимается как селфи с любимыми домашними питомцами, например, собакой или кошечкой. Отметим также, что появились многочисленные омонимы слов, созданных по образцу *selfie*. Так, форма *felfie* может означать не только рассмотренное выше *farmer selfie*, но также *family selfie* (семейный снимок), *feline companion selfie* (снимок с любимой кошечкой или котом); *fake selfie* (фейковое селфи); *filtered selfie* (отретушированное с помощью фотошопа селфи), *foot selfie* (селфи ног).

Продолжая освещение темы, отметим тренд 2015 года – панорамное групповое селфи – *groufie* ← *group panoramic selfie* – «груфи». В Китае уже изобрели смартфон, который позволяет вмещать на фото больше людей, интерьера или пейзажа. Но подавляющее большинство пользователей вынуждено пока что пользоваться возможностями своих рук или селфи-палкой.

Ещё одна разновидность «селфи» – автопортрет с любимым или близким человеком *relfie* от *relationship selfie* – «релфи». Если пользователи социальных сетей снисходительно относятся к *legsie*, *belfie* или *drelfie*, то *relfie* вызывают неоднозначное отношение и, как правило, раздражают подписчиков в социальных сетях больше, чем любые другие снимки.

Появились так называемые *felfie* ← *fake selfie* – фальшивые или фейковые селфи, сделанные, например, на фоне телевизионного изображения живописного пейзажа для создания у зрителей впечатления присутствия автора в данном месте.

Самореклама с помощью селфи может принимать уродливые формы. Неоднозначную реакцию вызывают так называемые *sellotape selfie* или «скотч-селфи», когда авторы снимка

обматывают своё лицо скотчем для создания селфи.

В Интернете появился новый тренд – *extreme selfie* – экстремальные селфи, которые делают люди, не боящиеся рисковать, готовые пойти на всё ради хорошей фотографии. Остросюжетные фотографии обычно размещаются в Сети. Излюбленные темы – съёмки на опасной высоте, на отвесе скалы, у водопада, на трассе или фоне хищных животных, то есть в ситуациях, которые могут обернуться большими неприятностями и даже гибелью любителя селфи. Так, желание сделать фото с получившим травму медведем сыграло злую шутку с жителем индийского штата Орисса Прабху Бхатаром: зверь не оценил благих намерений мужчины прославить его в веках и задрал его насмерть.

Некоторые ситуации, в которых делаются снимки, граничат с аморальностью и указывают на отсутствие этики у авторов селфи.

Одно из относительно недавних свидетельств злоупотребления селфи – реакция на террористический акт с захватом заложников в кафе Lindt на площади Martin Place в австралийском Сиднее 15-16 декабря 2014 года. У кафе, где произошёл захват заложников, некоторые туристы, не стесняясь, снимали селфи. Они позировали на фоне здания, в котором всё ещё находились заложники. Чтобы сделать селфи, прохожие пытались максимально близко подобраться к кафе. Некоторые туристы радостно улыбались, как будто они стояли в это время у здания сиднейского оперного театра, а не там, где могла произойти трагедия! Эти австралийцы восприняли ситуацию с захватом заложников в центре Сиднея как развлечение. На протяжении всего дня пользователи загружали автопортреты с места

событий, пытаясь сделать селфи максимально близко к кафе. В социальных сетях подобные снимки назвали «неуместными». Многие пользователи микроблогерской сети Twitter были справедливо возмущены циничностью тех, кто с улыбкой фотографировался на фоне злосчастного кафе. Общественность расценила такое поведение как инфантильность, отсутствие чувства сострадания и здравого смысла, отсутствие уважения к жертвам теракта.

Таким образом, у модного слова *selfie* появилась свита из подражателей. Многочисленные новообразования по аналогии с *selfie* дают нам право утверждать, что *selfie* воплощает дух времени. Это удачный пример потенциальных возможностей суффикса *-ie*, участвующего в образовании слов для обозначения разновидностей «селфи». В большинстве авторитетных работ по словообразованию английского языка, изданных во второй половине XX века [10], [12], [14], данному суффиксу уделено мало внимания или он вообще вынесен за рамки работ. Как правило, суффикс приводят в качестве примера эмоционально-окрашенного уменьшительного суффикса (т.е. суффикса с эмоциональным значением уменьшительности), хотя ему присущи также значения одушевлённости, агентивности, пейоративности, ироничности и др., которые сообщают новому слову разговорную (сленговую) окраску [5], [6]. Причём значения пейоративности и ироничности у значительной части новых слов становятся доминирующими. Рассмотренные в статье новообразования несут ироничные коннотации, которые усиливаются именно за счёт суффикса *-y/-ie*. Они являются прагматически отмеченными в оценочном плане уже на уровне лексической системы.

Список литературы

1. Бодулева А. Р., Горшунов Ю. В. Сокращённо-производные слова в австралийском сленге // Пути совершенствования обучения иностранным языкам на неязыковых факультетах: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 28-29 мая. 2010 г. Бирск - С.-Петербург. С. 124-128.
2. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. М.: Воениздат, 1972. 320с.
3. Горшунов Ю. В. Новая лексика английского языка на рубеже веков (социокультурная характеристика по материалам словарей новых слов). Бирск: БирГСПА, 2007. 97 с.
4. Горшунов Ю. В. Суффиговые сокращения-синонимы в трёх вариантах английского языка (прагматический аспект) // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания: материалы научно-практической конференции. Уфа, 1998. С. 137-138.
5. Горшунов Ю. В. Новые значения суффикса *-y/-ie*: прагматический аспект // Лингвистический семинар. Вып. 3. Санкт-Петербург-Бирск, 2001. С. 133-143.
6. Горшунов Ю. В. Новая лексика современного английского языка: суффиговые сокращения // Актуальные проблемы образования: поиски и решения: сб. науч. ст. Шадринск: ШГПИ, 2009. С. 36-40.
7. Грин, Д. Словарь новых слов. М.: Вече-Персей, 1996. 352с.
8. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М., 1989. 126с.

9. Закоян Л. М. "Selfie" the Word of the year of 2013 // Speak out. № 3 (109), 2015. p. 6-12.
10. Зятковская Р. Г. Суффиксальная система современного английского языка. М.: Высшая школа, 1971. 187с.
11. Иванова Н. К. Рождённые в 2014-2015гг.: Новые английские слова (на основе данных ресурса dictionaryblog.cambridge.org) // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки» 6 (4), 2015. С. 319-322.
12. Карацук П. М. Словообразование английского языка. М.: Высшая школа, 1977. 303с.
13. Кузнецова А. А. Актуальные проблемы создания новых лексических единиц и их функционирование в современном англоязычном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 10 (40) 2014, часть 2. С. 93-96.
14. Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка. М.: Наука, 1976. 245с.
15. Павлов Г. В. Функционирование сокращений в современном немецком языке (Номенклатурные и речевые сокращения): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. 311л.
16. Торн, Т. Словарь современного слэнга /Thorne T. Dictionary of Modern Slang. М.: Вече, Персей, 1996. 592с.
17. Эйтс, Джон. Словарь новых слов английского языка. Спец. изд. (The Longman Register of New Words). М.: Русский язык, 1990. 434с.
18. Ayto, John. *The Longman Register of New Words*. Harlow: Longman, 1989. 425p.
19. Green, J. *Neologisms: New Words Since 1960*. Blumnsbury, 1991. 256 p.
20. Harold Le May, Sid Lerner and Marian Taylor. *The Facts of Life * Dictionary of New Words*, 1988. 163p.
21. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com>. (дата обращения 15.01.2019)
22. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.theoryandpractice.ru/posts/7574-neologism> (дата обращения 15.01.2019)

Сведения об авторах:

Степанян Кристина Александровна – старший преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО (У) МИД России, (Россия, г. Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика, языкознание, обучение иностранным языкам, лингвокультурология, лингвострановедение, английский язык. E-mail: stepanyan.k@inno.mgimo.ru.

Горшунов Юрий Владимирович – доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного университета (Бирский филиал) (Россия, г. Бирск), Сфера научных и профессиональных интересов: общее и частное языкознание, социолингвистика, словообразование, лексикология, ономастика, фразеология, семантика, стилистика, прагматика, риторика, английский язык. E-mail: gorshunov_@rambler.ru.

Горшунова Елизавета Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент РАНХиГС (Россия, г. Москва), Сфера научных и профессиональных интересов: общее и частное языкознание, социолингвистика, словообразование, лексикология, ономастика, фразеология, семантика, стилистика, прагматика, риторика, английский язык. E-mail: ms.gorshunova@gmail.com.

SELFIE, LEGSIE AND OTHER NEW WORDS FOR PRIVATE PHOTOS

K. Stepanyan

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Y. Gorshunov

Bashkir State University at Birk
10, Internacionalnaya St., Birk, 452453, Russia

E. Gorshunova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
84, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, 119571, Russia

Abstract: *The development of the English language in the XX-XXI centuries made linguists correct and modify their ideas as to productivity of word-formation means and derivational patterns. The authors of the article claim that there are solid grounds and strong reasons to refer abbreviation to the category of major word-building means. Changes in the vocabulary provoked by the emergence and formation of new*

derivational patterns, new word-formative elements, new words and meanings deserve special linguistic attention.

*One eye-catching word in modern English is the word **selfie** of Australian origin that hit the global spotlight in 2013 when it was declared 'The Word of the Year' in the USA and next year was recorded as a neologism by the OED.*

*As well as embodying something of the social media-orientated zeitgeist, **selfie** turns out to be an interesting case study in lexical productivity, quick to morph into a sizeable set of subcategories embracing words denoting different parts of the body or people related in some way to the person who takes the selfie.*

*The new formations described in the article render ironic connotations made stronger by the suffix **-ie** in their structure. They are pragmatically marked on the scale of evaluation on the level of lexico-semantic system.*

Key Words: *selfie, neologism, abbreviation, word-formative/ derivational pattern, suffix-**ie**, productivity*

References

1. Boduleva A. R., Gorshunov YU. V. Sokrashchenno-proizvodnye slova v avstraliiskom slenge [Abbreviated Derivative Words in Australian Slang] // Puti sovershenstvovaniia obucheniia inostrannym iazykam na neiazykovykh fakul'tetakh: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 28-29 maia. 2010 g. Birk - S.-Peterburg. - S. 124-128. // Ways to Improve Teaching Foreign Languages in Non-Language Faculties: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference on May 28-29, 2010. Birk - S.- Petersburg. p. 124-128].
2. Borisov V. V. Abbreviatsiia i akronimiia [Abbreviation and acronymy]. M.: Voenizdat, 1972. 320c. [M.: Military Publishing, 1972. 320p.]
3. Gorshunov YU. V. Novaia leksika angliiskogo iazyka na rubezhe vekov (sotsiokul'turnaia harakteristika po materialam sloarei novykh slov). Birk: BirGSPA, 2007. 97 s. [New vocabulary of the English language at the turn of the century (sociocultural characteristics based on new vocabulary materials). Birk: BirGSPA, 2007. 97 p.]
4. Gorshunov YU. V. Suffigirovannye sokrashcheniia-sinonimy v trekh variantakh angliiskogo iazyka (pragmaticheskii aspekt) [Suffixed synonymous abbreviations in three variants of the English language (pragmatic aspect)]// Aktual'nye problemy sopostavitel'nogo iazykoznanii: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ufa, 1998. S. 137-138. [Focal problems of comparative linguistics: materials of the scientific-practical conference. Ufa, 1998. P. 137-138]
5. Gorshunov YU. V. Novye znacheniiia suffiksa -y/-ie: pragmaticheskii aspekt [Gorshunov Yu. V. New meanings of the suffix -y / -ie: pragmatic aspect] // Lingvisticheskij seminar. Vyp. 3. Sankt-Peterburg-Birk, 2001. S. 133-143. [Linguistic seminar. Issue 3. St. Petersburg-Birk, 2001. P. 133-143]
6. Gorshunov YU. V. Novaia leksika sovremennogo angliiskogo iazyka: suffigirovannye sokrashcheniia [New vocabulary of modern English: suffixed abbreviations]// Aktual'nye problemy obrazovaniia: poiski i resheniia: sb. nauch. st. – SHadrinsk: SHGPI, 2009. S. 36-40. [Focal problems of education: search and solutions: Coll. scientific art. Shadrinsk: SHGPI, 2009. P. 36-40]
7. Grin, D. Slovar' novykh slov. M.: Veche-Persei, 1996. 352s. [Green, J. Dictionary of new words. M.: Veche-Perseus, 1996. 352p.]
8. Zabotkina V. I. Novaia leksika sovremennogo angliiskogo iazyka. M., 1989. 126s. [Zabotkina V. I. New vocabulary of modern English. M., 1989. 126p.]
9. Zakoian L. M. "Selfie" the Word of the year of 2013 // Speak out. № 3 (109) – 2015. r. 6-12.
10. Zyatkovskaya R. G. Suffiksnaia sistema sovremennogo angliiskogo iazyka. M.: Vysshaya shkola, 1971. 187s. [Suffixal system of modern English. M.: Higher School, 1971. 187p.]
11. Ivanova N. K. Rozhdennye v 2014-2015gg.: Novye angliiskie slova (na osnove dannykh resursa dictionaryblog.cambridge.org) [Born in 2014-2015: New English words (based on the data from the resource dictionaryblog.cambridge.org)]// Izvestiia vuzov. Seriiia «Gumanitarnye nauki» 6 (4), 2015. S. 319-322. [Izvestiia Vuzov. Series "Humanities" 6 (4), 2015. P. 319-322.]
12. Karashchuk P. M. Slovoobrazovanie angliiskogo iazyka. M.: Vysshaya shkola, 1977. 303s. [Word formation of the English language. M.: Higher School, 1977. 303p.]
13. Kuznetsova A. A. Aktual'nye problemy sozdaniia novykh leksicheskikh edinit i ikh funktsionirovanie v sovremennom angloyazychnom diskurse [Focal problems of creating new lexical units and their functioning in modern English-language discourse] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, № 10 (40) 2014, chast' 2. S. 93-96. [Philological Sciences. Questions of theory and practice, № 10 (40) 2014, part 2. P. 93-96.]
14. Meshkov O. D. Slovoobrazovanie sovremennogo angliiskogo iazyka. – M.: Nauka, 1976. – 245s. [Word Formation of Modern English. M.: Science, 1976. 245p.]
15. Pavlov G. V. Funktsionirovanie sokrashchenii v sovremennom nemetskom iazyke (Nomenklaturnye i rechevye sokrashcheniia): Dis. ... kand. filol. nauk. M., 1970. 311l. [Functioning of Abbreviations in Modern German Language (Nomenclature and Speech Abbreviations): Dis. ... Cand. philol. sciences. M., 1970. 311p.]
16. Torn, T. Slovar' sovremennogo slenga. M.: Veche, Persei, 1996. 592c. [Thorne, T. The Dictionary of Modern Slang. M.: Veche, Perseus, 1996. 592p.]
17. Ejto, Dzhon. Slovar' novykh slov angliiskogo iazyka. Spec. izd. (The Longman Register of New Words). M.: Russkii iazyk, 1990. 434c. [Ayto, John. Dictionary of new words of the English language. Special. ed. (The Longman Register of New Words). M.: Russian language, 1990. 434p.]

18. Ayto, John. The Longman Register of New Words. Harlow: Longman, 1989. 425p.
19. Green, J. Neologisms: New Words Since 1960. Blumsbury, 1991. 256 p.
20. Harold Le May, Sid Lerner and Marian Taylor. The Facts of Life * Dictionary of New Words, 1988. 163r.
21. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.oxforddictionaries.com>. [[Electronic resource] - Access mode: <http://www.oxforddictionaries.com>] (accessed 15.01.2019)
22. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.theoryandpractice.ru/posts/7574-neologism>[[Electronic resource] - Access mode: <http://www.theoryandpractice.ru/posts/7574-neologism>] (accessed 15.01.2019)

About the authors:

Kristina Stepanyan – Assistant Professor at MGIMO University Moscow, Spheres of research and professional interest: English teaching, cultural linguistics, E-mail: stepanyan.k@inno.mgimo.ru.

Yurij Gorshunov – Doctor of Philology, professor of Bashkir State University at Birs, (Russia, Birs), Spheres of research and professional interest: English teaching, cultural linguistics, E-mail: gorshunov_@rambler.ru.

Elizaveta Gorshunova – PhD, Associate Professor of RANEPА Moscow, Spheres of research and professional interest: English, teaching, cultural linguistics, E-mail: ms.gorshunova@gmail.com.

* * *

К ВОПРОСУ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Э.Л. Шубина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В данной работе рассматриваются случаи с вариантными формами числа сказуемого – единственного или множественного – в предложениях с подлежащими, выраженными количественными существительными. Речь идёт о распространённых прилагательным или причастием словосочетаниях типа Nquant+AdjN (eine Menge handelnder Personen). Словосочетания этого типа обнаруживают вариативность в выборе вида связи. Они могут быть организованы при помощи генитивного управления – eine Menge handelnder Personen, предложного управления – eine Menge von handelnden Personen и согласования – eine Menge handelnde Personen. Помимо вариативности синтаксической организации подлежащего добавляется ещё и вариативность при выборе формы сказуемого. Вариативность характерна и для нераспространённого подлежащего – Eine Menge Fabriken werden nach Kambodscha kommen, но работа посвящена исключительно распространённым словосочетаниям – Da waren eine Menge blonder Deutscher dabei. Анализируются факторы, которые оказывают влияние на выбор единственного или множественного числа сказуемого. Художественные тексты немецкоязычных авторов XVII-XX веков предоставили языковой материал, где представлены примерно в равной степени все количественные существительные рассматриваемых сочетаний.

Ключевые слова: количественные словосочетания, падеж, варьирование, единственное число сказуемого, множественное число сказуемого, подлежащее

Варьирование в языке выявляется в процессе его функционирования. В процессе коммуникации варьировать могут лексемы, словоформы и конструкции. Тексты фиксируют всё разнообразие варьирования в рассматриваемый исторический период.

Анализ исторического языкового материала позволяет выявлять вариативность языковых средств, а вот причины, которые приводят к вариативности, понять чрезвычайно сложно.

Некоторые лингвисты не наблюдают связи между вариативностью и историческими изменениями [2, с. 58], а другие связывают явление вариативности с историческими изменениями; в ряде работ вариативности даётся объяснение с позиции семантики [1]. Чтобы выявить изменения, необходимо, на наш взгляд, сделать несколько синхронных срезов. В данной работе

это будут XVII, XVIII, XIX и XX века. Диакронический анализ позволит нам установить параллель между варьированием языковых средств. Мы разделяем точку зрения Солнцева, который справедливо отмечал, что процесс варьирования является результатом исторического развития языка, а изменения языка осуществляются в процессе бесконечного использования, отбора, создания различных вариантов, т.е. в ходе бесконечного варьирования [4, с. 41].

В немецком языке существует правило, согласно которому подлежащее и сказуемое должны быть согласованы в числе. Однако в некоторых случаях наблюдаются отклонения от этого правила. Так, предложения, в которых подлежащее состоит из двух компонентов, одно из которых в единственном числе, а другое во множественном – *die Mehrzahl der Studenten*. Компонент

в единственном числе подобных подлежащих представляет собой ядро субстантивной группы (die Mehrzahl), а компонент во множественном числе конкретизирует первый и является определением к нему (der Studenten).

В большинстве своём правило предписывает нам согласовать сказуемое именно с первым компонентом субстантивной группы: **Die Mehrzahl der Studenten kommt zur Versammlung.**

Вместе с этим достаточно часто сказуемое согласуется именно с определительной частью подлежащего: **Die Mehrzahl der Studenten kommen zur Versammlung.**

Почти все многокомпонентные подлежащие, выраженные количественными существительными, обнаруживают подобные варианты: ... **und ein Dutzend Personenwagen ausgebessert wurden** (Berliner Zeitung); **Ist jemand im Bad, wartet schon ein Dutzend anderer mit verkniffenen Gesichtern vor der Tür** (die tageszeitung)

In den letzten Jahren sind in Frankreich von Jugendlichen eine Anzahl aufsehenerregender Verbrechen begangen worden (die Zeit)

Eine Anzahl von Kunden habe sich dazu entschlossen, ihre Ausgaben auf Grund der Abschwächung der US-Konjunktur zu verschieben, hieß es (der Tagesspiegel).

Чем объясняют языковеды наличие вариантов согласования подлежащего и сказуемого? К примеру, Шпротг говорит о так называемом принципе соседства, согласно которому говорящий в выборе единственного или множественного числа сказуемого ориентируется на тот компонент подлежащего, который оказывается ближе к сказуемому в предложении:

Es rannte eine Herde Schafe auf die Wiese.

Eine Herde Schafe rannten auf die Wiese.

Важно ещё учитывать, рассматривается ли многокомпонентное подлежащее как единое целое или как множество *eine Herde Schafe* [8, с. 233].

Авторы грамматики Дуден указывают на две возможности согласования сказуемого и подлежащего: формально-грамматическое согласование: сказуемое принимает такую же грамматическую форму, как и подлежащее. Особенно в тех случаях, когда существительное в роли подлежащего употребляется с определённым артиклем, указательным или притяжательным местоимением: [*Ein Kilo [Bohnen]*] *reicht nicht aus*. [*Drei Kilo [Brot]*] *reichen nicht aus*; согласование по смыслу: сказуемое принимает форму множественного числа, поскольку подлежащее обо-

значает множество предметов или явлений [7; 6, с. 1004-1009]: [*Ein Kilo*] *Bohnen*] *reichen nicht aus*.

В современном немецком языке формально-грамматическое согласование сказуемого и согласование по смыслу конкурируют, и в большинстве своём формы сказуемого взаимозаменяемы.

В нашей работе будут рассмотрены случаи с вариантными формами числа сказуемого – единственного или множественного в предложениях с подлежащими, выраженными количественными существительными. Речь пойдёт о распространённых прилагательным или причастием словосочетаниях типа Nquant+AdjN (*eine Menge handelnder Personen*). Сами по себе словосочетания этого типа обнаруживают вариативность в выборе вида связи. Они могут быть организованы при помощи генитивного управления – *eine Menge handelnder Personen*, предложного управления – *eine Menge von handelnden Personen* и согласования – *eine Menge handelnde Personen*. Таким образом, к вариативности в пределах самого многокомпонентного подлежащего добавляется ещё и вариативность при выборе формы сказуемого. Необходимо отметить, что вариативность формы сказуемого характерна и для нераспространённого подлежащего: «**Eine Menge Fabriken werden nach Kambodscha kommen**», *prophezeit Kitz* (die tageszeitung); **Eine Menge Schüler ist froh, dass wir Rechtsextremismus jetzt thematisieren**», *sagt Sibille Bühring* (die tageszeitung).

В работе рассматривались исключительно распространённые словосочетания: **Da waren eine Menge blonder Deutscher dabei** (die tageszeitung); **Eine Menge fröhlicher, jauchender Kinder lärmte in den Pools, rutschte ins Wasser oder spielte Wasserball** (Konsalik).

Ставится задача выяснить, какие факторы оказывают влияние на выбор единственного или множественного числа сказуемого, имело ли место варьирование на всех этапах, и завершился ли отбор доминантных форм. Художественные тексты немецкоязычных авторов XVII-XX веков позволяют найти языковой материал, где представлены примерно в равной степени все количественные существительные рассматриваемых сочетаний.

Прежде чем приступить к анализу, полученных путём сплошной выборки примеров, следует обратиться к классификации количественных существительных. Мы опираемся на классификацию Шубиной и Блюдорн, которая составлена с учётом морфологических особенностей вто-

рых членов субстантивной группы (имеется в виду единственное или множественное число) и семантики первых членов группы [9;], [5, с. 254]. Были выделены следующие группы существительных с количественной семантикой:

1. Лексемы, обозначающие количество предметов, веществ *Liter, Kilogramm, Löffel, Eimer, Menge, Haufen* ... Группы с существительным в единственном числе обозначены **Nquant1a** (*ein Kilo frisches Fleisch*), а во множественном **Nquant1b** (*ein Kilo echter Erdäpfel*);

2. Лексемы, обозначающие совокупность и объединения живых существ и предметов **Nquant2** (*Schaar, Gruppe, Herde, Schwarm, Rudel, Strauß, Bündel, Stapel*...);

3. Лексемы, обозначающие количественные числительные, обозначаем

Nquant3 (*Drittel, Viertel, Paar, Dutzend, Hundert*...).

Необходимость объединить их вызвана разными предпочтениями при выборе вида связи. Так, генитив и предложное управление наиболее устойчиво в группах **Nquant2**, где предметы, живые существа рассматриваются как часть целого. Люди образуют группу, бригаду, отряд, а предметы могут быть собраны в стопку, пучок. Группы с лексемами **Nquant1b** могут оформляться и при помощи согласования, так как такие множества как *Menge, Haufen, Handvoll* указывают на неопределённое количество людей, предметов. Для них не существует устойчивой сочетаемости. Открыты для согласования и группы с лексемами **Nquant3**, так как первый член этой группы воспринимается зачастую как числительное, после которого в немецком языке не используется управление, как вид подчинительной связи.

Материалы XVII века предоставили нам ограниченное количество примеров, которое не позволяет выявить определённую тенденцию в данный период времени, что объясняется достаточно низкой частотностью употребления рассматриваемых конструкций. Кроме того, для выяснения согласования сказуемого и подлежащего данная группа должна стоять в именительном падеже. Однако даже и эти пять примеров показали, что варьирование формы единственного и множественного числа было характерно для данного периода. Так, в группе с **Nquant1b** сказуемое употребляется как в форме единственного, так и множественного числа:

(1) ... wiewol noch **eine grosse Pfann gebacher Eyer** dort **stunde** ... (Гриммельсгаузен)

(2) ... da **haben sich eine unzählbare Menge wilde Heuschrecken eingefunden** (Абрагам а Санта Клара)

Группа **Nquant2** представлена двумя примерами, в одном из которых сказуемое согласуется со вторым компонентом подлежащего, а в другом с первым компонентом:

(3) ... daß **ein Regiment Ungerischer Musquetirer** auf seinen Rock daher **marschirten** (Шупп)

(4) ... **kam ein solcher Schwarm bewehrter Bauren** aus dem Wald ... (Гриммельсгаузен)

В текстах XVIII века находим большее количество примеров. Представлены все группы квантитативных существительных. В группе с **Nquant1b** находим сказуемые в единственном и множественном числе. Не прослеживается при этом зависимости от вида подчинительной связи в пределах субстантивной группы. Так, после субстантивных групп с управлением, в которых первый компонент является ведущим, сказуемое может стоять как в единственном, так и во множественном числе:

(5) ... worin **eine Menge geschickter Arbeiter** Geld für dich **verdienen?** (Виланд)

(6) Indem **hüpfte eine Anzahl von kleinen Liebesgöttern** aus dem Hein hervor (Виланд)

Сказуемое употреблялось во множественном числе в тех случаях, когда субстантивная группа была организована при помощи согласования:

(7) Sobald er sich regte, **traten eine Menge wohlgekleidete Bedienten** herein (Музеус)

Группа **Nquant2** представлена двумя примерами, и во всех сказуемое согласуется с первым компонентом подлежащего, то есть стоит в единственном числе:

(8) **Ein Trupp junger Mädchen und Knaben bewillkommte** uns mit einem pantomimischen Tanz (Шиллер)

В группе с **Nquant3** отчётливо прослеживалась зависимость от синтаксической связи, организующей субстантивную группу. Все шесть сочетаний с согласованием представлены в предложениях со сказуемым во множественном числе:

(9) Auf der leeren Bahn **gingen etwa ein Dutzend junge Leute** ... (Гёте)

Сочетание с управлением находим в предложении, в котором сказуемое стоит в единственном числе:

(10) **Eine halbe Million hungernder Menschen schrie** den Sultan um Brod an ... (Виланд)

Тексты XIX века предоставили в наше распоряжение ещё большее количество примеров.

Как и в предыдущий период, продолжают конкурировать формы единственного и множественного числа сказуемого в группе с **Nquant1b**. Все субстантивные группы оформлены при помощи управления, однако это не явилось препятствием для достаточно высокой частотности использования формы множественного числа сказуемого. В нашей выборке представлено 8 примеров:

(11) **Eine Menge kleiner Züge vereinigen sich** ... (Фонтане)

Примерно в два раза чаще использовалось единственное число сказуемого:

(12) ... bis endlich **ein ganzer Haufen von glatten grauen Pelzen durcheinanderwimmelte** (Шторм)

Сохранилось отсутствие вариативности в группе с **Nquant2**. Во всех предложениях с субстантивными группами, организованными при помощи управления, сказуемое стоит в единственном числе. Субстантивные группы, организованные при помощи согласования, в нашем материале не зафиксированы:

(13) ... aus jeder Thür **sprang eine Schaar blau-äugiger Kinder** (Фрайтаг)

Высокую степень вариативности обнаруживают сочетания с **Nquant3**. В пределах данной группы отмечалось преимущественное использование множественного числа сказуемого. В отличие от предыдущего столетия сказуемое во множественном числе появляется как в сочетаниях с управлением, так и в сочетаниях с согласованием. Так, единственное число сказуемого встречалось с сочетаниями с управлением (соответственно 4 и 1 пример):

(14) In einer Ecke **stand ein halb Dutzend langer Pfeifen** ... (Рабе)

(15) Auf den Plüschbänken **sitzt ein halbes Dutzend fröstelnde Gestalten** (Фонтане)

Множественное число сказуемого использовалось в подавляющем большинстве случаев с подлежащими, выраженными сочетаниями с согласованием (соответственно 10 и 1 пример):

(16) Ungefähr **ein Dutzend hinlänglich geputzter Damen sitzen** in einem Halbkreis (Фонтане)

(17) In dem Vogeltopf **staken ein Paar runde glänzende Augen** (Гоффманн)

Художественные тексты XX века продемонстрировали аналогичные тенденции предыдущих периодов при выборе единственного или множественного числа. Как и прежде, конкурируют формы единственного и множественного числа сказуемого в группе с **Nquant1b**. Все субстантивные группы (кроме одного примера)

оформлены при помощи управления, однако это не явилось препятствием для использования формы множественного числа сказуемого. В нашей выборке представлено 7 примеров:

(18) ... und **eine Menge glitzernder Brocken lagen** auf ihr herum (Ленц)

В одном единственном примере с подлежащим, оформленном при помощи согласования, встретилось сказуемое во множественном числе:

(19) ... wo **eine Menge sonderbare Sachen herumliegen** (Томас Манн)

Большим количеством примеров представлены предложения, в которых первый компонент субстантивной группы согласуется со сказуемым:

(20) **Eine Handvoll winziger Sterne glitzerte** auf dem schmalen Himmelsweg (Майринк)

Не наблюдалось в нашем материале вариативности в группе с **Nquant2**. Во всех предложениях с субстантивными группами, организованными при помощи управления, сказуемое стоит в единственном числе. Субстантивные группы, организованные при помощи согласования, в нашей выборке не зафиксированы:

(21) In der Mitte **stand** auf einem Tisch **ein riesiger Strauß roter Galdiolen** (Ремарк)

(22) **Ein Rudel weißgekleideter Knaben zog** den Karren (Келлерманн)

В предложениях с сочетаниями с **Nquant3** наблюдалось параллельное использование единственного и множественного числа сказуемого. Сказуемое во множественном числе появляется как в сочетаниях с управлением, так и в сочетаниях с согласованием. Так, единственное число сказуемого встречалось преимущественно с сочетаниями с управлением (соответственно 14 и 1 пример):

(23) ...auf dem **ein Dutzend verschiedener Käsesorten** zu sehen **war** (Линд)

(24) ... **ein Dutzend alberne Schwätzereien von Indianern** in seinem Hirn **herumwälzt** (Травен)

Множественное число сказуемого использовалось в подавляющем большинстве случаев с подлежащими, выраженными сочетаниями с управлением (соответственно 6 и 3 примера):

(25) **Ein Paar roter Schuhe für Anna hängen** ihm um den Hals (Вольф)

(26) ... unterdem **ein Paar stark behaarte, muskulöse Beine hervorkamen** (Ремарк)

Сводная таблица по всем периодам наглядно демонстрирует динамику изменений предпочтений согласования и факторы, которые могли оказать влияние на выбор форм числа сказуемого.

первый компонент подлежащего	Nquant1b (Gramm, Liter, Tasse, Eimer, Menge, Haufen, Reihe, Anzahl)		Nquant2 (Schaar, Schwarm, Rudel, Gruppe, Strauß, Pulk)		Nquant3 (Paar, Dutzend, Hundert, Tausend, Million)	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
сказуемое	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
XVII век	2	1	1	1	–	1
XVIII век	4	3	2	–	1	6
XIX век	19	8	19	–	5	11
XX век	24	9	40	–	15	9
Всего	49	21	62	1	21	27

Таким образом, по результатам анализа нашей выборки можно выделить релевантные условия для выбора той или иной формы числа сказуемого. Рассмотрение проблемы в разных диахронических срезах полностью себя оправдало, так как позволило проследить динамику предпочтений при согласовании подлежащего и сказуемого. Оказалось, что варьирование отмечено на всех этапах и не является новым явлением для носителей языка. Отметим, что соотношение единственного и множественного числа на разных этапах существенно отличается. В текстах XVII века оно составило 3(ед.ч.) : 3(мн.ч.), в произведениях XVIII века 7(ед.ч.) : 9(мн.ч.), в текстах XIX века 43(ед.ч.) : 19(мн.ч.), в текстах XX века 79(ед.ч.) : 18(мн.ч.), то есть на более ранних срезах примерно в равном соотношении варьировали формы сказуемого. Меняется предпочтение в текстах XIX и XX века. Множественное число сказуемого встречается реже.

Наиболее значимым фактором для выбора числа сказуемого оказалась семантика количественного существительного. Из таблицы видно, что группа с **Nquant2** согласуется со сказуемым и практически остаётся закрытой для использования сказуемым формы множественного числа. Кроме того, данная группа закрыта и для согласования компонентов в падеже, что возможно указывает на определённую зависимость выбора формы сказуемого от типа связи, организующей субстантивные группы. Множественное

число сказуемого наиболее активно проникает в группу с **Nquant3**. Здесь примерно в равной степени представлены обе конкурирующие формы. Можно предположить, что существительные, обозначающие числительные, ассоциируются у носителей языка с числительными, которые не приводят к управлению и, кроме того, влияют на выбор множественного числа сказуемого *ein Paar stark behaarte, muskulöse Beine hervorkamen*. Но даже после групп с управлением может использоваться множественное число сказуемого *Ein Paar roter Schuhe für Anna hängen*. Множественное число сказуемого можно часто встретить и в группе с **Nquant2**. Можно говорить о взаимозаменяемости форм единственного и множественного числа сказуемого, так как вид подчинительной связи группы не оказывал влияния на форму сказуемого.

Одним из факторов, способствующим возникновению формы множественного числа сказуемого, может быть стремление автора сделать акцент на активности лиц, упомянутых в подлежащем, и обратить внимание на действие, а не на количество. Относительно принципа соседства, упомянутого Шродт, можно высказать предположение только при наличии статистических данных по нераспространённым группам типа *eine Herde Schafe*. Группы этого типа непременно найдут место в предстоящем исследовании и, вероятно, принцип так называемого соседства подтвердится.

Список литературы

1. Аверина А.В. Ударные частицы в придаточных предложениях немецкого языка (на примере ударных частиц JA и DOCH) // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 52, 2018. С. 5-17.
2. Москальская О.И. Грамматика текста: пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз. / О.И. Москальская. Москва: Высшая школа, 1981. - 183 с.
3. Семенюк Н.Н. Некоторые вопросы изучения вариативности // Вопросы языкознания. 1965. №1. – С. 49-57.
4. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31-42.
5. Шубина Э.Л. Проблема классификации количественных существительных в немецком языке. Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 1. – С. 254-260.
6. Duden. Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle.5., neu bearb. u. erw. Aufl. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 2001. – 953 S. – (Der Duden in 12 Bd.: Das Standardwerk zur deutschen Sprache; Bd. 9.)

7. Duden. Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. 8., überarbeitete Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Mannheim u.a.: Dudenverlag (Duden Band 4), 2009. – 939 S.
8. Schrodt R. Kongruenzprobleme im Numerus bei Subjekt und Prädikat: Die Termqualität geht vor. In: Ludwig M. Eichinger / Werner Kallmeyer (Hgg.): Standardvariation. Wie viel Variation verträgt die deutsche Sprache? Berlin 2005, 231-246.
9. Shubina E.L., Blühdorn H. Pseudopartitive Nominalgruppen vom Typ Nquant+Adj+N in der deutschen Literatursprache des 17. bis 20. Jahrhunderts. Deutsche Sprache 43, 2015, S. 220-254.

Сведения об авторе:

Шубина Эльвира Леонидовна – профессор кафедры немецкого языка МГИМО МИД России, доктор филологических наук, доцент. E-mail: elvira.shubina@mail.ru.

TO THE QUESTION OF DIACHRONIC VARIABILITY IN THE GERMAN LANGUAGE

E. L. Shubina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *This paper is focused on the study of number variability of predicate – singular or plural – in the sentences with the subjects expressed by a quantitative noun, on the extended by adjective or participle word combinations of the type Nquant+AdjN (eine Menge handelnder Personen), in particular. Word combinations of this type reveal variability in the selection of form of connectivity. They can be organized by means of the genitive case – eine Menge handelnder Personen, prepositional case – eine Menge von handelnden Personen, and coordination – eine Menge handelnde Personen. To the variability of the syntactic organization of the subject is added the variability of the form of the predicate. Variability is characteristic of undistributed subject – Eine Menge Fabriken werden nach Kambodscha kommen, but the paper is focused exclusively on extended word combinations – Da waren eine Menge blonder Deutscher dabei. The factors effecting the selection of singular or plural form of predicate are analyzed. The texts of the German authors of the XV11-XX centuries, in which all quantitative nouns of the combinations in question are equally presented, serve as the material for the analysis.*

Key Words: *quantitative word combinations, case, variation, the only number of predicate, the plural of predicate, subject*

References

1. Averina A.V. Udarnye chastitsy v pridatochnykh predlozheniiakh nemetskogo iazyka (na primere udarnykh chastits JA I DOCH // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. № 52, 2018. S. 5-17.
2. Moskalkaia O.I. Grammatika teksta: Posobie po grammatike nemetskogo iazyka /O.I. Moskalkskaya. Moskva: Vysshaya shkola, 1981. 183s
3. Semeniuk N.N. Nekotorye voprosy izucheniia variativnosti// Voprosy iazykoznanii. 1965. №1. s.49-57
4. Solntsev V.M. Variativnost kak obshchee svoistvo iazykovoii sistemy // Voprosy iazykoznanii. 1984. № 2. s.31-42
5. Shubina E.L. Problema klassifikatsii kolichestvennykh sushchestvitelnykh v nemeckom iazyke. Vestnik Mgimo Universiteta. 2015. № 1. s.254-260
6. Duden. Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle.5., neu bearb. u. erw. Aufl. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 2001. – 953 S. – (Der Duden in 12 Bd.: Das Standardwerk zur deutschen Sprache; Bd. 9.)
7. Duden. Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. 8., überarbeitete Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Mannheim u.a.: Dudenverlag (Duden Band 4), 2009. – 939 S.
8. Schrodt R. Kongruenzprobleme im Numerus bei Subjekt und Prädikat: Die Termqualität geht vor. In: Ludwig M. Eichinger / Werner Kallmeyer (Hgg.): Standardvariation. Wie viel Variation verträgt die deutsche Sprache? Berlin 2005, 231-246.
9. Shubina E.L., Blühdorn H. Pseudopartitive Nominalgruppen vom Typ Nquant+Adj+N in der deutschen Literatursprache des 17. bis 20. Jahrhunderts. Deutsche Sprache 43, 2015, S. 220-254.

About the author:

Elvira L. Shubina – professor of German language Department MGIMO University. E-mail: elvira.shubina@mail.ru.

* * *

ОБ ОТОБРАЖЕНИИ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКЕ

И.А. Цыбова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматриваются вопросы отображения категории времени в языке. Категория времени изучается с позиций когнитивной лингвистики, предусматривающей современный антропоцентрический подход. Целью статьи является показать те языковые средства, которыми отображается категория времени. Разграничиваются объективное (астрономическое) и субъективное (перцептуальное), подразделяющееся на концептуальное и языковое отображение времени, которое, в свою очередь, подразделяется на реальное и виртуальное. Последнее находит своё выражение в произведениях художественной литературы, сказках, легендах. В этих случаях (в виртуальном времени) может наблюдаться как отсутствие временной динамики, так и ускорение времени, а также путешествие во времени. Категория реального времени выражается лексическими (определёнными и неопределёнными), словообразовательными и грамматическими средствами. Из сопоставительного анализа производных со значениями «до/после» в русском и французском языках следует, что количество первых значительно (в 4-5 раз) превосходит количество вторых. В каждом из языков выявлены производные антонимы. Отмечаются метафоры, отображающие категорию времени.

Ключевые слова: время объективное, субъективное, концептуальное, языковое, реальное и виртуальное, лексические (определённые и неопределённые), словообразовательные и грамматические средства, метафоры

Цель статьи – показать, какими средствами отображается категория времени в языке. Время, как и пространство, носит объективный, универсальный и всеобщий характер, оно неотделимо от материи. Время – «последовательность существования сменяющих друг друга явлений» [24, с. 58]. «Время принадлежит к числу основополагающих категорий бытия, языковая экспликация которых отражает как универсальный, так и национально-специфический способ экспликации действительности» [10, с. 9].

Категория времени – одна из самых сложных, противоречивых и интересных для исследования категорий бытия, представленных в языке.¹

Языковые явления рассматриваются с позиций когнитивной лингвистики, предполагающей антропоцентрический подход. Поскольку каждый язык по-своему отражает категорию времени, в статье использовался метод сопоставительного анализа.

Время – цикличное (мифологическое), повторяющееся и линейное, однонаправленное, имеющее начало и конец [15, с. 316]. В реальной жизни отдельного человека нельзя ни «остановить мгновенье» (как это пытается делать Фауст у Гёте), ни вернуться назад. Отход от христианской картины мира, где время – дар Бога, замена этой картины мира другой, в центре которой – человек, можно рассматривать двояко: «всё для

¹ Об актуальности этой проблемы свидетельствуют работы ведущих отечественных когнитологов [13] и неоднократные доклады на международных конгрессах по когнитивной лингвистике [см., например, 15], коллективная монография, по вопросам темпоральности [21], см. также [22; 29].

человека» с его положительными и отрицательными качествами («время – деньги»).

Предлагается следующее представление **категории времени**:

ОТОБРАЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ	
ОБЪЕКТИВНОЕ (астрономическое)	СУБЪЕКТИВНОЕ (перцептуальное, антропоморфное)
КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ	ЯЗЫКОВОЕ

Нас интересует **языковое** отображение времени.

Следует разграничить **реальное** и **виртуальное** время. Последнее находит отражение в произведениях художественной литературы (особенно, в сказках), где возможно как «отсутствие временной динамики» [17, с. 161] (например, в сказке Ш. Перро «Спящая красавица» или у героя В. Ирвинга Рип ван Винкля) или ускорение времени (у А.С. Пушкина в «Сказке о царе Салтане»: «И растёт ребёнок там не по дням, а по часам»), так и путешествие во времени [23; 16; 28;² 6; 7; 8 и др.]. Например, Г. Уэллс и Р. Кёно не просто переносят читателя в другое время, но во времени путешествуют их герои («The Time Machine», «Les fleurs bleues»). Так, герой Г. Уэллса – изобретатель, сконструировавший машину времени, отправляется в далёкое будущее – на 800 000 лет вперёд, тогда как герцог д' Ож из романа Р. Кёно «Голубые цветочки» появляется на своём говорящем коне в разные исторические эпохи. В романах Г. Уэллса, Дж. Оруэлла, И.А. Ефремова путешествие во времени приобретает социальный характер. В сложном и противоречивом XX веке Г. Уэллс с его романом «Машина времени» является родоначальником жанра путешествий во времени. Его герой, создатель машины времени, совершает путешествие в далёкое будущее, которое оказывается далеко не радужным: резкие социальные противоречия привели к вырождению всего человечества – как угнетателей, так и угнетённых. Первые от постоянного ничегонеделания утратили умственные способности, а вторые, погрязшие в нищете и ненависти, превратились в подобие животных. Конец романа пессимистичен: отправившись в ещё более отдалённое будущее, Путешественник во времени обнаруживает, что человечество ис-

чезло. Написанный Дж. Оруэллом в 1948 году роман-антиутопия «1984» повествует о ближайшем к автору будущем (а для нас уже прошлым – 1984 год) – жизни в тоталитарном государстве (карикатура на Третий рейх? Социалистическое государство?). Герой Оруэлла не путешествует во времени, а живёт в недалёком для автора будущем, которое не реализовалось.

Иной, оптимистический взгляд на историю и будущее человечества у советского писателя-фантаста И.А. Ефремова. Его герои не путешествуют во времени, они живут в своей эпохе, но благодаря их деяниям и созданным ими артефактам автор устанавливает связь между разными историческими эпохами и цивилизациями. Особенно ярко это изображено в романе «На краю Ойкумены», где прекрасная гемма, созданная художником древней Эллады, связывает разные периоды истории древнего Египта с началом эллинской цивилизации и серединой XX-го века [6]. В романах «Туманность Андромеды» и «Час Быка» рассказывается о космических путешествиях землян далёкого будущего к дальним планетам [7; 8]. В этих романах, особенно в последнем, наблюдается то, что М.М. Бахтин обозначил как **хронотоп** [2, с.121-122], то есть слияние концептов времени и пространства в виртуальной картине мира. Особый художественный приём обращения с виртуальным временем можно заметить у М.А. Булгакова в романе «Мастер и Маргарита»: экскурсы в Ершалаим I-го века н.э. совершает автор (рукопись Мастера), а не современные ему действующие лица [3]. Путешествуют во времени также герои Рэя Брэдбери и других американских писателей.³

Категория реального времени может выражаться как **лексическими**, так и **грамматическими** средствами. Лексические средства подразделяются на **определённые** и **неопределённые**⁴. К определённым лексическим средствам относятся существительные – названия протяжённости во времени, а также числительные в сочетании с существительными: тысячелетие, mille ans, millennium; век, (столетие), cent ans, siècle, century; год, an (année), year; а также названия времён года, saisons, seasons; месяц (и названия всех месяцев), mois, month; неделя (и названия дней недели), semaine, week; сутки,⁵ день, jour, (journée), day; ночь, nuit, night; час,

² Подробнее см.: [25].

³ См. об этом: [17]

⁴ См. [30; 31; 32; 33; 34; 35].

⁵ Во французском и английском языках нет односложного соответствия, следовательно, имеется лексическая лакуна.

heure, hour; минута, minute; секунда, seconde, second и предлоги с существительными: в пять часов, около пяти часов, à cinq heures, vers cinq heures, at five o'clock, about five o'clock. Среди неопределённых лексических средств можно назвать словосочетания «наречие + существительное», обозначающие протяжённость во времени: много, мало, недостаточно (дней, ночей, часов и т.п.), beaucoup, peu (de jours, de nuits, etc.), а также словосочетания «неопределённое прилагательное + существительное» со значением «протяжённость во времени»: некоторый (век, год), несколько (месяцев, недель, дней); certain (jour), quelques (semaines, mois, années), словосочетания «местоимение + существительное»: any, some (days months, weeks,), many (days, nights), few (minutes) quelques (années, semaines), niektóry (miesiąc, dzień) и др.

Словообразовательные средства играют важнейшую роль при отображении категории времени в языке. Сопоставлялись префиксальные образования со значением времени в русском и французском языках. Привожу следующую выборку по словарям [30; 31; 32; 34; 35].

Обозначение предшествования во времени.

ДО-:

добрачный, довоенный, дознание, доисторический, докапиталистический, доледниковый, доньне, дообеденный, дооктябрьский, допетровский, допоздна, допотопный, допризывный, допродать, дорассветный, дореволюционный, дореформенный, досоветский, досрочный, дотелевизионный, дофеодальный, дохристианский, дошкольный.

ПРЕД-:

предбоевой, предвесенний, предвестие, предвестник, предвечерний, предвидеть, предвидение, предвкушать, предвоенный, предвыборный, предгрозовой, преддипломный, преддождевой, предзакатный, предзимний, предмайский, предночной, предобеденный, предоктябрьский, предоперационный, предосенний, предостеречь, предпоследний, предпраздничный, предпусковой, предраковый, предрассветный, предрешить, предсказывать, предсмертный, предсъездовский, предуборочный, предуведомить, предуведомление, предугадать, предупредить, предустановленный, предутренний, предчувствовать, предшествовать, предыдущий, предыстория.

AVANT-:

avant-contrat, avant-coureur, avant-dernier, avant-goût, avant-guerre, avant-midi, avant-plan, avant-première, avant-projet, avant-soirée, avant-veille.

PRÉ-:

préachat, préadaptation, préannonce, préapprentissage, préavis, précambien, précampagne, précancéreux, précapitaliste, précathodique, préchauffage, préchauffer, précolombien, précommande, précompte, précompter, préconcentration, précongélation, prédéterminer, prédétermination, prédire, préélectoral, préélémentaire, préenregistré, préétablir, préétabli, préexister, préexistant, préexistence, préfigurer préfiguration, préfinancement, préformation, préglaciaire, préhellénique, préhispanique, préhistoire, préhistorique, préindustriel, préinscription, préislamique, прелатин, прелаваж, прелогик, прелмарксисте, прелмилитаре, прелнатал, прелнуптиал, прелолымпик, прелоператоре, прелпаемент, прелпаяе, прелрафаэлит, прелретраите, прелреволюционнае, прелромантик, прелромантизме, прелсколае, прелсколаризация, прелсери, прелсократик, прелсоник, прелсуппозе, прелвизион, прелвоир.

Обозначение последующей темпоральности⁶.

ПОСЛЕ-:

послевоенный, послезавтра, послеледниковый, послеобеденный, послеоктябрьский, послеоперационный, послереволюционный, послеродовой, послеромантический, послеуборочный, послешкольный.

POST-:

postclassique, postcommunisme, postcure, postglaciaire, postgrade, postimpressionnisme, postindustriel, postmoderne, postmodernisme, postnatal, postopérateur, postromantique, postscolaire.

APRÈS-:

après-guerre, après-midi.

Анализ полученного языкового материала позволяет сделать следующие выводы:

1) В обоих языках количество производных, обозначающих предшествование, превышает количество образований, выражающих последующую темпоральность: 38 на пред-, 23 на до- (итого 61), 55 на pré-, 11 на avant- (итого 66) против 11 слов на после-, 13 на post- и 2 на après- (итого 26), то есть 127 против 26. В целом, количество соответствующих образований в двух языках почти одинаковое: 61/ 66, 11/ 15.

⁶ Образования с *после-* являются сложными словами [32], а *post-* представляет собой префиксоид латинского происхождения [34].

2) В обоих языках имеются **антонимы** со значением **до/ после**: довоенный: послевоенный, доледниковый: послеледниковый, дообеденный/ предобеденный: послеобеденный, дооктябрьский/ предоктябрьский: послеоктябрьский, предоперационный: послеоперационный, дореволюционный: послереволюционный;

avant-guerre: après-guerre, avant-midi: après-midi, préglaciaire: postglaciaire, préindustriel: postindustriel, prénatal: postnatal, préopératoire: postopératoire, préromantique: postromantique, préscolaire: postscolaire.

Грамматические средства: времена, виды, наклонения глагола. Этот вопрос подробно рассматривался исследователями разных языков [4; 5; 11; 18; 19; 20; 27]. В славянских языках преобладает аффиксация (префиксы, суффиксы), а также чередования основ: читал – прочитал, читал **бы**; *kipowałam* – *kipujmu*; в семитских языках грамматические значения передаются огласовками: *يَكْتُبُ كَتَبَ* писать – он (она) пишет.

Для выражения категории **времени** используются следующие метафоры [1], [14, с. 68-73], [19, с. 161], [11, с. 52-53], [15, с. 317]:

1) Время – движение, путник: Время бежит. «А годы летят. Наши годы, как птицы, летят».

2) Время – то, что разрушает: Годы не пощадили его (её).

3) Время – субстанция (то, что можно измерить): Дети мало читают. *Dernière minute: le poil qui dépasse du nez, les sourcils qui se rejoignent*

et la pince à épiler égarée [26, p. 51].

4) Время – имущество: *Time is money* (Время – деньги).

5) Время – контейнер: В неделе семь дней. *Deux amours foirés en deux jours* [26, p. 61]. «Типичным же случаем подобных отношений и оказывается отношение существования одного объекта в другом, < > отношение содержимого и содержащегося» [9, с. 483]. «С помощью концептуальной метафоры **контейнера** < > можно описать любые множества, группировки, объединения, классы и категории < >, т.е. осуществить перенос с непосредственно наблюдаемого на **не наблюдаемое**» [9, с. 489].

Отмечается **семантический параллелизм пространства и времени** [12, с. 684]: От Москвы до Орла – **6 часов** поездом. Он читал **всю дорогу**.

В **результате** проведённого исследования среди языковых средств отображения категории времени отмечены реальные и виртуальные, первые из которых подразделяются на лексические (определённые и неопределённые) и грамматические. Это наблюдается в русском, французском и английском языках. Грамматические средства в разных языках различны: чередования в индоевропейских (особенно в славянских), огласовки в семитских. Различна система времён. В статье показано широкое употребление метафоры для отображения категории времени.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Наука, 1999.
2. Бахтин М.М. Формы и хронотоп в романе. Очерки по исторической поэтике// Литературно-критические статьи. М.: «Художественная литература», 1986. С. 121-290.
3. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита// Белая гвардия. Мастер и Маргарита. Романы. Минск: «Юнацтва», 1988.
4. Васильева Н.М., Пицкова Л.П. Французский язык. Теоретическая грамматика, морфология, синтаксис. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2013.
5. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Сб. неизданных текстов, подготовленный под рук. Рока Валена. Пер. П.А. Скрединой. Общая ред., послесловие и комментарий Л.М. Скрединой. М.: Прогресс. Культура, 1992.
6. Ефремов И.А. На краю Ойкумены. Звездные корабли. Библиотека приключений. – М.: Гос. изд-во детской литературы, 1956.
7. Ефремов И.А. Туманность Андромеды. М.: Роман газета, 1957.
8. Ефремов И.А. Час Быка. М.: «Русский язык», 1992.
9. Заботкина В.И. Предисловие // Россия. Изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками: Монография/ Под общ. ред. В.И. Заботкиной. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 9-12.
10. Заботкина В.И., Коннова М.Н. Теория концептуальной метафоры // Россия. Изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками. Монография / Под общ. ред. В.И. Заботкиной. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 44-74.

⁷ К этому можно добавить заимствованные слова *посткоммунизм, постимпрессионизм, постмодернизм* и их производные.

⁸ Так, например, обозначается настоящее-будущее время в арабском.

11. Илия Л.И. Пособие по теоретической грамматике французского языка. М.: Высшая школа, 1979.
12. Кронгауз М.А. Время и пространство в структуре значения // Когнитивные исследования языка. Вып. XII. Теоретические аспекты языковой репрезентации. Москва-Тамбов: РАЛК, 2012.
13. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ., Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
15. Нильсен Е.А. Основные тенденции развития метафор времени в английском языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XIX. Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира / Отв. ред. вып. В.З. Демьянков. Москва-Тамбов: РАЛК, 2014. С. 315-324.
16. Оруэлл Дж. 1984. М.: Прогресс, 1989.
17. Панасенко Н.И. Некоторые аспекты художественного пространства и времени // С любовью к языку. Сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. Москва-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский Государственный университет, 2002. С. 151-162.
18. Пицкова Л.П. Системное значение морфологических форм в аспекте синтагматики и парадигматики (на материале вида и перфектности французского глагола): Дисс. д-ра филол. наук, М., 1998.
19. Плунгян В.А. Время и времена. К вопросу о категории числа // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Наука, 1997. С. 158-169.
20. Реферовская Е.А., Васильева А.К. Теоретическая грамматика современного французского языка (на французском языке). Часть 1., М.-Л.: «Просвещение», 1964.
21. Россия. Изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками. Монография / Под общ.ред. В.И. Заботкиной. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012 .
22. Улуханов И.С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т.1. Глаголы, мотивированные именами и междометиями. М.: Азбуковник, 2015.
23. Уэллс Дж. Г. Машина времени, М.: АСТ. Аванта, 2017.
24. Философский словарь / под редакцией И.Т. Фролова, изд. 4-е . М.: Политиздат, 1980.
25. Цыбова И.А. Пространство языка в романах Р.Кено // Риторика ↔ Лингвистика 10, Смоленск, Смоленский государственный университет, 2013, с. 255-257.
26. Beigbeder F. *Mémoires d'un jeune homme derange*. Paris: La Table Ronde, 2001.
27. Lafont R. *Le travail et la langue*. Paris: Flammarion, 1978.
28. Queneau R. *Les fleurs bleues*. Paris: Gallimard, 1965.
29. Tsybova I.A. (Цыбова И.А.) À propos de la représentation de l'espace et du temps en français et en russe // Романские языки в эпоху глобализации: лингвистический и социолингвистический аспекты: Материалы международной конференции 22-23 июня 2010. М.: М ГОУ, 2010. С. 17-22.
30. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. 3-е изд. испр. М.: Рус.яз., 1997.
31. Словарь русского языка в 4-х томах. Т. I. / Редактор тома А.П. Евгеньева. АН СССР, Ин-т русского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957.
32. Словарь русского языка в 4-х томах. Т. III. / Редакторы тома В.В. Розанова, И.И. Матвеев. АН СССР, Ин-т русского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959
33. *Cambridge Learner's Dictionary*. Cambridge University Press, 2007.
34. *Le Petit Larousse illustré*. Paris: Larousse, 2005.
35. *Larousse de la langue française*. Lexis. Paris: Librairie Larousse, 1979.

Сведения об авторе:

Цыбова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французского языка МГИМО (университет), специалист в области лексикологии французского языка.

E-mail ia.tsybova@gmail.com.

ON THE REPRESENTATION OF TIME CATEGORY IN LANGUAGE

I.A. Tsybova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The paper deals with problems of time representation in language. The study of time category is based on the cognitive anthropological approach. The aim of this article is to show linguistic*

means of representation of the temporal category. Objective (astronomical) and subjective (perceptible), conceptual and linguistic (subdivided on real and virtual) representations of time are distinguished. The virtual time is represented in works of fiction, tales, and legends. In these cases we can observe the absence of dynamism, acceleration of time or travel in time. The category of real time is expressed by lexical (definite and indefinite), word-formation and grammatical means. The comparative analysis of derivatives meaning "before/ after" in Russian and French shows that the number of the former considerably (by 4-5 times) surpasses the number of the latter ones. In each of the languages derivative antonyms are revealed. Metaphors of time representation are also analyzed.

Key Words: *objective and subjective, conceptual and linguistic, real and virtual representation of time, lexical (definite and indefinite), word-formation and grammatical means, metaphors*

References

1. Arutiunova N.D. Iazyk i mir cheloveka [Language and man's world], Moscow, 1999.
2. Bakhtin M.M. Formy i khronotop v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike [Forms and chronotop in a novel. Essays on historical poetics] // Literaturno-kriticheskie stat'i. Moscow: «KHudozhestvennaia literatura», 1986, pp. 121-290.
3. Bulgakov M.A. Master i Margarita [The Master and Margarita] // Belaia gvardiia. Master i Margarita. Romany [The white guard. The Master and Margarita. Novels]. Minsk: Iunatstva, 1988.
4. Vasil'eva N.M., Pickova L.P. Frantsuzskii iazyk. Teoreticheskaia grammatika, morfologiya, sintaksis [French. Theoretical grammar, morphology, syntax], 3-e izd., pererab i dop. Moscow, 2013.
5. Gijom G. Printsipy teoreticheskoi lingvistiki [Principles of theoretical linguistics]. Sb. Neizdannykh tekstov, podgotovlenny pod ruk. Roka Valena. [Unpublished texts, prepared under dir. of R. Valena. Translated by P.A. Skrelin. General editorship, epilog and comment by L.M. Skrelin]. Moscow: Progress. Kul'tura, 1992.
6. Iliia L.I. Posobie po teoreticheskoi grammatike frantsuzskogo iazyka [A course of theoretical grammar of French]. Moscow: Vysshaia shkola, 1979.
7. Efremov I.A. Na kraiu Oikumeny [On the edge of Oykumena]. Moscow, 1946.
8. Efremov I.A. Tumannost' Andromedy [Andromeda's Nebula]. Moscow, 1957.
9. Efremov I.A. Chas Byka [The Bull's Hour]. Moscow: Russkii iazyk, 1992.
10. Zabolotkina V.I. Predislovie // Rossiia. Izmeniaiushhiisia obraz vremeni skvoz' prizmu iazyka. Reprezentatsiia kontsepta vremeni v russkom iazyke v sopostavlenii s angliiskim i nemetskim iazykami: Monografiia/ Pod obshh. red. V.I. Zabolotkinoi [Preface // Russia. The changing image of time through a language prism. Representation of the concept of time in Russian in comparison with the English and German languages: The monograph / General editor V.I. Zabolotkina]. Moscow, 2012, pp. 9-12.
11. Zabolotkina V.I., Konnova M.N. Teoriia kontseptual'noi metafory // Rossiia. Izmeniaiushhiisia obraz vremeni skvoz' prizmu iazyka. Reprezentatsiia kontsepta vremeni v russkom iazyke v sopostavlenii s angliiskim i nemetskim iazykami. Monografiia/ Pod obshh. red. V.I. Zabolotkinoi [Theory of a conceptual metaphor // Russia. The changing image of time through a language prism. Representation of the concept of time in Russian in comparison with the English and German languages: The monograph / General editor V.I. Zabolotkina]. Moscow, 2012, pp. 44-74.
12. Krongauz M.A. Vremia i prostranstvo v strukture znachenii // Kognitivnye issledovaniia iazyka. Vyp. XII. Teoreticheskie aspekty iazykovoi reprezentatsii. [Time and space in the structure of meaning // Cognitive researches of language. Issue XII. Theoretical aspects of language representation]. Moscow-Tambov, 2012, pp. 684-692.
13. Kubriakova E.S. Iazyk i znanie [Language and knowledge]: iazyki slavianskoi kul'tury [Languages of Slavic culture]. Moscow, 2004.
14. Lakoff D., Jonson M. Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. Per. s angl. Pod red. i s predisl. A.N. Baranova [translated from English, under the editorship and with preface of A.N. Baranov]. Moscow: Editorial URSS, 2004.
15. Nil'sen E.A. Osnovnye tendentsii razvitiia metafor vremeni v angliiskom iazyke [The main tendencies in development of metaphors of time in English] // Kognitivnye issledovaniia iazyka. Vyp. XIX. Kognitivnoe var'irovanie v iazykovoi interpretatsii mira/ otv. red. vyp. V.Z. Dem'iankov. Moskva-Tambov [Cognitive researches of language. Issue XIX. Cognitive variation in language interpretation of the world / editorial office of the issue V.Z. Demyankov]. Moscow-Tambov, 2014, pp. 315-324.
16. Oruell D. 1984. Moscow: Progress, 1989.
17. Panasenko N.I. Nekotorye aspekty hudozhestvennogo prostranstva i vremeni [Aspects of art space and time] // S lyuboviu k iazyku. Sb. nauch. trudov. Posviashhaetsia E.S. Kubriakovoj [With love for language. Collection of research papers in honour of E.S. Kubriakova]. Moscow-Voronezh: IYA RAN, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 2002, pp. 151-162.
18. Pickova L.P. Sistemnoe znachenie morfologicheskikh form v aspekte sintagmatiki i paradigmاتي (na materiale vida i perfekt-nosti frantsuzskogo glagola): Diss. d-ra filol. nauk [System value of morphological forms in syntagmatics and paradigmatics (on material of aspect and perfect forms of the French verb): Doctor's thesis], Moscow, 1998.
19. Plungian V.A. Vremia i vremena. K voprosu o kategorii chisla [Time and times. The issue of category of number revisited] // Logicheskii analiz iazyka. Iazyk i vremena [The logical analysis of language. Language and time]. Moscow, 1997, pp. 158-169.
20. Referovskaia E.A., Vasil'eva A.K. Teoreticheskaia grammatika sovremennogo frantsuzskogo iazyka (na frantsuzskom iazyke) [Theoretical grammar of modern French]. Part 1. Moscow-Leningrad: «Prosveshhenie», 1964 (in French).
21. Rossiia. Izmeniaiushhiisia obraz vremeni skvoz' prizmu iazyka. Reprezentatsiia kontsepta vremeni v russkom iazyke v sopostavlenii s angliiskim i nemetskim iazykami. Monografiia [Russia. The changing image of time through a language prism. Rep-

- resentation of the concept of time in Russian in comparison with the English and German languages: The monograph / General editor V.I. Zabolotkina]. Moscow, 2012.*
22. Uluhanov I.S. Glagol'noe slovoobrazovanie sovremennogo russkogo iazyka. T.1. Glagoly, motivirovannye imenami i mezhdometiiami [*Verbal word formation of modern Russian. T.1. The verbs motivated with names and interjections*]. Moscow: Azbukovnik, 2015.
 23. Wells D. G. Mashina vremeni [*The time machine*]. Moscow: AST. Avanta, 2017.
 24. Filosofskiy slovar' [*The dictionary of Philosophy*] / pod redaktsiei I.T. Frolova [ed. by I.T. Frolov's], izd. 4-e . Moscow: Politizdat, 1980.
 25. Tsybova I.A. Prostranstvo iazyka v romanah R. Keno [Language space in novels by R.Queneau // Ritorika ↔ Lingvistika 10 [*Rhetoric ↔ Linguistics 10*], Smolensk, 2013, pp. 255-257.
 26. Beigbender F. *Mémoires d'un jeune homme dérangé*, Paris, 2001 (in French).
 27. Lafont R. *Le travail et la langue*. Paris: Flammarion, 1978 (in French).
 28. Queneau R. *Les fleurs bleues*, Paris, 1965 (in French).
 29. Tsybova I.A. À propos de la représentation de l'espace et du temps en français et en russe// *Romanskije jazyki v jepohu globalizacii: lingvisticheskiy i sociolingvisticheskiy aspekty: Materialy mezhdunarodnoj konferencii 22-23 ijunja 2010. M., 2010 – s. 17-22* [À propos de la représentation de l'espace et du temps en français et en russe//*Romance languages during a globalization era: linguistic and sociolinguistic aspects: Materials of the international conference on June 22-23, 2010. Moscow, 2010, pp. 17-22*]
 30. Gak V.G., Ganshina K.A. *Novy francuzsko-russkij slovar'*. 3-e izd. ispr. M.: Rus.jaz., 1997 [Gak V.G., Ganshina K.A. *New French-Russian dictionary. 3rd ed.cor. Moscow: Russian language, 1997*].
 31. *Slovar' russkogo iazyka v 4-h tomakh. T I.* / Redaktor toma A.P. Evgenëva. AN SSSR, In-t russkogo jazyka. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej, 1957 [*The dictionary of Russian in 4 volumes. T I. / Editor of volume A.P. Evgenyeva. Academy of Sciences of the USSR, Institute of Russian. Moscow: State publishing house of foreign and national dictionaries, 1957*].
 32. *Slovar' russkogo iazyka v 4 tomakh. T III.* / Redaktory toma V.V. Rozanova, I.I. Matveev. AN SSSR, In-t russkogo jazyka. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i natsional'nykh slovarei, 1959 [*The dictionary of Russian in 4 volumes. Vol. III. / Ed. by V.V. Rozanova, I.I. Matveev. Academy of Sciences of the USSR, Institute of Russian. Moscow: State publishing house of foreign and national dictionaries, 1959*].
 33. Cambridge Learner's Dictionary. Cambridge University Press, 2007.
 34. *Le Petit Larousse illustré*. Paris: Larousse, 2005.
 35. *Larousse de la langue française*. Lexis. Paris: Librairie Larousse, 1979.

About the author:

Tsybova Irina Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Department of French, MGIMO University (Moscow, Russia), expert in French lexicology. E-mail: ia.tsybova@gmail.com.

* * *

СОВРЕМЕННЫЙ АУТЕНТИЧНЫЙ УЧЕБНИК ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ВУЗА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

О.А. Кравцова, Е.Б. Ястребова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье анализируются причины невысокого качества современных учебников иностранного языка (ИЯ) и типичные ошибки авторов, предлагаются способы решения этой проблемы, а также алгоритм создания аутентичного учебника. Выделяются несколько факторов, влияющих на качество учебников: 1) недостаточная разработанность теории учебника иностранного языка для вуза; 2) компетентность автора; 3) критерии оценивания деятельности кафедр/вузов и преподавателей. Факторы последней группы побуждают преподавателей массово писать учебники и учебные пособия, однако отсутствие единой теории учебника ИЯ и недостаточный уровень развития одной или нескольких компетенций, составляющих компетенцию автора (исследовательской, интеллектуальной, методической и лингвистической), приводят к ошибкам, снижающим качество учебников. Эти ошибки часто заключаются в том, что система заданий/упражнений не обеспечивает обещанных результатов в плане развития конкретных умений и достижения заявленного уровня коммуникативной компетенции. В помощь начинающим авторам предлагается алгоритм создания современного аутентичного учебника ИЯ: этот творческий процесс делится на пять этапов, на каждом из которых задействованы определённые компетенции автора. Повышению качества учебных материалов по ИЯ могут способствовать: 1) изменение подходов к оцениванию квалификации преподавателя; 2) ужесточение требований к качеству учебников и пособий, издаваемых в каждом конкретном вузе; 3) теоретическая и практическая подготовка будущих авторов через курсы повышения квалификации, систему семинаров, а также включение в коллективы опытных разработчиков учебных материалов.

Ключевые слова: иностранный язык, компетентность и компетенции автора, алгоритм создания учебника, типичные ошибки авторов, теоретическая и практическая подготовка авторов

Введение: постановка проблемы

Смена образовательной парадигмы в конце XX века обусловила потребность в новых учебниках ИЯ, отвечающих меняющимся целям образования. Вакуум, который образовался в период перехода от советской системы образования к российской, пытались заполнить коммерческими западными учебниками, в основном в ксерокопированном виде. Теперь эти времена в прошлом.

Сегодня мы наблюдаем бум в издании отечественных учебных материалов, когда каждый уважающий себя вуз или кафедра ИЯ считает необходимым опубликовать свой учебник или целую линейку пособий для всех курсов. Существующий тренд можно было бы только приветствовать, если бы не проблема, ставшая очевидной в последнее время: написать хороший учебник ИЯ весьма непросто, поэтому не у всех и не всегда получается качественный продукт. Авторы настоящей статьи могут утверждать это

с полной ответственностью после рецензирования большого количества учебных пособий и учебников по английскому языку, которые предназначены для студентов 1-4 курсов бакалавриата, обучающихся по различным программам гуманитарного профиля. Выявленные масштабы проблемы и побудили нас снова обратиться к этой теме (свой взгляд на основополагающие принципы создания учебника ИЯ авторы изложили в 2011 году [9]).

Так как слово *аутентичный* является ключевым в названии статьи, необходимо сразу пояснить, что мы используем его в значении «оригинальный, не скопированный». Под аутентичностью в данном случае мы имеем в виду не только и не столько то, что языковой материал взят из оригинальных источников (традиционное понимание термина), а то, что концепция учебника в целом, а также система заданий и упражнений разработаны авторами. Наш опыт показывает, что у многих создателей учебников нет понимания того, что заимствование целых разделов из чужих (отечественных и зарубежных) учебников – не только очевидная этическая, но и концептуальная проблема, так как эффективность учебника определяется тем, насколько глубоко осознаны и чётко сформулированы авторами подходы и принципы, лежащие в его основе.

В этом контексте нам представляется актуальным рассмотреть теоретические вопросы создания учебника ИЯ, проанализировать типичные ошибки разработчиков таких учебников и наметить пути повышения качества отечественного учебника ИЯ для вузов.

Теория учебника ИЯ: краткий обзор

Задача создания качественного современного учебника¹ ИЯ уже довольно давно стоит на повестке дня профессионального сообщества, однако она до сих пор не решена. Потребность в *современном* учебнике в начале XXI века диктовалась глубокими социально-политическими, экономическими, культурными трансформациями в мире и в нашем обществе, под влиянием которых изменялись государственные образовательные стандарты и, соответственно, задачи обучения ИЯ на всех этапах. За эти годы известными педагогами и методистами был написан ряд программных статей, рассматривающих

различные аспекты проблемы создания школьного и вузовского учебников ИЯ (необходимо отметить, что общие положения, касающиеся принципов и требований к учебнику ИЯ, распространяются на все этапы обучения).

Одним из основоположников теории (школьного) учебника ИЯ многие специалисты справедливо считают И.Л. Бим, которая в известной монографии, написанной более 40 лет назад, разработала принципы его построения [3]. На рубеже веков (статья 1999 года) И.Л. Бим с коллегами выделила характеристики современного учебника ИЯ, который: 1) представляет модель процесса обучения; 2) воплощает цели обучения; 3) охватывает все компоненты содержания обучения; 4) реализует 14 принципов содержания обучения (соответствие государственным стандартам, коммуникативная цель обучения, ориентация на личность ученика, аутентичность языкового материала и т.д.); 5) имеет внешнюю структуру, отражающую его концепцию; 6) учитывает положительные тенденции в отечественной и зарубежной методике [4].

Выдающийся методист Е.И. Пассов, признавая заслуги И.Л. Бим, отмечал в 2004 году, что, несмотря на наличие трудов в этой области, одним из факторов, препятствующих созданию качественных учебников, является отсутствие *новой, соответствующей современным условиям* теории учебника, которая должна обосновывать его статус, назначение, принципы, структуру, функции каждого компонента, содержание [8].

Одновременно Пассов формулирует принципиальные требования к современному учебнику:

- учебник должен отвечать на социальный заказ;
- в его основе должна лежать методическая система, отражающая современную философию образования;
- учебник должен быть нацелен на иноязычное образование человека в трёх его аспектах: познавательном, развивающем, воспитательном, т.е. на овладение им иноязычной культурой, а не просто на обучение ИЯ [Там же].

В заочной полемике не менее известный методист и автор серии учебников английского языка для средней школы Р.П. Мильруд годом позже утверждал, что теория учебника ИЯ не только существует, но и динамично развивается под влиянием внешних (полити-

¹ Все современные авторы рассматривают учебник как центральное звено учебно-методического комплекса (УМК)

ческих и экономических) и внутренних (интеграция знаний в области преподавания ИЯ) процессов [6].

Мильруд рассматривает создание учебника как проект, который должен быть грамотно организован на всех этапах, начиная с исследования потребностей и заканчивая внедрением. Успешность учебника, по его мнению, в значительной мере определяется профессионально-методическим уровнем, кругозором, увлечённостью автора или авторского коллектива («энергетика автора»), а также эффективностью положенного в основу метода (подход, принципы, способы организации познавательных процессов) и качеством разработки материалов. Помимо этих субъективных факторов (зависящих исключительно от квалификации автора/авторского коллектива – Авт.), успех учебника находится в зависимости от трёх внешних факторов: глобализации информационных процессов, регионализации культуры и поляризации рынка («синергетика жанра») [Там же].

Главным требованием к современному учебнику по Р.П. Мильруду является использование компетентностного подхода и коммуникативно-ориентированного метода, что диктует аутентичность языкового и методического материала, коммуникативный и интерактивный характер заданий, направленность на ученика, использование современных технологий [Там же].

Почти все эксперты в этой области сходятся во мнении, что с разработкой теоретических и методических основ учебника ИЯ для вузов дело обстоит хуже, чем со школьным учебником. Так, автор учебников немецкого языка для вузов Ж.Л. Витлин утверждал более десяти лет назад, что теория учебника для неязыковых вузов разработана в наименьшей степени. Он выдвинул идею создания единого учебника ИЯ по аспекту «Общий язык» для факультетов/вузов разного профиля, который должен дополняться учебниками/пособиями, ориентированными на язык профессии [5].

В статье сформулированы предложения относительно структуры и содержания такого учебника. По мнению Ж.Л. Витлина, учебник должен содержать: 1) задания разного уровня на начальном этапе; 2) страноведческую и культурологическую информацию в текстах и задания, направленные на совершенствование знаний о стране изучаемого языка; 3) разделы для самооценки и самоконтроля; 4) справочный материал [Там же].

Эти требования (в более современных терминах) означают, что учебник должен предусматривать разные траектории учения/обучения в зависимости от уровня языковой подготовки студентов, обеспечивать формирование социолингвистической компетенции, а также относительную автономию студента, о чём пишут и авторы упомянутых выше работ.

Известный методист И.П. Павлова также утверждает, что требования к современному учебнику ИЯ для неязыкового вуза диктуются компетентностным подходом и целью иноязычного образования – формирование коммуникативной компетенции [7]. При этом в каждом вузе цель должна конкретизироваться в зависимости от будущей сферы профессионального общения студентов, что позволит определить содержание учебника (темы, лексика, умения). После того, как сформулирована цель и определено содержание учебника, авторы должны разработать познавательные и коммуникативные учебные задачи, которые реализуются в системе заданий и упражнений [Там же]. Таким образом, фактически И.П. Павлова предлагает будущим авторам поэтапный план создания учебника (что близко к идее «проекта» Р.П. Мильруда в её творческой части).

Приведённый анализ работ по проблемам учебника ИЯ позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на существующие исследования и разработки, единая цельная теория учебника ИЯ для вуза, в частности неязыкового, отсутствует. В этом, очевидно, и заключается одна из главных причин кризиса жанра. Кроме того, не все эксперты-методисты, имеющие свою точку зрения относительно того «как надо», реализуют теоретические разработки на практике, то есть создают учебники.

Создание учебника глазами практиков

В данном разделе мы предложим свой алгоритм создания учебника ИЯ, отражающий основные этапы творческого процесса.

Наша гипотеза (подтверждённая практикой) заключается в том, что современный аутентичный учебник ИЯ для вуза неязыкового профиля может быть создан на основе синтеза теории и практики как проект «под ключ». На наш взгляд, этот проект должен осуществляться головным по соответствующим направлениям подготовки вузом с тем, чтобы заложить фундамент профессиональной иноязычной коммуникативной

компетенции (ПИКК) с первых дней обучения ИЯ в университете.

Запуск проекта предполагает существование группы единомышленников, готовых сформировать авторский коллектив. Обычно инициатором и «локомотивом» является один человек, вокруг которого собирается команда. Мы полагаем, что успех всего предприятия в значительной степени определяется наличием у членов такого коллектива особой **компетентности автора**, сочетающей интеллектуальную, лингвистическую, методическую, исследовательскую компетенции (подробнее о них см. [12]) и умение работать в команде. Необходимым условием также является практический преподавательский опыт участников проекта. Осуществление проекта «учебник» проходит в несколько этапов, на каждом из которых преобладают одна-две компетенции.

Подготовительный этап (задействована *исследовательская* компетенция) предполагает анализ потребностей конкретной целевой аудитории, который основывается на требованиях программы и личном опыте авторов и проводится путём анкетирования коллег, потенциальных работодателей, преподавателей, ведущих специальные дисциплины (особенно если цель – создание учебника ИЯ для профессиональных целей). Необходима также оценка уровня сформированности языковых и речевых умений студентов на данном этапе обучения (тестирование).

Следующий этап (мобилизует *интеллектуальную и методическую* компетенции) – разработка модели учебника, отвечающей ряду базовых требований, которые диктуются целью обучения ИЯ в вузе. Это, например, функциональность, коммуникативность, аутентичность, междисциплинарность, использование элементов проблемного обучения и методов проектов.

Собственно создание учебника – наполнение модели конкретным содержанием – опирается на *лингвистическую и методическую* компетенции. На основе вышеперечисленных требований разрабатывается система заданий и упражнений, обеспечивающая достижение поставленных авторами целей [9].

За этапом создания пилотного варианта учебника следует апробация (здесь работают *исследовательская и интеллектуальная* компетенции), позволяющая выявить правильность определения авторами уровня сформированности языковых и речевых умений, а также интеллектуального уровня целевой аудитории и часто

приводящая к внесению корректив в первоначальный вариант. Эти коррективы могут касаться как, например, текстов, предлагаемых для изучающего чтения, или видов проектных заданий, так и степени сложности грамматических и лексических упражнений. На этом этапе авторы вновь опираются на *методическую и лингвистическую* компетенции.

Этап внедрения в учебный процесс имеет исключительное значение для обеспечения эффективной работы с учебником, которая возможна только при условии, что любой преподаватель понимает, как с ним работать, а его структура достаточно прозрачна, чтобы студенты могли без проблем в нём ориентироваться. Успешность внедрения отчасти (в плане структуры) обеспечивается ещё на этапе разработки модели учебника, а также с помощью предисловия, внятно описывающего авторскую концепцию, и чётких методических рекомендаций для преподавателя и советов для студента. Идеальным вариантом является предусмотренное самим понятием УМК создание книги для преподавателя, в которой подробно разъясняются особенности работы с каждым разделом учебника и даются практические советы [11]. Таким образом, успешная дальнейшая жизнь учебника во многом зависит от реализации на последнем этапе всех вышеупомянутых компетенций.

Практика создания учебника: анализ типичных ошибок

В предыдущем разделе мы рассмотрели алгоритм создания современного аутентичного учебника ИЯ для вуза в идеале. На практике в настоящее время можно выделить несколько общих подходов к разработке таких учебников.

1. *Эмпирический*. Это наиболее распространённый узкопрактический подход, который заключается в том, что при наличии в определённый момент потребности в новых учебных материалах по ИЯ на кафедре или в университете за их разработку берутся наиболее опытные и/или честолюбивые преподаватели (к сожалению, не всегда эти характеристики совпадают).

2. *«Авторский»*. При таком подходе создаётся учебник, концепция которого понятна только автору, соответственно работать по нему могут только автор и его коллеги, получающие подробные инструкции. К сожалению, за пределами одной конкретной кафедры подобный учебник не может использоваться эффективно.

3. *Теоретический*. Этот подход предполагает создание учебного пособия или отдельных разделов учебника в рамках диссертационного исследования по методике/лингводидактике или по его результатам.

4. *«Вслед за автором»*. Это относительно новое течение в производстве учебных пособий, изначально возникшее из-за необходимости адаптировать западные учебники к использованию в российских вузах. Затем этот подход, который заключается в составлении дополнительных упражнений, в частности переводных, к существующим учебникам, распространился и на отечественные.

Для теоретического подхода характерно «подстраивание» учебника под выдвинутую теорию и узкий («камерный») формат. Главной проблемой при всех остальных подходах является отсутствие чёткой концепции, что делает работу над учебником подобной строительству дома без утверждённого проекта, технического задания и т.п. Проблема становится очевидной уже на этапе ознакомления с таким учебником и проявляется в наибольшей степени в предисловии, которое всегда отражает уровень владения автором методическим аппаратом, а именно понимание (или отсутствие такового) основных методических понятий.

Проанализируем подробнее типичные ошибки создателей учебников и пособий.

Недостаточная методическая компетентность. Авторы не различают и используют как взаимозаменяемые такие понятия, как «подходы» и «принципы», «цели» и «задачи». Термин «компетенции» зачастую перемежается «умениями» и «навыками», хотя они принадлежат к разным дидактическим парадигмам. Такая путаница в терминологии свидетельствует об отсутствии прочной методической базы, что приводит к перечисленным ниже грубым ошибкам.

1) Неграмотно или нечётко сформулированы цели и учебные задачи учебника/учебного пособия, что затрудняет или делает невозможной реализацию поставленной цели. Например, в методической записке заявлено, что целью сборника упражнений (sic!) является «развитие аналитических, системных и коммуникативных компетенций студентов, ... таких как: управление информацией, управление изменениями, анализ и синтез, работа в международной среде». Эту цель предполагается достичь через выполнение таких учебных задач (которые авторы, впрочем, называют учебными целями) как

«освоение студентами лексико-грамматических структур, развитие навыков устной и письменной коммуникации, ведения дискуссии, а также навыков перевода». Во-первых, заявленные задачи являются разнопорядковыми; во-вторых, они частично пересекаются с целями (коммуникативные «компетенции», которые, становясь задачами, превращаются в «навыки»); в-третьих, не совсем понятно, как реализация этих задач может способствовать развитию таких универсальных компетенций, как управление информацией и изменениями.

2) Содержание учебника или пособия не соответствует поставленным целям и задачам, то есть выполнение дидактических задач не обеспечивается аппаратом заданий и упражнений. Например, пособие, о котором шла речь выше, содержит два блока упражнений: грамматические (раскрытие скобок, заполнение пробелов и т.п.) и лексические (перевод с русского языка на английский). Очевидно, что цель развития коммуникативных умений (или коммуникативной компетенции) вряд ли достижима; в лучшем случае речь здесь может идти о языковых умениях. Более того, перевод, на наш взгляд, не является упражнением, с помощью которого могут развиваться эти умения, и его целесообразно использовать на этапе контроля усвоения материала. С другой стороны, упражнение на перевод, предполагающий использование определённой лексики или грамматических моделей, строго говоря, не развивает умения перевода как особого вида коммуникативной деятельности.

3) Заявленные уровни формируемых/развиваемых компетенций по общеевропейской шкале (например, A2, C1) не соответствуют этапу обучения или содержанию и методическому обеспечению. Так, например, в предисловии к учебному пособию, являющемуся дополнительным учебным материалом к известному западному коммерческому учебнику, авторы предполагают развивать языковые компетенции до уровней B2-C1, тогда как пособие предназначено для студентов второго курса, которые в подавляющем большинстве достигают уровня B1. При этом в ряду коммуникативных компетенций, которые предполагается развивать на этом уровне, упомянуто «владение словообразовательными моделями, характерными для устной и письменной речи английского языка», что обычно обеспечивается на более раннем этапе обучения ИЯ.

Приведём также пример неадекватного методического обеспечения. Различные виды транс-

формационных упражнений (*Откройте скобки и поставьте глагол в нужную временную форму; Закончите текст новостей, поставив глагол в нужную временную форму; Выберите правильную (из трёх) форму глагола*) не обеспечивают вывод этого грамматического материала в речь, если они не подкрепляются условно-коммуникативными упражнениями, имитирующими реальное общение. Другими словами, не происходит развитие грамматической компетенции как компонента речевой (в методической записке цель определяется как развитие коммуникативной компетенции).

4) Задания не способствуют развитию умений в заявленных видах речевой деятельности. Например, в методической записке утверждается, что одной из задач пособия является развитие умений ознакомительного, просмотрового, поискового и аналитического чтения. Реализацию этой задачи предполагается достичь через следующую систему упражнений: (1) *Ответьте на вопросы (предваряющие чтение);* (2) *Ответьте на следующие вопросы по тексту;* (3) *Найдите в тексте слова и выражения ...;* (4) *Перифразируйте или объясните следующие фразы из текста ...;* (5) *Переведите предложения, используя слова и выражения из текста.* В другом пособии, нацеленном в частности и на «развитие навыков и умений читать и понимать тексты по деловой тематике», для этого предназначены задания: (А) *Найдите в тексте английские эквиваленты следующих выражений;* (Б) *Письменно переведите два абзаца статьи на русский язык;* (В) *Ответьте на вопросы, используя выражения из задания (А).* Представляется очевидным, что в обоих случаях предлагаемые задания не обеспечивают развитие умений различных видов чтения, а текст, как это часто бывает, используется исключительно как источник общей или специальной лексики.

Введение в заблуждение потенциального потребителя. Этот вид ошибок авторов учебников ИЯ тесно связан с предыдущей группой и заключается в невольной дезинформации потребителя (он же покупатель) относительно того, какие умения/компетенции можно развить или какого уровня владения языком можно достичь с помощью данного учебного материала, что происходит из-за некорректной информации, содержащейся в предисловии и методической записке. Как правило, авторы дают завышенную оценку возможностям своего продукта, что чаще объясняется не их недобросовестными на-

мерениями, а вышеупомянутой методической малограмотностью. Так, ни один учебник ИЯ не может развивать одновременно все общекультурные, профессиональные и профессионально специализированные компетенции, предусмотренные программой подготовки специалистов в той или иной сфере, однако авторы одного пособия, предназначенного для уровня В1, утверждают в предисловии, что оно формирует «владение культурой мышления, способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей её достижения; способность понимать и анализировать мировоззренческие, социально и лично значимые философские проблемы» и далее по списку. Так же, как и сборник упражнений для студентов второго курса, очевидно, не может непосредственно готовить к работе на международном уровне и решать коммуникативные задачи в общественно-политической сфере общения, как это утверждают авторы.

Недостаточный уровень развития лингвистической компетенции автора. Аутентичный учебник ИЯ по определению должен содержать оригинальный текстовый материал (это относится и к текстовому наполнению лексических и грамматических упражнений). В наше время глобализации и информационных технологий все желающие имеют неограниченный доступ к художественной литературе и периодическим изданиям на ИЯ, поэтому создатели учебников могут использовать аутентичные тексты (если это не нарушает авторские права), что значительно облегчает их задачу. Однако в большинстве случаев тексты необходимо адаптировать к потребностям учащихся, то есть сокращать и/или упрощать. Эта, зачастую ювелирная, работа требует от автора мастерства и профессионального владения ИЯ. Задания же к текстам, в соответствии с нашей концепцией аутентичного учебника, составляют его создатели, и именно здесь часто появляются русицизмы или допускаются откровенные лексические и грамматические ошибки. Что касается упражнений, в аутентичном учебнике все они должны быть разработаны авторами, и здесь та же проблема – адаптация языкового материала и формулировка заданий. В скобках заметим, что часто в паре с недостаточным уровнем владения ИЯ идёт плохое владение родным языком, что проявляется в упражнениях на перевод с русского языка на иностранный. Например, (1) *Завтра в это время Клифффорд будет обращаться за ра-*

ботой. (2) Это единственный раз, когда у меня нет логического подхода к решению проблемы. Я всегда славился своей логикой. (3) Нет смысла пересматривать образовательные стандарты. Мы это сделали уже два раза. Подобные предложения говорят не только о низком уровне владения родным языком, но и об отсутствии вышеупомянутой логики, а также здравого смысла у авторов подобного упражнения, что неизбежно подрывает доверие ко всему продукту.

В чём причины и что делать?

Из вышесказанного следует, что социальный заказ на учебник нового поколения выполняется только в количественном плане, тогда как качество массовой продукции в основном не соответствует характеристикам современного аутентичного учебника ИЯ.

Причины такого несоответствия достаточно очевидны. С одной стороны, к созданию учебников объективно подталкивает осознание преимуществ отечественных учебников ИЯ для удовлетворения образовательных потребностей российских студентов. С другой стороны, вступают в действие субъективные факторы. Во-первых, написание учебников и учебных пособий является необходимым требованием для подтверждения преподавателем вуза своей профессиональной квалификации при избрании/переизбрании на должность. Во-вторых, издание собственных учебных пособий повышает репутацию кафедры и вуза. И, в-третьих, во многих российских университетах внедрена система эффективного контракта, в соответствии с которой авторы учебников получают баллы «за эффективность», которые имеют вполне конкретное материальное выражение. В результате количественные показатели оказываются важнее качественных, следствием чего становится производство и даже перепроизводство учебной продукции, не способствующей повышению эффективности обучения ИЯ.

Заметим, что это не означает, что качественных учебников нет вовсе, наглядный пример качества – учебник французского языка *Le français* [1], ставший лауреатом премии «Книга года–2010» Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в номинации «Учебник XXI века». Его авторы Е.Б. Александровская и Н.В. Лосева продолжают совершенствовать свою концепцию учебника ИЯ [2].

Вместе с тем предложенный нами алгоритм создания учебника и личный опыт авторов первого УМК в линейке «Английский язык для международных» [10] позволяют сделать вывод о том, что создание качественного современного учебника ИЯ требует не только описанной выше компетенции автора, но и времени, достаточного для реализации каждого этапа творческого процесса. В подтверждение сошлёмся на исследование Дороти Земах (Dorothy Zemach), автора двадцати учебников английского языка. Она утверждает, что на создание качественного учебника автору, не занятому другими видами деятельности, требуется два года [13]. Очевидно, что 1) для создания полноценного учебника коллективу авторов, которые имеют полную аудиторную нагрузку, потребуется не менее трёх лет, и 2) учебники и пособия, написанные за несколько месяцев, заведомо не могут быть качественными.

Возникает вопрос: как исправить диссонанс между растущим количеством учебной продукции и её невысоким качеством. На наш взгляд, пути решения следует искать в двух плоскостях: политической и методической. Политическая предполагает принципиальное изменение подхода к оцениванию работы преподавателя и его соответствия должности на основании учебно-методических трудов последнего (необходимо решение на уровне Министерства науки и высшего образования). Здравый смысл подсказывает, что главным мериллом должно быть качество преподавания, в том числе умение грамотно выбирать и использовать учебники; прекрасный преподаватель необязательно может стать автором качественного учебника. Отметим, однако, ещё раз, что компетентный автор должен обладать весомым практическим опытом преподавания.

Изменение в этом направлении необходимо подкрепить решением на уровне университета/института о введении более жёстких критериев оценивания предлагаемых к публикации учебных пособий и учебников. Опыт МГИМО последних лет по внутреннему рецензированию учебников и учебных пособий свидетельствует о пользе такой практики. Необходима не только единая система критериев оценивания материалов, но и неукоснительное следование ей, невзирая на лица и былые заслуги (принцип «что позволено Юпитеру, не позволено быку» в данном случае играет пагубную роль). Считаем важным выделить отдельным пунктом такой критерий,

как соблюдение авторской этики, т.е. уважение авторских прав создателей учебников ИЯ, независимо от страны проживания.

Иная плоскость решения проблемы – методическая – предполагает воспитание будущих авторов. Полагаем, что оно должно включать две составляющие: теоретическую подготовку и практическую вовлечённость в процесс создания учебника. Первая является начальным этапом формирования компетенции автора и осуществляется либо на курсах повышения

квалификации, либо, что предпочтительнее, на семинарах для авторов, планирующих или начавших работать над какими-либо учебными материалами. Вторая и, на наш взгляд, наиболее эффективная – включение начинающего автора в более опытный авторский коллектив.

В заключение подчеркнём, что именно совокупность этих мер, по нашему мнению, позволит проложить дорогу качественному современному аутентичному учебнику ИЯ и, соответственно, повысить эффективность обучения.

Список литературы

1. Александровская Е.Б., Лосева Н.В., Читахова Л.Л. *Le français.ru* (Учебник французского языка). М.: Нестор, 2009. 296 с.
2. Александровская Е.Б., Лосева Н.В. Концепция нового курса французского языка // *Иностранные языки в школе*. 2013. № 7. С. 59-62.
3. Бим И.Л. *Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника*. М.: Русский язык, 1977. 288 с.
4. Бим И.Л., Афанасьева О.В., Радченко О.А. К проблеме оценивания современного учебника иностранного языка // *Иностранные языки в школе*. 1999. № 6. С. 13-17.
5. Витлин Ж.Л. Теоретические и методические основы учебников первого иностранного языка для вузов. // *Иностранные языки в школе*. 2007. № 3. С. 45-50.
6. Мильруд Р.П. Учебник иностранного языка: синергетика жанра или энергетика автора? // *Иностранные языки в школе*. 2005. № 8. С. 12-18.
7. Павлова И. П. Современный учебник иностранного языка для неязыкового вуза: проблемы и перспективы // *Приоритетные направления в обучении иностранным языкам*. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. с. 43–60. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 12 (618). Сер: Педагогические науки).
8. Пассов Е.И. Учебник как феномен сферы иноязычного образования // *Иностранные языки в школе*. 2004. №. 4. С. 39-47.
9. Ястребова Е.Б., Кравцова О.А. Какой учебник иностранного языка нужен вузу сегодня? // *Иностранные языки в школе*. 2011. № 5. С. 63-68.
10. Ястребова Е.Б., Кравцова О.А., Крячков Д.А., Владыкина Л.Г. *Английский язык для международных: Учебник для вузов в двух частях*. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2018. 640 с.
11. Ястребова Е.Б., Кравцова О.А. *Английский язык для международных. Книга для преподавателя*. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2018. 232 с.
12. Ястребова Е.Б., Кравцова О.А. Если к вам неожиданно пришли гости: что достать из своей методической кладовой? // *Традиции и инновации в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе: Мат-лы межвуз. научно-практич. конф. (Москва, 5-6 апреля 2018 г.) / отв. ред. М.А. Чигашева*. МГИМО-Университет, 2019. С. 467-477.
13. Zemach Dorothy. *Sausage and the Law: How Textbooks are Made*. Plenary IATEFL 2018, Brighton, England. Available at <https://conference.iatefl.org/2018/downloads/programme/Full%20Conference%20Programme.pdf>

Сведения об авторах:

Кравцова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России. Сфера интересов: грамматика и стилистика английского языка, разработка учебников и учебных материалов по общему языку и языку для специальных целей, использование ИКТ в обучении иностранному языку. E-mail: krolgan@mail.ru.

Ястребова Елена Борисовна – кандидат педагогических наук, профессор кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России. Сфера интересов: лингводидактика: разработка теоретических основ создания учебника иностранного языка нового поколения и обучения иностранному языку для специальных и академических целей, обучение письменной речи; разработка модульных программ. E-mail: yastel@yandex.ru.

A MODERN AUTHENTIC TERTIARY LEVEL FOREIGN LANGUAGE COURSEBOOK: CHALLENGES AND WAYS FORWARD

O.A. Kravtsova, E.B. Yastrebova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article analyses the reasons for the poor quality of modern foreign language coursebooks and writers' typical mistakes. The reasons consist in 1) the lack of a generally accepted theory of the tertiary level foreign language coursebook, 2) the author's insufficient competence, 3) increasing pressure on university teachers to produce and publish coursebooks. The paper suggests that a specific author's competency, comprising research, intellectual, methodological, and linguistic competencies, is central to producing a good coursebook. An algorithm for developing a modern authentic coursebook is proposed; each of the five stages thereof requires some of the above competencies, whereas lack of any of these leads to an inadequate product. Typically, it fails to provide a system of exercises and tasks to ensure the promised results in terms of developing language skills and attaining the desired level of linguistic competence. Feasible ways to improve the quality of coursebooks are suggested: 1) revising approaches to assessing teachers' qualifications, 2) raising requirements for the quality of coursebooks, 3) training would-be materials writers in theory and involving them in actual writing through co-authorship with experienced colleagues.*

Key Words: *foreign language, author's competency, constituent competencies, algorithm for designing a coursebook, coursebook writers' typical mistakes, theoretical and practical training for would-be authors*

References

1. Aleksandrovskaja E.B., Loseva N.V., Chitakhova L.L. Le français.ru (Uchebnik frantsuzskogo iazyka) [A French language coursebook]. Moscow, Nestor, 2009. 296 p.
2. Aleksandrovskaja E.B., Loseva N.V. Kontsepsiia novogo kursa frantsuzskogo iazyka [The concept of a new course of French]. *Innostrannye Yazyki v Shkole – Foreign Languages at School*, 2013, no. 7, p.p. 59-62.
3. Bim I.L. Metodika obucheniia inostrannym iazykam kak nauka i problemy shkolnogo uchebnika [Methods of teaching foreign languages as a science and problems of a secondary school coursebook]. Moscow, Russkii iazyk – The Russian Language, 1977. 288 p.
4. Bim I.L., Afanasieva O.V., Radchenko O.A. K probleme otsenivaniia sovremennogo uchebnika inostrannogo iazyka [On the problem of assessing a modern foreign language coursebook]. *Innostrannye Yazyki v Shkole – Foreign Languages at School*, 1999, no. 6, p.p. 13-17.
5. Vitlin Zh.L. Teoreticheskie i metodicheskie osnovy uchebnikov pervogo inostrannogo iazyka dlia vuzov [Theoretical and methodological foundations of tertiary level first foreign language coursebooks]. *Innostrannye Yazyki v Shkole – Foreign Languages at School*, 2007, no. 3, p.p. 45-50.
6. Mil'rud R.P. Uchebnik inostrannogo iazyka: sinergetika zhanra ili energetika avtora? [A foreign language coursebook: synergy of the genre or the author's energy?]. *Innostrannye Yazyki v Shkole – Foreign Languages at School*, 2005, no. 8, p.p. 12-18.
7. Pavlova I.P. Sovremennyi uchebnik inostrannogo iazyka dlia neiazykovogo vuza: problemy i perspektivy [A modern foreign language coursebook for a non-language university: problems and prospects]. *Prioritetnye napravleniia v obuchenii inostrannym iazykam. [Priority areas in teaching foreign languages]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, Serii pedagogicheskie nauki [Bulletin of Moscow Linguistics University, Pedagogical sciences series]*, Moscow, Rema, 2011, no. 12 (618), p.p. 43-60.
8. Passov E.I. Uchebnik kak fenomen sfery inoiazychnogo obrazovaniia [A coursebook as a phenomenon of foreign language teaching]. *Innostrannye Yazyki v Shkole – Foreign Languages at School*, 2004, no. 4, p.p. 39-47.
9. Yastrebova E.B., Kravtsova O.A. Kakoi uchebnik inostrannogo iazyka nu-zhen vuzu segodnia? [What kind of foreign language coursebook does tertiary education need nowadays?]. *Innostrannye Yazyki v Shkole – Foreign Languages at School*, 2011, no. 5, p.p. 63-68.
10. Yastrebova E.B., Kravtsova O.A., Kryachkov D.A., Vladykina L.G. *Angliiskii iazyk dlia mezhdunarodnikov: Uchebnik dlia vuzov v dvukh chastiakh. Chast' 1. [English for students of international relations: Coursebook for universities in two parts. Part 1]*, Moscow, Aspekt Press, 2018. 640 p.

11. Yastrebova E.B., Kravtsova O.A. *Angliiskii iazyk dlia mezhdunarodnikov: Kniga dlia prepodavatelja* [English for students of international relations: Teacher's book], Moscow, Aspekt Press, 2018. 232 p.
12. Yastrebova E.B., Kravtsova O.A. *Esli k vam neozhidanno prishli gosti: chto dostat' iz svoei metodicheskoi kladovoi* [If you have unexpected guests: what can come in handy from the pantry of your teaching techniques]. *Traditsii i innovatsii v prepodavanii inostrannogo iazyka v neiazykovom vuze* [Tradition and innovation in teaching foreign languages at a nonlanguage university]. *Materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 5-6 Aprelia 2018)* [Proc. Inter-university conference, Moscow, 5-6 April 2018], Moscow, MGIMO-University, 2019. P. 467-477.
13. Zemach Dorothy. *Sausage and the Law: How Textbooks are Made*. Plenary IATEFL 2018, Brighton, England. Available at <https://conference.iatefl.org/2018/downloads/programme/Full%20Conference%20Programme.pdf>

About the authors:

O.A. Kravtsova has a PhD in Linguistics, and is an Associate Professor of English at MGIMO University. Her current interests include the grammar and stylistics of English, ICT in Foreign language teaching, course design and materials development for General English and ESP. E-mail: krolgan@mail.ru.

E.B. Yastrebova has a PhD in Education, and is a Professor of English at MGIMO University. Her interests are course design and materials development for teaching ESP, EAP and General English, ICT in Foreign Language Teaching, cross-cultural communication and learner autonomy. E-mail: yastel@yandex.ru.

* * *

ТОПОНИМИКА ПАРИЖА В РАКУРСЕ СТАТИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КОНТЕНТА РОССИЙСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ УЧЕБНИКОВ (УМК) И МЕТОДИК ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА УРОВНЯ А2

И.Э. Полянская

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Настоящая работа была предпринята как попытка осмыслить феномен сосуществования в высшей школе учебников и УМК разных поколений как отечественных, так и европейских (французских) авторов. Апеллируя, с одной стороны, к требованиям ФГОС-3 и принципам компетентностного подхода, работа использует понятия «доксы» (doxa) и «габитуса» (habitus) для объяснения на теоретическом уровне сложившегося сосуществования. Статья также публикует результаты статистической обработки выбранных источников в виде диаграмм, таблиц и карт. Выбранный метод исследования был продиктован как общим направлением развития гуманитарных наук и, в частности, расцветом Digital Humanities, так и стремлением к объективности. Поле исследования, ограниченное одним тематическим узлом, а именно урбанонимами Парижа, позволяет продемонстрировать графические результаты благодаря задействованным электронным ресурсам в виде Google Maps. Различное представление Парижа в обработанных источниках приводит к необходимости более внимательного прочтения определений culture générale, социокультурных и поликультурных компетенций, предложенных трудом «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка». Автор приходит к выводу о различном наполнении компетенций в российской и европейской традициях и преломлении европейских стандартов в оптике российского высшего образования.

Ключевые слова: сосуществование, doxa, habitus, Digital Humanities, урбаноним, Париж, карта, culture générale, социокультурные знания, общекультурные компетенции

Настоящая работа родилась из необходимости осмыслить выбор рабочих инструментов преподавания иностранного (французского) языка в высшей школе, когда декларируемое de jure единство цели de facto не приводит к унификации и стандартизации используемых рабочих инструментов и порождает ситуацию практического сосуществования разнообразных как по времени создания, так и по концепции учебников и УМК. В рамках настоящей работы под рабочими инструментами мы

понимаем используемую учебную литературу, то есть УМК, учебники и методики иностранного (французского) языка уровня А2 как российских, так и европейских авторов. Приступая к работе, мы исходили из принципа нейтралитета: для сопоставления источников мы решили выполнить цифровую обработку текстов с последующим статистическим анализом. Обработанные нами источники для удобства терминологии мы в дальнейшем будем обозначать как корпус. С кратким представлением проекта

можно ознакомиться на сайте <http://ii.mgimo.ru/node/37>. Полученные результаты, через попытку осмысления различного взгляда на городское пространство и, в более общем плане, на выбор страноведческой информации, привели нас к предположению о несовпадении наполнения таких понятий, как *culture générale* (знания о мире) в европейском и общекультурные компетенции в российском прочтениях.

В качестве описываемых корпусов мы взяли наиболее репрезентативные для интересующего нас уровня А2 учебники и УМК французского языка отечественных авторов, а именно: удостоенный в 2010 году премии правительства Российской Федерации в области образования УМК *Le français.ru. A2* [1] (обозначаемый далее как Корпус 1) и известный не одному поколению «Французский язык» И.Н. Поповой и Ж.А. Казаковой [11] (обозначаемый далее как Корпус 2). Для большей репрезентативности поля отечественных УМК мы добавили к ним современный «Французский язык. Часть I» Л.О. Мошенской и А.П. Дитерлен [7] (в дальнейшем – Корпус 3).

Вместе с тем, поскольку речь идёт о преподавании иностранного (французского) языка, мы сочли целесообразным включить в выборку и наиболее репрезентативные и также выборочно задействованные в высшей школе европейские методики, а именно: составленный в 50-х годах прошлого века и отмеченный Французской академией Курс французского языка Г. Може [20] (Корпус 4), современную классическую методику А. Берте *Alter Ego* уровня А2 [14] (Корпус 6) и методику *Latitudes* аналогичного уровня [21] (Корпус 5).

Результаты в полном объёме опубликованы на сайте <http://ii.mgimo.ru/node/37>. В настоящей работе мы выборочно приводим таблицы и диаграммы частоты вхождений и графическую визуализацию данных, полученную с использованием приложения Карты Google или Google Maps.

Таким образом, перед настоящим исследованием стоит несколько задач. С одной стороны, мы предпримем попытку осмысления сосуществования учебников так называемого третьего поколения с учебниками поколения предыдущего, зачастую востребованных одновременно

в рамках одного учебного заведения. С другой, исходя из необходимости теоретически обосновать используемый нами подход, мы, в самых общих чертах, наметим такую современную тенденцию развития гуманитарных наук, как Digital Humanities (далее – ДН) или цифровых гуманитарных наук. Основная часть статьи построена вокруг практического представления тематического узла¹ в обработанных нами корпусах, которое мы по возможности дополняем комментарием. Заключительная часть статьи, подводя промежуточный итог, поднимает более общий вопрос корреляции «Общеввропейских компетенций владения иностранным языком» и российского прочтения компетентностного подхода.

Исходя из специфики тематического поля, мы хотели бы напомнить как европейскую трактовку общих компетенций, так и видение общекультурных компетенций по ФГОС. Общие компетенции, включающие, помимо прочего, декларативные знания (*savoir*), в частности, знания о мире (*culture générale*), в основополагающем труде «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком» определяются следующим образом: знания о мире, полученные благодаря своему жизненному опыту, образованию или из других источников, в частности включают:

- знания населённых пунктов, общественных институтов и организаций, персоналий, предметов, событий и т. п. Особое значение имеют страноведческие знания стран изучаемого языка [15, с.82].

Тогда как образовательный стандарт высшего образования трактует готовность уважительно и бережно относиться к *историческому наследию* (курсив мой. – И.П.) и культурным традициям, толерантно воспринимать социальные и культурные различия как одну из общекультурных компетенций (ОК-4) [9].

Таким образом, нам представляется, что выбор в качестве тематического узла урбанонимов Парижа² не вступает в противоречие с требованиями компетентностного подхода, в частности, с развитием *culture générale* и общекультурных компетенций³. Более того, выбранный нами те-

¹ Представляется, что стадийный и оценочный подход не отрицает принципа выделения проблемных узлов или «топиков», которые разрабатываются, в частности, и европейскими авторами [19].

² Под урбанонимом мы предлагаем понимать собственное имя любого внутригородского географического объекта, в том числе агроним, годоним, эрготопоним, внутригородское урочище [12, с.176].

³ Мы считаем, что трактовать *culture générale* как общекультурную компетенцию было бы не совсем верно. Ниже, анализируя практическую часть нашей работы, мы ещё вернемся к сложности точного определения такого понятия, как культура и культурная компетенция в российском и европейском прочтении.

матический узел позволяет не только сопоставить его российское и европейское прочтение, но и подойти, как мы говорили выше, к интересному моменту практического наполнения соответствующей компетенции в современных европейской и российской парадигмах образования.

В соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) третьего поколения учреждениям высшего образования рекомендовано перейти к реализации компетентностного подхода, что подразумевает создание учебников по иностранному (французскому) языку, формирующих общекультурные и профессиональные компетенции. Таким образом, учебник иностранного (французского) языка должен проектироваться и создаваться в категориях компетентностного подхода с учётом определённых принципов [2, 4, 6]. Однако институциональные трансформации зачастую встречают сопротивление и не гарантируют соответствия выбора УМК декларируемым методическим принципам. На подобное явление указывает и Т.Ю. Загряжская [5], вводя, вслед за П. Бурдые [13], понятия «доксы» (doxa) и «габитуса» (habitus), где докса описывает абстрактный установочный дискурс, тогда как габитус отражается в практике и формирует традиционалистские предпочтения, основанные на опыте прошлого. Габитус допускает отторжение инноваций, сложившихся в поле доксы, он может свести на нет академические распоряжения или по крайней мере адаптировать их, приспособив к тому, что считается ценным [5, с. 28].⁴ Анкетирование преподавателей показало, что популярность Корпуса 2 объясняется его традиционностью и стабильностью [5, с. 30].

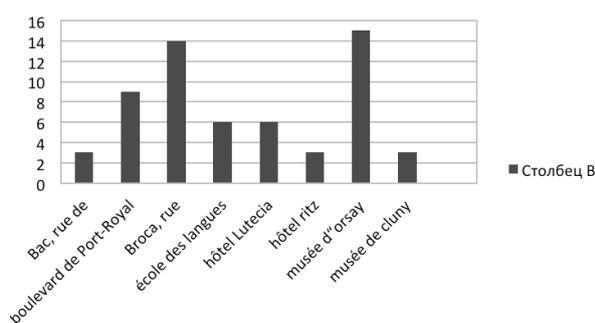
Между тем, приоритеты не только официальной лингводидактики, но гуманитарных наук в целом претерпели заметную эволюцию. Как мы говорили выше, официальная лингводидактика рекомендует работать в соответствии с требованиями компетентностного подхода с использованием учебной литературы третьего поколения, одной из немаловажных характеристик которой является интеграция возможностей бумажного и электронного вариантов, что позволяет сделать процесс обучения более эффективным [6, с. 63]. Это замечание приобретает дополнительное измерение с учётом вектора развития гумани-

тарных наук и становления такой области, как Digital Humanities (далее – ДН) или цифровых гуманитарных наук. Многие сегодняшние исследования основаны на оцифровке документов и объектов историко-культурного наследия [8, 16, 17, 18, 22]. Нам представляется необходимым сразу же внести ясность в определение: для настоящей работы под ДН мы предлагаем понимать проектный подход к решению научных проблем, предлагающий в качестве итога исследовательского труда конкретный информационный цифровой продукт, например, электронный онлайн-ресурс [3; 10].

В ситуации сосуществования различных поколений учебной литературы мы, желая сохранить нейтралитет и не выдавать желаемое за действительное, выделили проблемный узел, а именно урбанонимы Парижа, создали базу данных с последующей элементарной квантитативной обработкой полученной информации и попытались прокомментировать полученные результаты.

Самая детальная проработка карты Парижа выполнена авторами Корпуса 1: в общей сложности, Le Français.ru A2 приводит 117 объектов, 69 из которых уникальные⁵ (см. Таблица 1). Мы решили ввести порог частоты вхождений $3 \leq$ и получили следующую диаграмму:

Диаграмма 1. Уникальные урбанонимы Корпуса 1 с частотой вхождений $3 \leq$.

Сразу отметим, что наибольшую частоту вхождений продемонстрировал музей Орсе (musée d'Orsay), то есть объект культурно-исторического наследия; ещё один подобный объект – Государственный музей Средневековья или музей Клюни (musée de Cluny) преодолел заданный порог частоты вхождений $3 \leq$, тогда как Национальный институт восточных языков

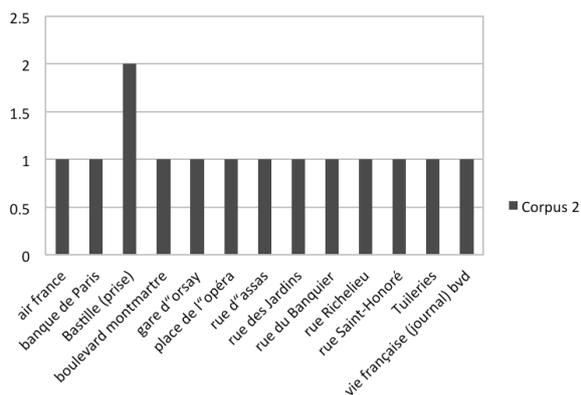
⁴ Так, по неофициальной информации издательства «Нестор Академик», соотношение продаж Le Français.ru A2 и учебника французского языка И.Н.Поповой составляет 1:2.

⁵ т. е. встречаются только в данном корпусе.

и цивилизаций (*école des langues orientales*) упоминается в Корпусе 6 раз.

Корпус 2 даёт 36 объектов, 13 из них уникальные. Порог частоты $3 \leq$ не преодолевает ни один уникальный урбаноним, $2 \leq$ Бастилия (*la Bastille*), которой как исторического объекта давно нет.

Диаграмма 2. Уникальные урбанонимы корпуса 2.

В диаграмме 2 наше внимание привлекло следующее: в корпусе присутствует вокзал д'Орсэ (*gare d'Orsay*), но отсутствует как имплицитная, так и эксплицитная отсылка к одноимённому музею, который, на наш взгляд, является одной из визитных карточек Парижа. Но это обстоятельство может показаться странным только на первый взгляд: в 50-е годы прошлого века, когда создавался Корпус 2, музея ещё не было (открыт в 1986 году). Обращает на себя внимание другое: 21-е исправленное переиздание, увидевшее свет в 2007 году, не даёт по этому поводу никаких комментариев. Тогда как для авторов Корпуса 1, если судить по частоте вхождений {9}, этот действительно вдохновляющий музей является одним из любимых объектов. Время, как мы видим, ощутимо меняет облик городов.

Небезынтересно и упоминание в корпусе 2 Парижского банка (*banque de Paris*), созданного в 1869 году и ставшего в 1872 году Парижско-нидерландским банком (*Banque de Paris et des Pays-Bas*) после слияния с кредитным и депозитным банком Нидерландов. После 2-й мировой войны банк участвовал в кредитовании французского экспорта, в том числе в СССР и другие социалистические страны, что, возможно, и объясняет его появление в корпусе, хотя и под не очень точной вывеской.

Перестало существовать и периодическое издание *La Vie française* (с 1990 годов – *La Vie*

financière), с которым сотрудничал Жорж Дюруа и редакция которого находилась на бульвар Пуассоньер (*boulevard Poissonnière*).

Помимо статистической (и статичной) информации, небезынтересно посмотреть на город глазами передвигающихся по нему корпусных персонажей. Вместе с корпусом 2 мы вернулись в 50-е годы прошлого века и ориентировочно представили в оптике Google Maps маршрут приехавшего из Марселя в Париж в гости к другу некоего Леона Дюбуа:

Маршрут А. Марсово поле (Champs-de-Mars) – Большие бульвары (les Grands Boulevards) – площадь Опера (place de l'Opéra).

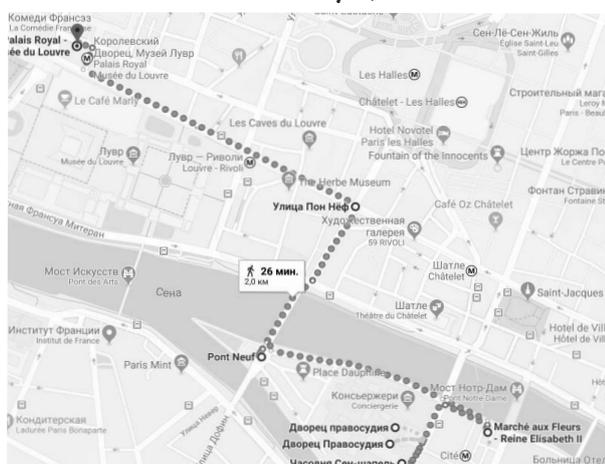

Гастон и Леон находились в двух шагах от смотровой площадки Трокадеро (*Trocadéro*), откуда открывается один из лучших видов на Эйфелеву башню. Оттуда, по Йенскому мосту (*le pont d'Iéna*), можно пройти к башне. Оставлен без внимания мост Александра III (*le pont Alexandre III*), символизирующий франко-русскую дружбу, который лежал на пути друзей к Большим Бульварам (*les Grands Boulevards*), цели их прогулки. Сейчас бульвары вышли из моды, и репутация их, особенно в восточной части, по-прежнему далеко не однозначна, но в 50-х годах прошлого века они действительно пользовались большой популярностью; не исключено, что их славе в народе способствовали бульварные пьесы из репертуара театров на бульварах. Гипотеза о преходящей моде на городские пространства подтверждается упоминанием в учебнике Може (Корпус 4), европейском «ровеснике» Корпуса 2, театров бульваров (*théâtres des boulevards*) {2}.

Для корпуса 3 отношение общего числа урбанонимов к уникальным составляет 70:39 (см. Таблица 3). Порог частотности ≤ 2 . Лаконично, но обращает на себя внимание высокий уровень стандартов при выборе объектов культурного наследия и хорошая репутация округов.

Маршруты корпуса 3 пролегают через Люксембургский сад (le Jardin du Luxembourg), куда успешная женщина-адвокат, устав от работы, приходит восстановить силы, или концентрируются непосредственно в историческом сердце города, как, например, маршрут все той же героини, неожиданно выкроившей из своего плотного делового графика полчаса свободного времени:

Маршрут В. Дворец Правосудия (Palais de justice) – Сент-Шапель (Sainte-Chapelle) – Цветочный рынок (Marché aux fleurs) – Пон-Неф (Pont Neuf) – улица Пон-Неф (Rue du Pont Neuf) – площадь Пале-Рояль (Place du Palais Royal).

Тогда как для первого знакомства с Парижем корпус 3 предлагает следующую часовую прогулку:

Маршрут С. Сен-Мишель-Нотр-Дам (Saint-Michel Notre-Dame) – Пон-Неф (Pont Neuf) – Лувр (musée du Louvre) – Площадь Согласия (Place de la Concorde) – Елисейские поля (Champs-Élysées) – Триумфальная арка (arc de Triomphe de l'Étoile).

Любопытно, что в корпусе 2 траектория идёт с юго-запада на северо-восток, в корпусе 3 – с юго-востока на северо-запад, ровно крест на крест. Сложно давать какие-либо оценки в таком вопросе, как восприятие городского пространства, но нам кажется, что пространственные векторы корпуса 3 могут дать более полное представление об историческом центре французской столицы.

Что касается корпуса 1, то, несмотря на самую обширную базу городских объектов, как таковых маршрутов для прогулок или передвижений по городу в корпусе нет, хотя, если судить по частоте вхождений, авторы явно неравнодушны к паркам и «зелёным» зонам (см. Таблицу 1). Динамическое исключение составляет текст П. Гамарра, повествующий о поездке провинциальных школьников в Париж. Траектория их движения могла бы выглядеть следующим образом:

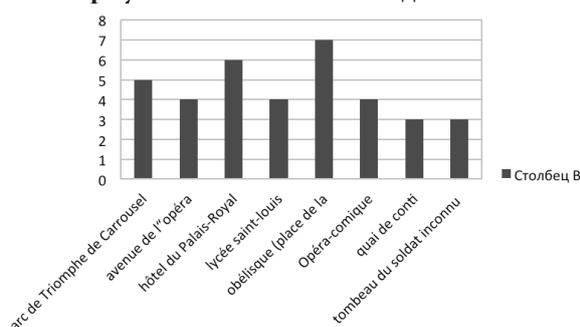
Маршрут D. Аустерлицкий вокзал (Gare d'Austerlitz) – остров Сен-Луи (île Saint-Louis) – остров Сите (île de la Cité) – Нотр-дам (Notre-Dame) – Дворец Правосудия (Palais de justice) – Эйфелева башня (la tour Eiffel).

Как и в корпусе 3, герои текста передвигаются с юго-востока на северо-запад и могут увидеть базовый набор достопримечательностей. Можно говорить о своеобразной избыточной статичности корпуса 1, который предлагает большое количество информационных текстов об объектах культурно-исторического наследия (музей Орсе, музей Жакмар-Андре, Дом инвалидов, Латинский квартал, Монмартр), равно как и поэтических произведений французских авторов, воспевающих Париж и его достопримечательности. К числу бесспорных заслуг этого корпуса относится и иллюстративный материал (аутентичные проспекты, фотографии, фрагменты карт), полностью отвечающий требованиям наглядности.

Статистические результаты, полученные в результате обработки методик европейских коллег выглядят следующим образом: титулованный Академией Корпус 4 включает 69 урбанонимов, уникальных – 28 (см. Таблица 4). Порог частотности $3 \leq$ преодолевают следующие урбанонимы:

Диаграмма 4. Уникальные урбанонимы Корпуса 4 с частотой вхождений $3 \leq$.

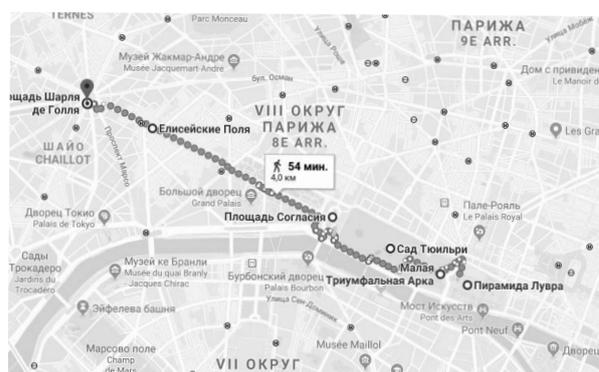
В 1951 году Бельгия, Западная Германия, Нидерланды, Люксембург, Франция и Италия подписали договор об учреждении Европейского объединения угля и стали, заложив краеугольный камень в фундамент будущего Евросоюза. Но в те годы, конечно, вопрос о приоритете мультикультурализма ещё не ставился, что, скорее всего, и привело к неожиданному появлению в диаграмме Могилы неизвестного солдата (tombeau du soldat inconnu), отдавшего жизнь за Родину (mort pour la Patrie) в годы первой мировой войны. В гостинице Пале-Руаль (hôtel du Palais-Royal) на первых порах после приезда в Париж жила корпусная семья Венсан (Vincent), тогда как набережная Конти (quai de Conti) вовсе не метонимическое обозначение Института Франции (Institut de France) и Французской академии (Académie française) (которую Корпус 4 разделит с Корпусом 1), но адрес съёмной квартиры всё тех же Венсанов. Площадь Согласия, которая встречается в этом Корпусе 10 раз, не относится к уникальным урбанонимам, уникально её метонимическое обозначение через обелиск {7}. Вообще, площадь Согласия, свидетель переломных моментов истории Франции, объединяет все шесть корпусов:

Таблица 5. Пересечение всех корпусов.

У Корпуса 4 достаточно пересечений с российскими авторами. Так, для Корпуса 4 и Корпуса 1 к ним относятся высокочастотные для отече-

ственного УМК «зелёные» зоны Парижа: Булонский (bois de Boulogne) и Венсенский лес (bois de Vincennes), старинный парк аттракционов jardin d'Acclimatation, ботанический сад Jardin des plantes и, как уже говорилось выше, Французская академия (Académie française). В саду Тюильри (jardin des Tuileries) и Латинском квартале (quartier Latin) пересекаются Корпус 4 и Корпус 2, а на самом старом цветочном рынке Парижа (marché aux fleurs) и площади Пале-Руаль (place du Palais-Royal) – Корпус 4 и Корпус 3. В целом, городское пространство Корпуса 4 также выстроено вокруг исторического центра Парижа, жить в котором могут позволить себе люди профессионально состоявшиеся и материально обеспеченные, имеющие разнообразный интеллектуальный и культурный досуг. В Корпусе 4 часто ходят в театр: Парижская опера (Opéra {10}), Опера Комик (Opéra-Comique {4}) Комеди Франсез (Théâtre-Français {8}) Одеон (Odéon {1}), Шатле (Chatelet {1}) и даже, как мы видели выше, театры бульваров (théâtres des boulevards {2}). Перед тем, как перейти к прогулочным маршрутам корпуса, отметим также присутствие на диаграмме 3 Лицея Сент-Луи (lycée Saint-Louis) {4}, в котором будет учиться Пьер Венсан.

Маршрут E. Лувр (musée du Louvre) – арка на площади Каррузель (Arc de triomphe du Carrousel) – Тюильри (Jardin des Tuileries) – площадь Согласия (Place de la Concorde) – Елисейские поля (Champs-Élysées) – площадь Шарля де Голля (Звезды) (Place Charles-de-Gaulle – Place de l'Étoile).

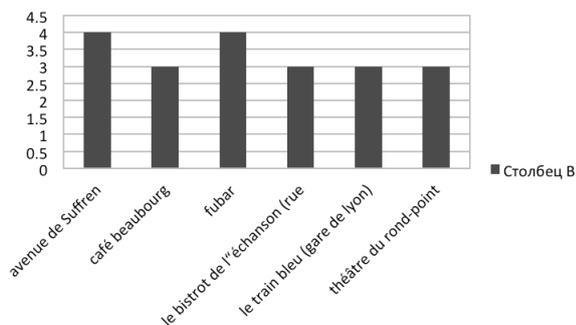

Парадный, торжественный, официальный Париж. Парижане в повседневной жизни будут, пожалуй, избегать этого маршрута, но корпусная семья Венсан приехала из Канады, и глава семьи считает необходимым показать детям церемониальное лицо города. Обращает на себя внимание, что в 2010 году, 60 лет спустя, марш-

рут Е повторяется практически без изменений в Корпусе 3 (маршрут С).

Созданный европейскими авторами Корпус 5 даёт 33 урбанонима, 23 из которых уникальные, частоту вхождений $3 \leq$ преодолевает 6:

Диаграмма 6. Уникальные урбанонимы Корпуса 5 с частотой вхождений $3 \leq$.

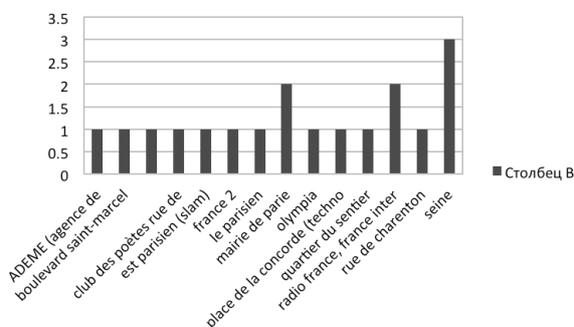

В этом корпусе также присутствует культурная жизнь: среди урбанонимов с относительно высокой частотой вхождений есть театр (théâtre du Rond-Point) {3}. Правда, он упоминается лишь как ориентир при поиске дороги в кафе. Справедливости ради надо отметить, что корпусные персонажи ходили на фотовыставку в центр Помпиду (Centre Pompidou) {2}, который в Корпусе обозначен метонимически через название выставки и место встречи в кафе Бобур (café Beaubourg). Присутствует в Корпусе и театр Одеон (théâtre de l'Europe {2}). На два театра – четыре кафе, но не в этом ли заключается специфика и очарование парижской жизни? По сравнению с предыдущими корпусами классический Париж в Корпусе 5 ощутимо редуцирован: мы отмечаем фоновое присутствие Лувра {2} и Эйфелевой башни {1}. При этом обращает на себя внимание упоминание музея примитивного искусства на набережной Бранли (musée du quai Branly) {1}, построенного по проекту Жана Нувеля и открытого в 2006 году. Облегчённое городское пространство Корпуса 5 прекрасно подходит для встреч и общения молодых представителей среднего класса без больших амбиций и выраженных профессиональных интересов. Не исключено, что именно в этом контексте мы можем трактовать и появление улицы Сюффрен (rue de Suffren) {4}, которую ищет приехавшая в Париж юная девушка.

Прочтение столицы как места интеллектуальной, социальной и культурной жизни предлагает и классическая европейская методика Alter Ego (Корпус 6). Надо сказать, что в этом

корпусе Париж представлен на удивление скудно: в нём всего 14 урбанонимов, однако, кроме Сены и упоминавшейся выше площади Согласия, все они уникальные:

Диаграмма 7. Урбанонимы Корпуса 6.

подавляющее большинство урбанонимов диаграммы несёт функциональную нагрузку: так, в концертном зале Олимпия (Olympia) слушают регги, в Городке науки и индустрии (Cité des sciences et de l'industrie) можно посетить книжный фестиваль, Клуб поэтов приглашает на мастер-класс креативного письма, тогда как с объединяющей всех площади Согласия (Place de la Concorde) стартует электронный Технопарад. По концепции авторов, Париж не ассоциируется ни с Лувром, ни с музеем Орсэ, ни с Нотр-Дам, ни даже с Эйфелевой башней – по крайней мере, в трактовке авторов данного корпуса. При этом обучающиеся узнают о французской (и европейской) традиции устраивать в конце мая праздник соседей (rue de Charenton), знакомятся с историей возникновения поэтического слэма в восточных районах столицы и отправляются в Мэрию (la Mairie de Paris), чтобы вступить в органы местного самоуправления (conseils de quartier (советы квартала)). Возможно, они также запомнят результаты опросов, которые позиционируют Париж как город с самым высоким уровнем жизни и как лидера по числу кинотеатров.

За возможным комментарием мы снова обращаемся к европейскому определению общих компетенций, включающих социокультурные знания или знания социальных особенностей и культуры (курсив – мой. ИП.) определённого языкового сообщества. По мнению авторов, именно социокультурным знаниям применительно к стране изучаемого языка следует уделять особое внимание, поскольку такие знания зачастую являются для учащегося принципиально новыми, при этом попытки опереться на

уже имеющийся опыт и сложившиеся стереотипы могут привести к формированию у учащегося искажённых представлений об изучаемом языковом сообществе [15, с. 82]. На более конкретном уровне эти знания предполагают знакомство с ритуалами повседневной жизни, в том числе с таким аспектом, как досуг, с условиями и уровнем жизни, межличностными отношениями, включая понятия власти и солидарности, системой ценностей, традициями и социальными изменениями, и, наконец, искусством (изобразительное, музыка, литература, театр, поп-музыка) [15, с. 83]. Как нам кажется, составители Корпуса 6 максимально учли вышеперечисленные требования к формированию социокультурной компетенции.

Вместе с тем, в «Общеввропейских компетенциях» мы не встретили такого словосочетания, как *историческое наследие*. Возможно, именно отсутствие последнего и объясняет освобожденное от триумфальных арок, соборов и сокровищниц мирового искусства городское пространство Парижа, представленное Корпусами 5 и 6.

Вместе с тем, нам показалось небезынтесным проследить и возможную взаимосвязь образа города и пролегающих через него маршрутов корпусных персонажей с их социально-экономическим статусом, который во многом определяется уровнем образования.

Как видно из Таблицы 8, учебные заведения представлены в основном в Корпусах 1-4 включительно. Появление Военной школы (*école militaire*) в Корпусе 5 формально: школа выполняет функции ориентира при поиске нужного адреса. В этой связи уместно отметить, что в

Корпусах 5 и 6 не учатся, но ищут работу или проходят стажировки. В качестве одного из возможных объяснений мы выдвигаем следующую гипотезу: Корпуса 1-3 изначально создавались для высшей школы, что по умолчанию помещало образование в поле значимых ценностей. Тогда как все европейские (французские) корпуса предназначаются для преподавания французского как иностранного (FLE), второго неродного языка (FLS) или французского для получения гражданства (FLI). Исключение составляет Корпус 4, что во многом может объясняться хронологией: этот Корпус также создавался в рамках проекта по распространению французского языка в мире, но в 50-е годы прошлого века. За прошедшие 60-70 лет сильно изменилось не только городское пространство, но и мир в целом, в который это пространство вписано. Похоже, аудитория, изучающая французский в формате FLE, FLS или FLI претерпела ощутимые как количественные, так и качественные изменения⁶. Спокойный и классический мир Парижа Корпуса 4 был ощутимо редуцирован. Стиль жизни молодого человека с удостоверением аниматора BAFA (Корпус 6) разительно отличается от стилей жизни канадского корреспондента в Париже (Корпус 4), состоявшейся женщины-адвоката (Корпус 3) или преподавателя Национального института восточных языков и цивилизаций (Корпус 1). Российские учебники и УМК предназначены для иной аудитории и перед ними стоит задача формирования иных общепрофессиональных, профессиональных и общекультурных компетенций.

Задача освещения такой сложной и многоплановой темы, как культура, выходит далеко за

Таблица 8. Частота вхождений названий учебных заведений по корпусам.

	Corpus 1	Corpus 2	Corpus 3	Corpus 4	Corpus 5	Corpus 6
académie française		3			1	
BAFA						1
bibliothèque du centre pompidou	1					
bibliothèque nationale	3	3				
bibliothèque sainte-geneviève	2					
collège de france	1					
cours Pasteur				2		
école d'architecture	1					
école de mode						1
école des beaux arts	1					
école des langues orientales	6					
école militaire					1	
école normale	2		2			
école polytechnique	3		1			
grandes écoles	1					
lycée saint-louis				4		
sorbonne	14	1	1	2		

⁶ см., например <https://www.fle.fr/enseignant-de-FLS-en-UPE2A-Unite-Pedagogique-pour-Eleves-Allophones-Arrivants>

пределы настоящей публикации. В определении *culture générale* мы изначально отталкивались от «Общеввропейских компетенций», в которых это понятие приравнивается к знаниям о мире (*culture générale=connaissance du monde*). Как мы видели выше, в этом труде освещается также практическое наполнение социокультурной компетенции, отдельная глава посвящена многоязычной и поликультурной компетенции, необходимой для межкультурной коммуникации. Мы не можем исключать, что в рамках деятельностного подхода при изучении иностранных языков все компетенции, в том числе так или иначе связанные с культурой (*culture*), функциональны и имеют сугубо прагматическое значение, которое заключается в том, чтобы облегчить взаимодействие и межкультурную коммуникацию в едином европейском пространстве. Тогда как образ Парижа в трактовке отечественных авторов, с нашей точки зрения, скорее сопоставим с его прочтением как части мировой культуры, синтеза лучших достижений культуры французской, которая определяется системой общечеловеческих ценностей. Не исключено, что именно такое устоявшееся в русской традиции восприятие Парижа подсознательно определило и выбор темы нашего исследования. Безусловно, содержание общекультурных компетенций российского образовательного стандарта гораздо шире и включает самые разные аспекты формирования личности специалиста [10]. Вместе с тем, на уровне изучения иностранного (французского) языка ориентация на компетентностный подход не предполагает отказа от традиций подхода

классического, подразумевающего знакомство с ценностями мировой культуры.

Второй неожиданный для нас вывод заключается в следующем: вне зависимости от времени создания, трактовка отечественными авторами Парижа как части мировой и национальной культуры не претерпела существенных изменений, несмотря на то, что фактическая информация Корпуса 3 очевидно нуждается в актуализации. В рамках предмета нашего исследования водораздел проходит не внутри отечественных корпусов, но на уровне переосмысления и адаптации европейской трактовки компетенций к особенностям российского высшего образования.

Мы прекрасно осознаём, что на настоящий момент не имеем возможности оперировать большими объёмами данных, *big data*, такими, как Frantext или НКРЯ. В этой связи мы надеемся, что начатое нами исследование будет продолжено, расширено и дополнено. Нам также не хотелось бы забывать о практической направленности нашей деятельности, поэтому мы считаем важным добавить в нашу работу и чисто педагогическое измерение: поскольку и образовательные программы ДН, и разнообразные приложения типа Google maps весьма популярны⁷, составление карт с последующим представлением нанесённых на карту городских объектов, в том числе и объектов культурно-исторического наследия, могло бы стать одним из вариантов проектной работы обучающихся, способствующей приобретению и развитию самой широкой гаммы компетенций.

Список литературы

1. Александровская Е.Б. *Le français.ru A2*. Учебник французского языка / Е.Б. Александровская, Н.В. Лосева, Л.Л. Читахова. М.: Издательство Нестор Академик, 2010. 415 с.
2. Алексеева Е.А., Гиляровская Т.В. Учебник нового поколения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015, № 3. С. 148 – 150.
3. Володин А.Ю. Digital humanities (цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2014, № 3 (26). С.5-12.
4. Жукова Н.В. Дидактические принципы современного учебника «Французский язык для юристов» // Иностранные языки в школе. 2017, № 7. С. 53-60.
5. Загряжская Т.Ю. Лингвистическая идеология и ценности общества в контексте обучения французскому языку и культуре Франции // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017, № 2. С. 27-41. С. 13 — 29.
6. Кравцова О.А. Современный учебник иностранного языка : от бумажного к электронному / О.А. Кравцова, Д.Н. Новиков // Вестник МГИМО-Университета. 2013, № 6 (33). С. 62–66.
7. Мошенская Л.О. Французский язык. Часть I. / Л.О. Мошенская, А.П. Дитерлен. М.: Издательство «Нестор Академик», 2011. 376 с.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> – Заглавие с экрана. – (Дата обращения: 19.07.2018 г.)

7 см., например, программы школы лингвистики ВШЭ: https://ling.hse.ru/Projects_DigHum

9. Образовательный стандарт высшего образования МГИМО МИД РОССИИ Направление подготовки 41.03.04 ПОЛИТОЛОГИЯ [Электронный ресурс]. - Режим доступа: odin.mgimo.ru/images/files/2017/bak/41.03.04%20Политология.pdf — заглавие с экрана. - (Дата обращения: 14.08.2018 г.)
10. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008, № 2. С. 7-20.
11. Попова И.Н. Французский язык. Учебник для 1 курса ВУЗов и факультетов иностранных языков / И.Н. Попова, Ж.А. Казакова, Г.М. Ковальчук. М. : Нестор Академик Паблицерз, 2010. 576 с.
12. Суперанская А.В. Что такое топонимика? Из истории географических названий / А.В. Суперанская. М. : Книжный дом «Либроком», 2014. - 178 с.
13. Bourdieu P. Le sens pratique. Les Editions du Minuit, 1980. 480 p.
14. Berthet A. Alter Ego A2. Méthode de français. Hachette, 2006. 192 p.
15. Cadre européen commun de référence pour les langues. Les Editions Didier, 2000. 153 p.
16. Choppin A. La banque de données Emmanuelle [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.inrp.fr/emma/web/> - Заглавие с экрана. - (Дата обращения: 19.07.2018 г.)
17. Digital Humanities Quarterly [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.digitalhumanities.org/dhq/about/about.html> - Заглавие с экрана. - (Дата обращения: 19.07.2018 г.)
18. Frantext [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.frantext.fr/> - Заглавие с экрана. - (Дата обращения: 19.07.2018 г.)
19. Crépieux G. Vocabulaire essentiel du français A1-A2. Les Editions Didier, 2016. 252 p.
20. Mauger G. Cours de langue et de civilisation françaises. 1er et 2e degrés. Librairie Hachette, 1953. 241 p.
21. Mérieux R. Latitudes 1. A1/A2. Didier, 2008. 190 p.
22. Moretti F. Atlas of the European Novel 1800-1900. Verso, 1998. 206 p.

Сведения об авторе:

Полянская Ирина Эдуардовна – старший преподаватель кафедры французского языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера профессиональных интересов: методики преподавания иностранного (французского) языка, международные экзамены DELF-DALF, лингвокультурология, политический перевод, политический дискурс. E-mail: irena.polanskaya@gmail.com.

TOPONIMICS OF PARIS IN TERMS OF THE STATISTICAL STUDY OF THE RUSSIAN AND EUROPEAN FRENCH TEXTBOOKS A2 CONTENT

Irina E. Polianskaya

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The present work deals with the phenomenon when the Higher Schools Academic Programs tolerate the different generations of both domestic and European (French) authors textbooks coexistence. Appealing to the Federal Educational Standard and principles of competence approach, on the one hand, we are trying to theoretically justify this coexistence by using the notion of Doxa and Habitus. The article focuses on statistical comparative analysis and graphical representation, such as diagrams, maps, and tables. This method was dictated by the development of Humanities in general, and Digital Humanities in particular, as well as by aspiration to objectivity. The field of research, confined only to Paris urbanonyms, allows us to demonstrate the results in graphics due to the electronic resources, the use of Google Maps in particular. Different representation of Paris enables us to analyze the culture générale, sociocultural and poly-cultural competencies determined by Common European Framework of Reference. This analysis leads to the conclusion about different understanding of competence in the Russian and European traditions of French study.*

Key Words: *coexistence, doxa, habitus, Digital Humanities, urbanonym, Paris, map, culture générale, sociocultural competence, general cultural competencies*

References

1. Aleksandrovskaia E.B. Le français.ru A2. Uchebnik frantsuzskogo iazyka [Le français.ru A2. French textbook] / E.B. Aleksandrovskaia, N.V. Loseva, L.L. Chitakhova. M. : Izdatel'stvo Nestor Akademik, 2010. 415 s.
2. Alekseeva E.A., Giliarovskaya T.V. Uchebnik novogo pokoleniia [New generation textbook] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. 2015, № 3. S. 148 – 150.
3. Volodin A. Iy. Digital humanities (tsifrovye gumanitarnye nauki): v poiskakh samoopredeleniia [Digital humanities: in search of self-determination] // Vestnik Permskogo universiteta. Serii: Istoriia. 2014, № 3 (26). S.5-12.
4. Zhukova N.V. Didakticheskie printsipy sovremennogo uchebnika «Frantsuzskii iazyk dlia iuristov» [didactic principles of modern textbook "French for lawyers"] // Inostrannye iazyki v shkole. 2017, № 7. S. 53-60.
5. Zagriazkina T. Iy. Lingvisticheskaia ideologiya i tsennosti obshchestva v kontekste obucheniia frantsuzskomu iazyku i kul'ture Frantsii [Linguistic ideology and values of society in French language and culture training] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii: 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. 2017, № 2. S. 27-41. s. 13 — 29.
6. Kravtsova O.A. Sovremennyyi uchebnik inostrannogo iazyka : ot bumazhnogo k elektronnomu [Modern foreign language textbook : from paper to electronic] / O.A. Kravtsova, D.N. Novikov // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2013, № 6 (33). S. 62–66.
7. Moshenskaia L.O. Frantsuzskii iazyk. Chast' I. [French. Part I.] / L.O. Moshenskaia, A.P. Diterlen. M. : Izdatel'stvo «Nestor Akademik», 2011. 376 s.
8. Natsional'nyi korpus russkogo iazyka [Russian National Corpus] [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru> – Zaglavie s ekrana. – (Data obrashcheniya: 19.07.2018 g.)
9. Obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniia MGIMO MID ROSSII Napravlenie podgotovki 41.03.04 Politologiya [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: odin.mgimo.ru/images/files/2017/bak/41.03.04%20Politologiya.pdf – Zaglavie s ekrana. – (Data obrashcheniya: 14.08.2018 g.)
10. Plungian V.A. Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoi korpusnoi lingvistiki [Corpus as an as an instrument: about some outputs from modern corpus-based linguistics] // Russkij yazyk v nauchnom osveshhenii. 2008, № 2. S. 7-20.
11. Popova I.N. Frantsuzskii iazyk. Uchebnik dlia 1 kursa VUZov i fakul'tetov inostrannykh iazykov [French. The textbook for first degree courses and Departments of Foreign languages] / I.N. Popova, Zh.A. Kazakova, G.M. Koval'chuk. M. : Nestor Akademik Publishers, 2010. 576 s.
12. Superanskaya A.V. Chto takoe toponimika? Iz istorii geograficheskikh nazvanii [Toponymics : what does that mean? From geographic names the history] / A.V. Superanskaya. M. : Knizhnyi dom «Librokom», 2014. - 178 s.
13. Bourdieu P. Le sens pratique. Les Editions du Minuit, 1980. 480 p.
14. Berthet A. Alter Ego A2. Méthode de français. Hachette, 2006. 192 p.
15. Cadre europeen commun de reference pour les langues. Les Editions Didier, 2000. 153 p.
16. Choppin A. La banque de données Emmanuelle [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.inrp.fr/emma/web/> – Zaglavie s ekrana. – (Data obrashcheniya: 19.07.2018 g.)
17. Digital Humanities Quarterly [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.digitalhumanities.org/dhq/about/about.html> – Zaglavie s ekrana. – (Data obrashcheniya: 19.07.2018 g.)
18. Frantext [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.frantext.fr/> – Zaglavie s ekrana. – (Data obrashcheniya: 19.07.2018 g.)
19. Crépeux G. Vocabulaire essentiel du français A1-A2. Les Editions Didier, 2016. 252 p.
20. Mauger G. Cours de langue et de civilisation françaises. 1er et 2e degrés. Librairie Hachette, 1953. 241 p.
21. Mérieux R. Latitudes 1. A1/A2. Didier, 2008. 190 p.
22. Moretti F. Atlas of the European Novel 1800-1900. Verso, 1998. 206 p.

About the author:

Irina E.Polianskaya – French language Senior Teacher of Department of French Studies, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of professional interests: French teaching Methodology, DELF-DALF, cultural linguistics, political discourse. E-mail: irena.polanskaya@gmail.com.

* * *

ЖЕНЩИНА И ОБЩЕСТВО: ФЕМИНИСТСКИЕ ИДЕИ В РОМАНЕ МАДАМ ДЕ СТАЛЬ «ДЕЛЬФИНА»

С.А. Бакаева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В данной статье рассматривается преломление идей феминизма в нарративном аспекте романа «Дельфина» французской писательницы начала XIX века Жермены де Сталь. Саморефлексия женщины-автора отражена в характере главной героини, который художественно представлен в рамках особого гендерного дискурса, неразрывно связанного с историческим и социальным контекстом эпохи. В статье проанализирована репрезентация феминистской идеи в форме художественного текста, повлиявшая на дальнейшее развитие гендерной проблематики во французской литературе. Анализ производится на основе современных теорий гинокритики, в частности, «двойного голоса», которые позволяют интерпретировать текст избранного романа с точки зрения феминистских концептов. Выбрав формой повествования эпистолярный жанр, который предполагает присутствие «всеведущего читателя» (lecteur omniscient), избрав специальную тематику, а также озаглавив роман именем главной героини, де Сталь утвердила особую форму литературного воплощения гендерной темы, которую позже теоретики феминизма положат в основу концепции «женского письма».

Основной аспект анализа лежит в плоскости самоидентификации главной героини романа мадам де Сталь «Дельфина», чья романтическая исключительность обрисована писательницей через интеллектуальную и моральную независимость. Данный образ интересен тем, что предвещает феминистические настроения более позднего времени.

Ключевые слова: мадам де Сталь, французская литература, нарратив, феминизм, гендер, гинокритика, двухголосие, саморефлексия, всеведущий читатель

«Дельфина» (Delphine), малоизвестный среди современных читателей роман мадам де Сталь (Madame (Germaine) de Staël, 1766 – 1817), изданный в 1802 году, был двояко воспринят французской публикой, взбудораженной Революцией и переворотом 18-го брюмера. «Яростно прочитанный и обсуждаемый с неистовством» [18, с. 3], как охарактеризовала его исследовательница Клодин Эрман, роман вполне может называться

«феминистическим»¹, хотя следует отметить, что в начале XIX века такой тенденции ещё не существовало. Борьба за женскую эмансипацию оформится и станет последовательной лишь к середине столетия и, соответственно, новые гендерные координаты общества станут оказывать влияние на создание и интерпретацию литературных произведений. Пока же Франция переживала смутное время перемен, на фоне ко-

¹ Вопреки тому, что слова «феминистический» и «феминистский» уже считаются синонимами, в данной статье мы намеренно разграничиваем эти понятия для сохранения некоторой смысловой градации. Так, мы предлагаем трактовать прилагательное «феминистический» как «соответствующий идеям феминизма», например, «феминистический роман», который может быть написан кем угодно. А «феминистский» – как «соответствующий феминистическому мировоззрению» и созданный феминистками, например, «феминистское движение».

того романа Жермены де Сталь, касающийся социальных, политических, религиозных проблем, казался ещё более злободневным. Однако уже через год после его публикации одна из первых феминисток Флора Тристан – женщина удивительной судьбы, погибшая от рук собственного мужа, которого она посмела бросить, бабушка художника-постимпрессиониста Поля Гогена, писательница, заложившая основы современного феминизма, – издаёт труд «Эмансипация женщины, или Завет Парии» [11, с. 112]. Механизм гендерной саморефлексии писательниц был запущен.

Здесь стоит подчеркнуть, что, хотя мадам де Сталь и является автором двух значительных «женских романов» («Дельфина», «Коринна»), она не сотрудничала напрямую с активистками женского движения и не ассоциировала себя с ними. Но будучи одной из самых просвещённых женщин Европы, писательница не переставала быть на равных в серьёзных беседах с лучшими умами своего времени, а также громко отстаивала некоторые слишком «современные» идеи (свобода выбора женщины, развод), вследствие чего появилась на знаменитых «острых» карикатурах Оноре Домье из серии «Синий чулок», где были высмеяны в том числе и первые французские феминистки [9, с. 36]. На этих картинах женщины были представлены как непривлекательные существа, лишённые пола, почти безумные, охваченные творческим экстазом или погружённые в философские размышления. Вокруг них обычно изображался неустроенный быт, грязь и хаос, что иллюстрирует скорее отношение общества к первым идеям гендерного равенства.

Жермена де Сталь действительно утверждала в своих сочинениях и эссе идею свободы выбора, свободы чувств, провозглашала отказ от светских законов и предрассудков. Творчество мадам де Сталь, при всём многообразии его проблематики, затрагивает в большей степени социальные проблемы. По мнению некоторых критиков, в частности, Г. Рабиновича, моралист и мыслитель нередко берут в ней верх над художником, и она подчас предпочитает идеи в «чистом» виде идеям, воплощённым в образы [4, с. 20]. Это достаточно спорное утверждение, если учесть, что именно через многогранные образы главных героев – таких как Мелина, Коринна или Дельфина – писательница раскрывает интересующие её проблемы.

Истоки будущих позиций и мировоззрения Жермены де Сталь, по мнению таких биогра-

фов и критиков, как Симон Бале́йе и Беатрис Дидье [17, 10], стоит искать в атмосфере, царившей в её семье, где всегда интересовались политикой. Воспитанная в либеральных традициях, с раннего возраста вращающаяся в кругах прогрессивных интеллектуалов, политических деятелей и деятелей искусства, Жермена достаточно рано включается в беседы и споры с известными личностями, посещавшими салон её отца Жака Неккера, а также начинает размышлять о сочинениях философов XVIII века, пробует писать [6, с. 19]. В их доме бывали такие личности, как Д'Аламбер и Дидро, Бюффон и Мармонтель, Гримм и Гиббон. Юная девушка не боялась вступать с ними в споры, уже тогда проявляя независимость характера, настойчивость и незаурядный ум. Однако внутренняя свобода и предрасположенность к протесту не уберегают её от весьма выгодного брака с неприятным ей человеком вдвое старше неё. Через несколько лет она всё-таки добивается негласного развода, ставя под вопрос свою репутацию. С. Бале́йе отмечает: «Добившись развода с мужем, но продолжая жить с ним в одном доме, де Сталь очутилась в двойственном положении, которым не замедлили воспользоваться её светские и политические противники, сделав её мишенью оскорбительных пересудов» [7, с. 84]. Исход волновавшим её в то время чувствам она даёт в романе «Дельфина».

Стоит заметить, что одновременно с этими событиями писательница работает над объёмным сочинением «О литературе, рассматриваемой в связи с общественными установлениями» (*De la littérature considérée dans ses rapports avec les institutions sociales, 1796-1799*) [16]. «Общественные установления» во взаимовлиянии с литературой – это, прежде всего, религия, законодательство, а также психологические аспекты социального конструкта: высшее общество и его нравы. Рассматривая взаимодействие литературы и социума, повлёкшее за собой некоторые изменения в бытовой, профессиональной, даже моральной сферах жизни, де Сталь усматривает медленное и непрерывное совершенствование в рамках исторического процесса. Социальная среда для писательницы неотделима от развития литературы, между ними она констатирует тонкую, но неоспоримую связь, предвещая этим развитие такой дисциплины, как «социология литературы». Критическая рефлексия де Сталь по поводу роли литературы в современном республиканском обществе выражена в императи-

ве: литература должна выражать новые идеалы и защищать нравственные и политические свободы. Соответственно, литература должна быть мощным орудием в руках поборника справедливости. Эта деталь помогает чётче представить себе сферу интересов Жермены де Сталь как писательницы и социального деятеля и представить себе настроения, с которыми она приступала к написанию «Дельфины».

Так, на закате XVIII века писательница, романы которой станут настольными книгами для будущих адептов феминистского движения, вступила в открытый конфликт с Наполеоном, высказавшись в одном из выступлений против принципа нерасторжимости брака. Наполеон счёл высказывания писательницы за права женщин антиправительственными, а роман мадам де Сталь «Дельфина» назвал «безнравственным» [12, с. 116]. Причина столь нелестного высказывания о романе понятна – в нём французская писательница затрагивает весь спектр нежелательных для обсуждения тем: в «Дельфине» отражаются политические и социальные вопросы, зародившиеся в период Революции. Здесь и эмиграция, и политический либерализм, так называемая «англомания», противоборство протестантизма и католицизма, вопросы религии, прав женщин, и, конечно, проблема разводов [7, с. 102]. Между тем, произведение, исходя из моралистических принципов Старого режима достойное негодования, имеет успех у читателей.

Роман «Дельфина» посвящён «молчаливой и просвещённой Франции» [18, с. 80] – то есть французским женщинам, которые, будучи достаточно образованными, чтобы понять всю плачевность своего положения, вынуждены молчать и мириться. Жермена де Сталь представляет читателю общество, в котором она жила в момент написания своего сочинения, и доказывает на судьбе главной героини Дельфины то, что знает изнутри, то, с какой суровостью относится общество к женщине.

Рассматриваемое произведение принадлежит к жанру эпистолярного романа, который два века назад был достаточно новой формой повествования. Хронологическая композиция, выстроенная с помощью авторских писем, позволяла с большей приватностью следить за сюжетом, а также мыслями и чувствами геро-

ини, так как читатель становился всезнающим «lecteur omniscient»², невольно посвящённым во все детали. Этот приём способствовал более эмоциональному восприятию авторской позиции в романе, который вызвал скандал и в одночасье сделал Жермену де Сталь знаменитой.

В сочинении содержалась столь нетривиальная мысль, что не познакомиться с новым произведением считалось неприличным, несмотря на то, что «Дельфина» – достаточно объёмное произведение, состоящее из семи частей, из которых пять первых включают в себя около 40 писем каждая.

Роман начинается эпитафией, который адресован мадам Неккер, матери Жермены де Сталь: «Мужчина должен пренебрегать общественным мнением, женщина – подчиняться ему»³. Смысл фразы неоднозначен, особенно в контексте сюжета «Дельфины», где главная героиня (Дельфина) не примет никакого подчинения, а главный мужской персонаж (Леонс) не может игнорировать мнение социума. В эссе «Несколько размышлений о нравственной цели “Дельфины”» де Сталь объясняет, что она вовсе не желала выдавать Дельфину за образец для подражания и что эпитафия к роману доказывает это: «...Ради пользы человечества и торжества строгой морали следовало показать, как существа, наделённые высшими способностями, делают в жизни своей больше ошибок, чем любая посредственность, если не подчиняют свои способности разуму...» [5, с. 371]. Однако, не оправдывая Дельфину и даже осуждая её за любовь (хотя и платоническую) к женатому мужчине, де Сталь бóльшую вину возлагает на общество, которое не старается понять и посочувствовать, но способно лишь на обвинение, агрессию и отторжение. Писательница признаётся: «Я хотела показать, что суровость, с которой общество ополчается на мою героиню, также заслуживает порицания. ... Я надеюсь, что на каждой странице «Дельфины» воздаю должное милосердию и тем приношу людям пользу: ведь, пока длилась революция, сердца поразительно очерствели» [5, с. 372]. Оставаясь в рамках морально-эстетического просвещения, Жермена де Сталь не смягчает участь своей главной героини, максимально объективно и непредвзято показывая изнанку той ситуации, в которой она оказалась,

² Термин «lecteur omniscient» (всеведущий читатель) приводится здесь автором статьи по аналогии с термином «auteur omniscient» (всеведущий автор) применимо к эпистолярному жанру, когда читатель в полной мере обладает информацией, которую транслирует напрямую главный персонаж, а не автор текста (в т.ч. отсутствуют ремарки, пояснения, лирические отступления).

³ Ориг. цит.: «Un homme doit savoir braver l'opinion, une femme s'y soumettre». Здесь и далее перевод с французского Бакаевой С.А.

однако слова писательницы о том, что главная добродетель – это добро, позволяет читателю понять, кому все-таки сочувствует автор.

Первое письмо романа предваряют «Уведомление автора к новому изданию» и «Предисловие к первому изданию» [18]. В предисловии мадам де Сталь обвиняет героев традиционного эпистолярного романа в «чрезмерной чувствительности, неуместной гордости, напыщенной добродетели» [18, с.101]. Она настаивает на сохранении в романе естественности и натуральности, «без которой нет ничего великого». Для неё важны эмоции главных героев и, что самое важное, честность автора. Жермена де Сталь пишет, что, создавая своих героев экзальтированно восприимчивыми и чувствительными, писатель зачастую упускает из виду признаки «настоящей чувственности». Критикуя таким образом авторов эпистолярного жанра и их героев, де Сталь старается не повторить их ошибок в своём романе, невольно внедряя в нарратив тот гендерный аспект, который в XX веке даст основание таким критикам, как Р. Брайдотти [8], Э. Шоултер [20], О. В. Гаврилина [2] и многим другим, анализировать явление «женского письма» и женской литературы. Возможно, именно поэтому образ Дельфины воспринимается современными читателями как откровение. Письма являются здесь не просто обязательным жанровым условием, они исполняют функцию «окна», через которое мы видим неподдельные, интимные эмоции главной героини. Сама мадам де Сталь характеризует Дельфину как существо чувствительное, неосторожное, порывистое, но бесконечно честное и искреннее. Её чувства не утрированы, но настоящие ровно настолько, чтобы оставаться понятными читательнице XXI века.

Имя главной героини вынесено в заглавие, и это указывает не только на то, что роман будет целиком и полностью сосредоточен на жизни Дельфины – внешней и внутренней, но и на то, что именно женщина станет медиатором событий, как частных, так и социально значимых, фигурирующих в произведении. На первый план в романе вынесена семейная проблема Дельфины Д'Альбемар, благородной, талантливой, внутренне независимой и страстной женщины, не желающей подавлять свои чувства ради общественного мнения. Однако отношения в семье не становятся центральной темой – внутренняя проблематика романа гораздо шире: за перипетиями семейных отношений читатель видит острые общественные проблемы.

Дельфина Д'Альбемар, оставшаяся вдовой в двадцать один год, поглощена своей любовной историей, которая развивается в период с 1790 по 1792 годы. Предмет её обожания — Леонс Мондевил, женатый человек. Роман изобилует эмоциональными пассажами, доказывающими необычайно сильную духовную связь персонажей. Но платонические отношения героев приводят к краху обоих, несмотря на то, что их духовная жизнь высока, а любовь как будто достаточно сильна, чтобы устранить преграды, воздвигнутые законами светского общества. Жермена де Сталь вкладывает в уста героини первые идеи феминизма – Дельфина не хочет считаться с общественным мнением, когда речь заходит о её собственных чувствах, и общество мстит ей за это.

Главная черта характера Дельфины, которая является движущим механизмом романа, – это врождённая независимость, нежелание прогибаться под лицемерную и искусственную мораль светского общества, предавать свои чувства и отказываться от убеждений. Таким образом, по задумке автора, Дельфина – больше, чем просто человек, возвышающийся над пошлостью. Дельфина – это живой ум и отважная душа, стремящаяся к свободе. Кроме того, она – республиканка, восторженная поклонница революции. Роман во многом построен на противоречии настроений главной героини и её возлюбленного Леонса Мондевила, роялиста, которого расстреливают якобинцы по обвинению в сотрудничестве с вражеской армией. Это противопоставление также не позволяет двум героям найти гармонию в отношениях и правильно расставить приоритеты.

Но необходимо отметить, что вышеперечисленные качества личности, а также последствия, которые они за собой влекут, не воспринимаются как частная проблема отдельно взятой героини. Свобода чувств, которую требует Дельфина, осуждение и клевета, с которыми ей приходится сталкиваться, были знакомы многим женщинам в восемнадцатом веке, когда они только начали ощущать возможность получения равных прав. Таким образом, мадам де Сталь анализирует главную проблему своего романа в двух ракурсах – эмоционально-психологическом и этико-гражданском, правовом. Эмоциональный ракурс заключается в свободе любить и верить, а этико-правовой – в праве потребовать развода и не запятнать этим свою репутацию, не стать при этом изгоем в обществе.

Примером того, как окружающие относились к Дельфине, может служить эпизод, изложенный в 29-м письме 4-ой части романа [18]. Дельфина пишет Луизе Д'Альбемар: «...Все собрались у Мадам де Сант-Альб. Когда я вошла в комнату, я услышала вокруг себя невнятный шёпот; я не видела Леонса, который на тот момент находился в отдалённых комнатах. Хозяйка дома, самая безжалостная женщина, которую только можно найти (*la plus impitoyable femme du monde*), долгое время демонстративно держалась вдали от меня. Наконец, она поднялась с кресел и предложила мне стул, с такой холодностью, которую принимают на себя, чтобы продемонстрировать её всем вокруг; две женщины, которые сидели рядом со мной, вполголоса говорили друг с другом; ни один мужчина не подошёл ко мне; вся зала была будто скована неодобрительным, таинственным и холодным молчанием...» [18, с. 418].

Здесь можно увидеть процесс «двухголосного дискурса» (*double-voiced discourse*) [19, с. 179-205], особенный для женского повествования, который описывают многие гинокритики и теоретики феминизма. Так, исследовательница С. Лансер [14, с. 341-363] относит это «двухголосие», которое явно считывается в романе «Дельфина», к женским повествовательным практикам, которые анализируются почти всегда в феминистском аспекте. Здесь важно то, что в данном тексте явление «двойного голоса» или «двухголосия» образует определённую герметичность нарратива, замкнутость женского текста в себе, где реализуется саморефлексия Жермены де Сталь как женщины и как писательницы. Следуя современным теориям Э. Шоултер, С. Лансер, Н. Миллер [15], применимым к произведениям разных эпох, подобную художественную стратегию «женского» текста можно интерпретировать как «своеобразное “письмо для себя”, когда самое значительное оказывается нарративно “спрятано”, в то время как на поверхность текста “выпускается” преимущественно социально очевидное» [3, с. 81]. Подобная двойственность нарративных практик, которая находит обоснование лишь в работах теоретиков феминизма и литературоведов XX-XXI вв., тем не менее, прочитывается и в концепции романа «Дельфина»: в силу исторических и социальных причин «женское» во многом было под запретом, но гендерный вопрос всё же находил нарративный выход и реализовывал себя. Жизненная ситуация Жермены де Сталь, желание говорить и быть услышанной легли в основу романного

каркаса «Дельфины», где текст стал полем для рассуждений, пространством саморефлексии и внутренней работы, в ходе которой де Сталь обосновала свою феминистскую идею гендерного равенства, независимости, а также выступила с критикой шовинистического общества.

Своим романом писательница утверждала право женщины на свободный выбор предмета своей любви вопреки предрассудкам; более того, она смело протестовала против нерасторжимости церковного брака.

Мастерство, а также, в некоторой степени, новаторство Жермены де Сталь заключается в том, что она даёт не только нравописание, но и психологический анализ своей героини и её окружения. На примере истории Дельфины Д'Альбемар можно сделать вывод, что женские проблемы зависят не только от религиозных, общеполитических проблем, но и от психологической незрелости общества.

Несмотря на явные противоречия в мировосприятии Дельфины и людей, которые её окружают, героиня – не абсолютно одинока, как, например, Рене в романе Шатобриана. Она ведёт постоянную переписку с другими женщинами, которые посещают её и принимают её у себя. Дельфина так или иначе исполняет функцию светской дамы, которая принимает участие в социальной жизни. Она демонстрирует предельную вежливость в общении, даже подвергаясь осуждению со стороны других женщин. «Вы плохая католичка», – говорит Дельфине одна из них в личной переписке. Чувствуя острую необходимость защищать собственную репутацию, главная героиня лишь однажды покидает осиное гнездо парижского светского общества – она удаляется в Швейцарию, чтобы найти там защиту в монастыре Мадам де Тернан. Нужно заметить, что, заставив Дельфину задуматься о религии, Мадам де Сталь не приписала ей желания уйти в монастырь навсегда. Дельфина никогда не думает о монастырской жизни так, как думает, к примеру, Рене Шатобриана, который периодически испытывает искушение укрыться от мира в стенах церковной обители. Также нельзя сравнить оценку монастырского уклада жизни мадам де Сталь с позицией Дидро, который изобразил его в своём романе «Монахиня» лицемерным, извращённым и деспотичным. Монастырская тема у Жермены де Сталь достаточно нейтральна.

Другими словами, Дельфина продолжает существовать внутри общества так же, как про-

должала жить сама де Сталь даже после публичных осуждений и изгнания. Коренную проблему писательница видит не в героине, которую во многом ассоциирует с собой, а в окружении, в других людях, которые не способны преодолеть навязанные стереотипы. Дельфина же является собой образ в высшей степени порядочной женщины, чья порядочность исходит не от светского кодекса приличий, а от сердца. Героиня сочетает в себе и стойкие моральные принципы и желание жить в соответствии со своими представлениями о равноправии и вере.

Жермена де Сталь, существенно повлиявшая своим романом на дальнейшее развитие гендерной проблематики в литературе, показывает «гнетущее давление общественного мнения в сфере представлений о религии, любви, замужестве, месте женщины в обществе» [13, с. 151]. Однако главная героиня её романа находит в

себе силы противостоять обывательским представлениям, не предав ни своих чувств, ни своей веры. Несовершенство общества, не готового к резким изменениям, но переживающего постепенное разрушение прежних устоев, выступает контрастным фоном для свободолюбивых настроений Дельфины.

Это ещё раз подтверждает широту спектра поднятых де Сталь проблем, а также глубину личности главной героини, которая заключается не только в «борьбе ежедневных зависимостей с природной страстью к свободе», как писал современник А. С. Пушкина П. Габбе [1], но в смелости противостоять обществу. Романтическая исключительность Дельфины обрисована Жерменой де Сталь через её интеллектуальную и моральную независимость, предвещающую феминистические настроения более позднего времени.

Список литературы

1. Габбе П.А. Биографическое похвальное слово г-же де Сталь-Гольштейн. СПб., 1822. 58 с.
2. Гаврилина О.В. Чувство природы как один из способов создания образа героини в женской прозе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина. 2009. № 2. С. 105 – 114.
3. Павлова, Н.И. «Возможно ли прочесть “женское письмо”?»: к проблеме гендерно ориентированной нарратологии / Н.И. Павлова // Мир русского слова. 2013. № 3. С. 79 – 85.
4. Рабинович Г. Жермена де Сталь // Писатели Франции / Сост. Е. Г. Эткинд. М., 1964. 670 с.
5. Сталь Жермена де. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями / Сталь Жермена де. М.: Искусство, 1989. 483 с.
6. Balayé S. Les Carnet de voyage de Mme de Stael, contribution à la geneèse des œuvres de Mme de Stael. Geneve, 1971. 542 p.
7. Balayé S. Madame de Staël. Lumières et liberté. Paris, 1979. 272 p.
8. Braidotti R. Thinking Differently: a Reader in European Women's Studies. London / New York: Zed Books, 2002. 405 p.
9. Daumier H. Les Bas-Bleus. Paris, 1993. 107 p.
10. Didier B. Madame de Staël et l'écriture au pinceau, L'écriture féminine, Paris, PUF, 1981. P. 11-29.
11. Dolléans E. Histoire du mouvement ouvrier. Tome III: 1921 à nos jours. Paris, 1953. 300 p.
12. Gauntier P. M-me de Stael et Napoleon. P., 1903. 422 p.
13. Gutwirth, M. La Delphine de Mme de Staël: Femme, révolution et mode épistolaire, Cahiers staëliens, nos. 26-27, 1979. 297 p.
14. Lanser S. S. Toward a Feminist Narratology // Style. Vol. 20. N 3. 1986. P. 341-363.
15. Miller N. K. Subject to Change: Reading Feminist Writing. New York, 1988. 285 p.
16. Mme de Staël, De la littérature, considérée dans ses rapports avec les institutions sociales, éd. Paul Van Tieghem, Genève/Paris, Droz/Minard, 1959. 307 p.
17. Mme de Staël, Delphine, Intro. de Simone Balayé, Droz, Genève, 1987. 1032 p.
18. Mme de Staël. Delphine, Intro. de Claudine Herrmann, Edition des Femmes, Paris, 1981. 990 p.
19. Showalter E. Feminist Criticism in the Wilderness // Critical Inquiry 8. 1981. P. 179-205.
20. Showalter E. Towards a Feminist Poetics, in Elaine Showalter, ed. The New Feminist Criticism. Essays on Women, Literature and Theory / New York: Pantheon Books, 1985. P. 125-143.

Сведения об авторе:

Бакаева София Андреевна – кандидат филологических наук (специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература народов Европы и Америки), преподаватель кафедры французского языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: гендерная проблематика, гино-критика, рецепция, современная франкоязычная литература, теория и практика перевода, лингвистика, методика преподавания, межкультурная коммуникация. E-mail: sophie1chloe@gmail.com.

WOMAN AND SOCIETY: FEMINIST IDEAS IN THE NOVEL OF MADAME DE STAËL «DELPHINE»

Sophia A. Bakaeva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *This article examines the expression of feminist ideas in the narrative of the novel “Delphine” by the French writer of the early 19th century Germaine de Staël. Self-reflection of the woman-author is expressed in the character of the heroine, who is artistically represented in the framework of gender discourse, inextricably linked with the historical and social context of the era. The article analyzes the representation of the feminist ideas in the form of an artistic text, which has influenced further development of gender issues in French literature. The analysis is based on modern theories of gynocritics, “double voice”, in particular, which allows one to interpret the text of the selected novel from the point of view of feminist concepts. Having selected the epistolary genre, which presupposes the presence of an “omniscient reader” (lecteur omniscient), having chosen a feminist theme and also entitled the novel in the name of the main heroine, de Staël had created new forms for a literary embodiment of gender themes that would later originate the concept “women’s writing” and would be developed by feminist theorists.*

The main aspect of the analysis lies in the gender identity of the heroine of Madame de Staël’s novel “Delphine”, whose romantic exclusiveness is depicted by the writer through intellectual and moral independence. This image is interesting in that it portrays the feminist sentiments of a later time.

Key Words: *Madame de Staël, French literature, narrative, feminism, gender, gynocritics, double voice, self-reflection, lecteur omniscient*

References

1. Gabbe P.A. Biograficheskoe pokhval'noie slovo g-zhe de Stal'-Gol'shtein. [The biographical laudatory speech of Mrs. de Stael-Holstein] SPb., 1822. 58 s.
2. Gavrilina O.V. Chuvstvo prirody kak odin iz sposobov sozdaniia obraza geroini v zhenskoy proze [The sense of nature as one of the ways to create an image of the heroine in women’s prose] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2009. № 2. S. 105 – 114.
3. Pavlova, N.I. «Vozmozhno li prochest’ “zhenskoe pis'mo”?»: k probleme genderno oriyentirovannoy narratologii [“Is it possible to read the” female letter “?: To the problem of gender-oriented narratology] / N.I. Pavlova // Mir russkogo slova. 2013. № 3. S. 79 – 85.
4. Rabinovich G. Zhermena de Stal' // Pisateli Frantsii [Germaine de Staël / Writers of France] / Sost. Ye. G. Etkind. M., 1964. 670 s.
5. Stal' Zhermena de. O literature, rassmotrennoy v svyazi s obshchestvennymi ustanovleniyami [On literature, considered in connection with public institutions] / Stal' Zhermena de. M. : Iskusstvo, 1989. 483 s.
6. Balayé S. Les Carnet de voyage de Mme de Stael, contribution à la geneèse des œuvres de Mme de Stael. Geneve, 1971. 542 p.
7. Balayé S. Madame de Staël. Lumières et liberté. Paris, 1979. 272 p.
8. Braidotti R. Thinking Differently: a Reader in European Women’s Studies. London / New York: Zed Books, 2002. 405 p.
9. Daumier H. Les Bas-Bleus. Paris, 1993. 107 p.
10. Didier B. Madame de Staël et l’écriture au pinceau, L’écriture féminine, Paris, PUF, 1981. P. 11-29.
11. Dolléans E. Histoire du mouvement ouvrier. Tome III: 1921 à nos jours. Paris, 1953. 300 p.
12. Gauntier P. M-me de Stael et Napoleon. P., 1903. 422 p.
13. Gutwirth, M. La Delphine de Mme de Staël: Femme, révolution et mode épistolaire, Cahiers staéliens, nos. 26-27, 1979. 297 p.
14. Lanser S. S. Toward a Feminist Narratology // Style. Vol. 20. N 3. 1986. P. 341-363.
15. Miller N. K. Subject to Change: Reading Feminist Writing. New York, 1988. 285 p.
16. Mme de Staël, De la littérature, considérée dans ses rapports avec les institutions sociales, éd. Paul Van Tieghem, Genève/Paris, Droz/Minard, 1959. 307 p.
17. Mme de Staël, Delphine, Intro. de Simone Balayé, Droz, Genève, 1987. 1032 p.
18. Mme de Staël. Delphine, Intro. de Claudine Herrmann, Edition des Femmes, Paris, 1981. 990 p.
19. Showalter E. Feminist Criticism in the Wilderness // Critical Inquiry 8. 1981. P. 179-205.
20. Showalter E. Towards a Feminist Poetics, in Elaine Showalter, ed. The New Feminist Criticism. Essays on Women, Literature and Theory / New York: Pantheon Books, 1985. P. 125-143.

About the author:

Sophia A. Bakaeva – PhD, Professor of the French Language Department, MGIMO-University (Russia, Moscow). Spheres of research and professional interest: gender issues, gynocritics, reception, modern French literature, translation in theory and practice, linguistics, teaching methods, intercultural communication.
E-mail: sophie1chloe@gmail.com.

* * *

РОССИЯ И РУССКИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ПЕРЕСА-РЕВЕРТЕ: ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ИЛИ СТЕРЕОТИП?

Т.М. Балматова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В современном социуме роль основного источника информации, обладающего способностью максимально быстро и эффективно формировать общественное мнение по актуальным вопросам, узурпировал Интернет. На его просторах средства масс-медиа активно работают над созданием и продвижением стереотипов, зачастую пренебрегая не только проверкой достоверности предлагаемой информации, но и нормами морали. В этой ситуации положение художественной литературы становится всё более тяжёлым, если не сказать маргинальным, что неизменно отражается на качестве создаваемых произведений. Социальная роль, традиционно сопряжённая с этим видом искусства, призванного воспитывать и учить мыслить, уступила место развлекательной функции, что обусловило проникновение технологий подачи информации из медийной сферы в литературные произведения. Примером этого процесса может служить творчество испанского журналиста и писателя Артуро Переса-Реверте. В предлагаемой статье предпринята попытка проследить процесс формирования образа России и её национального характера в произведениях этого литератора, широко известных русскоязычному читателю.

Целью исследования является формирование представления о том, каким получился стереотип русского человека в произведениях А. Переса-Реверте посредством изучения типовых черт персонажей и суждений о России с одной стороны, и анализа индивидуальных особенностей литературных героев – с другой. Материалом послужили романы и эссе.

Ключевые слова: *стереотип, национальный характер, русский, штамп, примитивизация, образ*

Современная литература, адаптируясь к потребностям и уровню восприятия техногенного и гиперинформированного общества, зачастую вынуждена прибегать к упрощению образов, примитивизации идей и, как следствие, вместо глубоко и детально проработанного материала читателю предлагаются стереотипы. В произведениях широко известного испанского писателя и журналиста Артуро Переса-Реверте, которые весьма популярны в нашей стране, нередко упоминается Россия и мы – россияне – её жители. Какими чертами наделяет Реверте русский народ, какие события

привлекают внимание романиста, на чём он ставит акценты, чтобы предложить целевой, преимущественно западной, аудитории образ русского – на эти вопросы попытаемся дать ответы в предлагаемой статье.

В каждом произведении необходимо прежде всего обратить внимание на контекст, в котором упоминаются связанные с Россией реалии и персонажи. Наиболее насыщенным в этом отношении является один из ранних романов – *La sombra del águila (Тень орла)* [11], опубликованный в 1993 году. В нём рассказывается о событиях Отечественной войны 1812 года,

в которой на стороне Наполеона принимали участие испанские батальоны, сформированные преимущественно из военнопленных. Историки единодушно отмечают имевшее место массовое дезертирство испанцев: «Многие солдаты иностранных формирований наполеоновской армии не горели большим желанием воевать в России, а для испанцев служба Наполеону в будущем могла обернуться не просто бесчестьем и позором, но смертью.» [1]. Реверте изображает события войны с позиции своих соотечественников, готовых перейти на сторону русской армии. В целом, обращает на себя внимание гротеск, доходящий местами до откровенной пошлости, с которым автор описывает трагические события кровопролитной войны, использование вымышленных имен военачальников (исключение составляет Кутузов, упоминаемый дважды в контексте пустой Москвы, в которую вошли французы), нарочитое выделение героизма испанской дивизии и примитивизация действий русских войск, а также избыточный грубыми современными оборотами речи язык изложения, анахроничный применительно к событиям и персонажам начала XIX века. Образ русского раскрывается в общих чертах через описание хода сражения, вскользь упоминаются имена неких капитана Смирнова, Владимира, графа Николая, Анны

Павловны, княгини Болконской, Бориса – по видимому, частично заимствованных из *Войны и мира* Л.Н. Толстого. Чуть подробнее прорисован командующий дивизионом граф Рудольфовский, якобы двоюродный племянник царя Александра I, и его денщик Игорь Игоревич. Единственный русский военачальник, изображённый Пересом-Реверте в этом произведении, спит под берёзой в самый разгар сражения после бурной ночи, проведённой на сеновале с безымянной крестьянкой. Не обошлось и без упоминания жесточайшего похмелья вследствие чудовищного количества выпитой накануне водки. О денщике Игоре сообщается, что, почуяв опасность, он не раздумывая бросился наутёк, несмотря на то, что несколько поколений его предков верой и правдой служили семье Рудольфовских.

О русских военных говорится, что 4 или 5 тысяч нежились на травке, а затем спасались бегством от 400 храбрых испанцев. Пренебрежительный оттенок придаёт повествованию использование автором транслитерированных слов русский (*ruskis*), французский (*franzuskis*), товарищ (*tovarich*), нет (*niet*), победа (*pobieda*), очи чёрные (*ochichornia*) наряду с личным именем Иван (*los Iván*) и фамилией Попов (*los Popof*), применяющимися для обозначения в целом русских воинов.

Пример 1¹

a) aquí todos <i>tovarich</i> , y los <i>franzuskis</i> a tomar por saco [11, c.78];	мы здесь все – товарищ, а французски нам – вот где, давно поперёк горла;
б) <i>los Iván</i> dijeron que sí, que vale, que de acuerdo [11, c.78];	понятно, сказали иваны, чего тут не понять, чай, не дураки;
в) <i>empitonan</i> a <i>Popof</i> y a su santa madre [11, c.48].	поднимают Попова на штыки, как бык – на рога.

Необходимо принять во внимание описание расправы испанцев с ранеными русскими воинами, на котором Реверте останавливается

довольно подробно и несколько раз вкладывает в уста русских одни и те же слова (нъет, товарищ).

Пример 2²

Te cepillabas un regimiento ruso y después, al rematar a los heridos a la bayoneta, veías las caras de campesinos que te recordaban a tus paisanos de Aragón o de La Mancha. <i>Niet, niet</i> , te rogaban los desgraciados, <i>tovarich, tovarich</i> , y levantaban desde el suelo las manos ensangrentadas, llorando. Algunos no eran más que críos con los mocos y los ojos desorbitados por el miedo, y a veces tú hacías como que dabas el bayonetazo, pinchando un terrón, o su mochila, y procurabas pasar de largo... [11, c.31].	Расщеперить какой-нибудь русский полк, а потом, занеся штык, чтобы добить раненого, увидишь крестьянское лицо – в точности такое, как у твоих земляков где-нибудь под Арагоном или в Ламанче. «Нъет, нъет, – молят тебя о пощаде эти несчастные, плачут, выпучив от страха глаза, пытаются заслониться окровавленными руками, – товарищ, товарищ». Попадались и совсем ещё птенцы желторотые, и тогда притворишься, будто сделал выпад, а штык всадишь в землю или в ранец.
---	---

Вот таким слабым, жалким, испуганным и молящим о пощаде изображает испанский автор русского солдата, и тем ярче контраст с образом испанского легионера – щедрого и великодуш-

ного. Этот небольшой отрывок текста наглядно демонстрирует популярный в наше время механизм переписывания истории посредством расстановки акцентов и примитивизации матери-

1 Перевод на русский язык А. Богдановского.

2 Перевод на русский язык А. Богдановского.

ала: читатель бестселлеров усвоит стереотипы, не задумываясь о том, что изображённый положительным испанский солдат пришёл в составе французских орд с войной в чужую страну.

Среди родов войск особого внимания автора заслужили артиллеристы и казачья конница.

Пример 3³

а) <i>artilleros ruskis debía de habérseles ido la mano con el vodka, porque tiraban fatal</i> [11, с.14];	русские артиллеристы перебрали, должно быть, своей водки, потому что, не сообразив понизить прицел, мазали беспрестанно;
б) <i>caballería cosaca hiciera filetes, literalmente, a un escuadrón</i> [11, с.7];	казаки в буквальном – в буквальном! – смысле в лапшу изрубили эскадрон Третьего гусарского полка;
в) <i>cosacos borrachos de vodka y de victoria, cuyos hurras y pobiedas atronaban la cuenca del Beresina</i> [11, с.82].	всех до одного изрубили хмельные от водки и победы казаки, хрипло оравшие «ура» так, что колыхалась вода в Березине.

В целом, слово *водка* упоминается 13 раз, однако большей частотностью обладают ключевые понятия, связанные с военным делом: пушка/пушкарь/пушечный выстрел (43), артиллерия/артиллерист (21), казак/казачий (36), кавалерия (25), эскадрон (12), граната (11), картечь (14), всадники (17), пехота (12), полки (26) и др. С прилагательным русский соединяются существительные артиллерия/артиллерист, кавалерия, пушка, бомба, граната, картечь, осколок, позиция, линия, полк, пехота, регулярные войска, батарея, армия, знамя, империя, сержант, командир. Таким образом, о положительных чертах носителей русской ментальности не упоминается, а коллективный образ врага создаётся за счёт прочной связки прилагательного *русский* с военной лексикой.

В этом произведении стереотип русского раскрывается с двух сторон: 1) в общем – это обезличенный враг – вооружённые опасные варварские иваны петровы, 2) в частности – это конкретные персонажи и группы лиц, дополняющие образ врага рядом отрицательных качеств, как-то: ленивые, недисциплинированные, жестокие, пьяные, трусливые, слабые и жалкие люди. Положительных характеристик в тексте выявить не удалось.

В романах периода 1994–2000 годов – *Territorio comanche*, 1994 (*Территория команчей*) [12], *La piel del tambor*, 1995 (*Кожа для барабана*) [9] и *La carta esférica*, 2000 (*Карта небесной сферы*) [8] российские реалии, попадающие в поле зрения автора, немногочисленны и внимание на них не заостряется. В произведении *Территория команчей*, повествующем о военном конфликте в бывшей Югославии, это ручная противотанко-

О первых он сообщает, что стреляли они недостаточно метко, поскольку делали это с перепоя, а казаки – волосатые и бородатые дикие люди – отличаются крайней жестокостью, грабят и убивают напрапалу, впрочем, тоже в нетрезвом виде:

вая граната (un RPG-7) [12, с.7], ТМБ, русская противотанковая мина (una ТМБ, una antitanque rusa) [12, с.14] и русская граната (una granada rusa) [12, с.38] – боеприпасы, взрывающиеся как в охваченной войной Боснии, так и в Афганистане.

Из романа *Кожа для барабана* можно почерпнуть интересные сведения о «коктейле молотова» – персонаж по имени дон Ибраим рассказывает, что рецепт этой зажигательной смеси ему поведал за бокалом мохито Че Гевара, и является она русским изобретением Карла Маркса: «Ernesto Che Guevara le explicó, mientras tomaban mojitos en Santa Clara, cómo hacer un cóctel molotov. Que era un invento ruso de Carlos Marx.» [9, с.219]. В перечень самых уязвимых для хакерских атак мест в этом произведении включаются филиалы Конфедерации банков России (las sucursales de la Confederación Bancaria Rusa) [9, с. 430].

В романе *Карта небесной сферы*, сюжет которого связан с навигацией и историей иезуитского ордена, вскользь упоминается, что судно под командованием испанского капитана протаранил панамский сухогруз с пьяным русским штурманом на вахте: «un carguero panameño con el oficial de guardia ruso y borracho le metió la proa en la proa» [8, с.34], по причине чего далее испанец называет его большевиком сукиным сыном: «un bolchevique hijo de puta te da por el culo bien dado en mitad del océano» [8, с.34]. В целом, в качестве элиты в современном навигационном деле признаются филиппинцы и индусы, а про русских капитанов сообщается, что они «hasta arriba de vodka partían sus petroleros un poco por aquí y por allá»⁴ [8, с.321]. Не обошлось в этом

³ Перевод на русский язык А. Богдановского.

⁴ *набравшись водки, то тут, то там сажают на мель свои танкеры*. Перевод на русский язык Г. Церетели.

романе и без ещё одного «лакомого» стереотипа: русских мафиози, упоминаемых в контексте разговоров о дальнейшей судьбе изумрудов, поднятых со дна моря.

В романе 2002 года *La reina del sur* (*Королева юга*) [10], открывающим перед читателем криминальный мир наркотрафика, Реверте с одной стороны характеризует в общих чертах русскую мафию, а с другой – подробно изображает отдельного русского мафиози Олега Языкова. Местом действия является юг Пиринейского полуострова – Гибралтар, Коста дель Соль, где русская мафия обосновалась со времени распада Советского Союза, плотно занявшись противоправной деятельностью. Невозможно обойти вниманием тот факт, что стереотип о русской мафии имеет вполне реальные основания, поскольку, как отмечает Е. Коржукова, преступные группировки из России в условиях коррумпированности местной системы управления в 90-е годы XX века получили значительное распространение на территории Испании: «*Parece lógico tomar como punto de partida dos direcciones: procedencia de la mafia rusa (así como de otras) en la Península Ibérica (en particular en la Costa Mediterránea) por un lado y la historia de corrupción y actividades contra ella en la Costa por otro — que no podría existir mafia alguna sin mecanismos corrompidos dentro del Estado <...> En un momento determinado de la historia coincidieron dos factores favorables para la mafia rusa en España. A principios de los noventa los capos mafiosos se enriquecieron tanto que tomaron la decisión de extender sus actividades a Europa...*»⁵ [2, с.60].

В целом, криминальное сообщество действует решительно (*mafias rusas, que eran más bien drásticas*). По версии Реверте, коммунисты, переключившиеся в гангстеров, не склонны шутить, хотя сначала они и были похожи на дурачков (*parecían tontos o algo así*). Автор применительно к русской мафии использует понятия *гангстер* (*los gangsters rusos*) и *товарищ* (*se le ocurrió jugarla al tovarich; hasta que al tovarich se le acabó la paciencia*), и отмечает, что тонкий подход к решению проблем русским не свойственен: «*Nunca fueron muy finos los ruskis. <...> Y siguen sin serlo.*» [10, с.161]. Кроме того, русских мафиози видно за версту, поскольку все они здоровые,

грубые, неуклюжие блондины, разъезжающие на дорогих машинах в компании шикарных проституток. Иностранными языками не владеют. Этот набор типовых черт, своего рода «фотопортрет», позволяет спецслужбам США задерживать русских гангстеров, как только они сойдут с трапа в любом американском аэропорту. Однако, в рассуждениях дона Артуро невозможно найти ответа на простой вопрос: Если русских мафиози так легко вычислить, почему же в его романе они изображены процветающими в Испании?

С одной из таких ОПГ с ласковым названием «Бабушка», состоящей, как отмечает Реверте, из бывших сотрудников милиции и ветеранов Афганистана, сотрудничает влиятельный криминальный элемент Олег Языков. Этот персонаж рельефен, наделён индивидуальными характеристиками и местами довольно реалистичен, поэтому на его портрете стоит остановиться особо.

Языков родом из Солнцево – района Москвы, который автор, по-видимому, хорошо знакомый с реалиями эпохи перестройки, характеризует как один из наиболее мафиозных. Среди вех его биографии упоминается служба в Афганистане, после которой в конце 80-х оборотистый русский с 35 млн. долларов прибывает в Испанию рейсом Аэрофлота, сначала открывает свою дискотеку «Ядранка», затем бизнес растёт и диверсифицируется вместе с криминальной составляющей. В отличие от своих коллег, он хорошо говорит по-испански, с едва различимым акцентом, но при этом Реверте отмечает, что Языков не способен (*incapaz*) целиком выговорить имя Тереза, и сокращает его до Теса – странное обстоятельство для любого носителя русского языка.

Противопоставляя этого персонажа криминальному сообществу в целом, автор подчёркивает, что его внешний вид не имеет ничего общего с обычным гангстером и предлагает подробное описание: светлая кожа, большие глаза –детские, странного жёлто-голубого цвета, коротко стриженные, как у солдата, белые волосы. Высокого роста – метр девяносто – он одет в хлопчатобумажные брюки цвета хаки и синюю рубашку, под которой угадываются широкие плечи и мускулистые руки. На запястье носит ролекс и в целом имеет вид здорового, чисто-

⁵ Стоит принять во внимание два аспекта: появление русской мафии (а равно и всех остальных) на Пиренейском полуострове (прежде всего на Средиземноморском побережье) с одной стороны, и коррупционную составляющую и борьбу с ней – с другой. Ведь мафия не может существовать без коррупции в системе госуправления. <...> В определённый исторический момент совпали два фактора благоприятных для распространения русской мафии в Испании. В начале 90-х мафиозные круги сколотили достаточный капитал, чтобы осуществить экспансию в Европу... Перевод наш (Т.Б.).

го, сильного, и, главное, опасного человека. По характеру он спокойный, осторожный, хитрый, немногословный и даже ностальгирующий человек, который смотрит на все ключевые моменты жизни с бесстрастной обречённостью, свойственной славянам. Бесстрашный и объективно жестокий, как его характеризует автор, Языков ценит в людях храбрость, конечно же, пьёт водку Смирнофф – по семейной традиции в день рождения последнего русского царя и в память деда, лейтенанта кавалерии Николаевского полка, расстрелянного то ли в Сибири, то ли в Монголии в 1922 году. Своим подчинённым мафиози хорошо платит и пользуется у них уважением. Телохранителей Реверте изображает крупными штрихами: солнцевские доbermany, квадратные, как шкафы.

Столь пристальная прорисовка портрета персонажа, наделение его чувством юмора, способностью смеяться в особой свойственной ему манере добродушного медведя (!), оказывать поддержку оказавшейся в опасности мексиканке Терезе, участие в беседах на такие личные темы, как детство, жизненные перспективы и другие, позволяет заключить, что автор симпатизирует этому персонажу. В самом конце романа Реверте рассказывает о своих впечатлениях от личной встречи с Языковым в тюрьме Алькала-Мекко: «Resultó ser un tipo sorprendentemente amable, habló de su antigua amiga con pocas inhibiciones y mucho afecto, y llegó a contarme algunas cosas de interés que pude incorporar a última hora a esta historia.»⁶

Парадоксально, что единственным русским персонажем, которого Реверте наделяет некоторыми положительными качествами, оказался преступник, убийца из России, прекрасно интегрировавшийся в европейское общество.

Интересны также исторические и жизненные реалии, упоминаемые в этом произведении. С одной стороны, они свидетельствуют о довольно глубоком знакомстве автора с отдельными аспектами действительности, а с другой – представляют набор расхожих штампов: российские binokli хорошего качества, Анна Каренина, Нина Берберова, Мастер и Маргарита, цены на героин на дискотеках двух столиц в 90-е годы прошлого века, советское детство, через кото-

рое красной нитью проходит варёная капуста с картошкой, пионерия, Карл Маркс и проклятый американский империализм.

Следующим по времени написания романом является *El pintor de batallas* (*Баталист*) [6], опубликованный в 2006 году. В нём про русских речь заходит дважды и оба раза в негативном и штамповом ключе: сначала сообщается о желании написать роман про русского графа, который пил, как казак, резался в карты, как мафиози в Монте Карло, и впоследствии работал портье в “Le Grand Vefour”, а затем представлено краткое описание полотна под названием «Солдат-пьяница», на котором изображён русский солдат то ли уходящий, то ли вернувшийся с войны: «... está tan borracho que y a no distingue el vodka del té. La gorra se le vuela de la cabeza, sorprendido al ver bailar sobre la mesa a una campesina a la que conoce.»⁷ [6, с.116]. Стоит признать, что порок пьянства нередко привлекал внимание русских художников, однако, смысловой акцент в произведениях, как правило, ставится на негативных социальных последствиях, малодушии и слабости самого пьяницы. В то время как крестьянка, танцующая на столе, представляется абсолютно нелепым и невозможным элементом картины. Невозможен он ввиду принятого в российском обществе уважительного отношения к женщине, а также потому, что уклад крестьянской жизни не допускал подобного поведения. Таким образом, в мимолётном эпизоде романа Реверте прибегает к откровенной клевете для создания гротескного образа русского национального характера.

Не обошёл без прилагательного «русский» и роман 2010 года *El asedio* (*Осада*) [5]. Россия в нём упоминается как торговый партнёр и потенциальный рынок сбыта; из нашей страны получают мускусную эссенцию, а также про одного двадцатилетнего капитана сообщается, что он обут в элегантные русские сапоги в стиле Суворова.

Чрезвычайно интересен для анализа стереотипов и индивидуальностей роман 2012 года *El tango de la guardia vieja* (*Танго старой гвардии*) [7], поскольку в нём вместе с описанием поединка шахматистов Соколова и Келлера противопоставляются два мира – европейский и советский

⁶ Он оказался удивительно любезным, охотно и весьма тепло говорил о своей давней приятельнице и даже поведал мне кое-какие интересные подробности, которые я в последний момент успел присвокупить к этой истории. Перевод на русский язык Н. Кириллова.

⁷ Он так напился, что уже не отличает водку от чая. С головы слетела шапка, он очень удивлён, потому что прямо на столе танцует одна его знакомая крестьянка. Перевод на русский язык Н.Беленькая.

(*informal heterodoxia capitalista contra rigurosa ortodoxia soviética*).

В этом произведении действия развиваются параллельно в двух временных планах: 30-х и 70-х годах XX века, и в обоих периодах присутствуют реалии и персонажи из России. В более раннем пласте это офицер царской армии по фамилии Долгорукий-Багратион, эмигрантка Ася Шварценберг, а в более позднем – шахматист Соколов и агенты КГБ.

Максимы, которые граф Борис Долгорукий-Багратион изрекал между рюмками коньяка, время от времени всплывают в памяти главного героя, который и сообщает, что они познакомились в ходе Африканской кампании, граф себя ни в чём особо не ограничивал, и, окончательно пресытившись жизнью, свёл с ней счёты, предварительно осушив бутылку коньяка в компании трёх проституток в одном из самых дорогих борделей города Тауима в Марокко.

Анастасия Александровна по второму мужу фон Шварценберг – русская аристократка, высокая, изящная, с приятными манерами и крупными миндалевидными глазами, в свои 50 лет выглядит изумительно и обладает связями в высшем свете, которыми делится за вознаграждение со всеми желающими, зарабатывая тем самым на жизнь наряду с продажей предметов старины, якобы принадлежавших её богатой русской семье. Из неприятных особенностей ей приписывается слишком насыщенный аромат духов и следы алой помады, которые она оставляет повсюду. Образ выходит довольно индивидуальный, хотя и незначительный.

О Михаиле Соколове, по прозвищу «советская стена», говорится, что человек он спокойный и даже скучный, чемпион мира по шахматам, для которого, вместе с тем, лучшим результатом в матчах всегда была ничья. Описание этого персонажа подобными противоречивыми утверждениями не ограничивается. Одет он в коричневый костюм, белую рубашку и зелёный галстук, курит сигареты, зажимая их в пожелтевших от никотина пальцах. Жёсткое выражение широкого лица смягчает печаль водянисто-синих глаз. Конечно же, он блондин, полнота и торчащие ёжиком волосы сообщают ему сходство со спокойным медведем (!). Для придания образу русского негативного оттенка Реверте отмечает, что в промежутках между хо-

дами он ковыряет в носу и обкусывает ногти, а к своему сопернику относится с презрением.

Часть истории, составленная из стереотипов об активном участии советского руководства в спортивных достижениях и портрета знаменитого КГБ с его методами решения проблем, живо напоминает недавний допинговый скандал, довольно долго не сходящий со страниц европейских газет. Реверте тщательно муслирует идею политизированности шахмат: в свите Соколова 12 человек, включая нескольких агентов КГБ; на карту поставлены не только деньги, но и политика, большая политика; Хрущёв лично звонит ему, подбадривает и уверяет, что «el paraíso del proletariado tiene puestos los ojos en él»⁸ [7, с. 185]; с момента пришествия к власти большевиков шахматы – главный вид спорта в Союзе и каждый турнир поддерживается государством. Основным поводом для гордости русских, пишет дон Артуро, является то, что они купили всех в Международной шахматной федерации (ФИДЕ): «Tienen a la Federación Internacional sobornada y en el bolsillo» [7, с. 184]. И поэтому они всегда побеждают, повсюду одни русские, сплошной чередой, и Москва не хочет изменения положения: «Todos rusos. O soviéticos, para ser exactos. Y ahora es Sokolov el campeón del mundo: rusos y más rusos, uno detrás de otro. Y en Moscú no quieren que las cosas cambien» [7, с. 185]. Настолько сильно не хочет, что даже задействует своё ужасное КГБ. Набор словесных штампов классический: КГБ не прощает (*El Kagebé no perdona*); футболист Стрельцов не захотел перейти из футбольного клуба «Торпедо» в московский клуб «Динамо» – команду КГБ, за что и поплатился 5-ю годами ссылки в Сибирь. Кроме того, у Реверте эта организация уже в эпоху Хрущёва использовала методы гибридной войны: фото со вспышкой, чтобы мешать соперникам; парапсихологи из зала сосредотачивали все свои флюиды, сбивая с толку вражеских шахматистов; не гнушались даже заражать в прачечных трусы несчастных игроков бактериями, вызывающими гонорею. Ну а когда доходит до прямых разбирательств главного героя с сексотами КГБ, роман превращается в американский боевик с пожилым испанцем в роли случайно попавшего в руки плохих русских парней Джеймса Бонда. До смешного примитивный и абсурдный литературосодержащий продукт, с одной стороны,

⁸ на него смотрит весь пролетарский рай. Перевод наш (Т.Б.). Возможно, имеет место аллюзия на книгу Родриго Ройо «США пролетарский рай».

формирующий, а с другой – отражающий представления европейцев о советском периоде российской истории.

Стоит отметить, что чуть более глубоким и интересным материалом являются сборники эссе испанского литератора. Позиция Реверте по такому деликатному вопросу внутренней российской политики, как чеченская во-

Пример 4⁹

la contaminación incontrolada los está liquidando, y que flotas piratas de pesqueros con palangres y redes ilegales van y vienen fuera de las doce millas como Pedro por su casa o, si lo prefieren, como ruso por Chechenia. [3, с. 220]

йна, интересным образом проявляется в эссе *El francotirador y la cabra* (*Снайпер и коза*) из сборника *Con ánimo de ofender* (*С намерением оскорбить*) [3], где автор, сетуя на исчезновение ряда морских животных от рук браконьеров, внезапно сравнивает неограниченную свободу последних с поведением русских в Чечне.

Их [дельфин, кит, касатка] губят не только бесконтрольное загрязнение моря, но и браконьеры с переметами и запрещёнными сетями, привыкшие ходить туда-сюда вдоль берега, как сосед Педро по своему дому или, если угодно, как русские по Чечне.

Любопытно, что в эссе *Sobre patriotas y palomitas* (*Патриоты и поп-корн*) из того же сборника Реверте рассуждает о стереотипах американского кинематографа, отмечая, что в качестве отрицательных персонажей Голливудом используются представители любых народов, кроме собственного, в том числе и даже в большей степени, чем все остальные, русские с их мафией, водкой и Ельциным, беспечно разбрасывающие повсюду ядерные бомбы. Вместе с тем, Перес-Реверте обращает внимание на эффект бумеранга, когда публика встаёт на сторону русского мафиози, обещающего перебить всех американских суперменов. Хотелось бы верить, что, прекрасно понимая технологию создания и функционирования стереотипов и даже слегка осуждая её в подходящих случаях, именно на этот эффект рассчитывает Реверте, когда использует аналогичные методы в своих произведениях.

Невозможно обойти вниманием ещё два эссе из сборника *Cuando éramos honrados mercenarios* (*Когда мы были честными наёмниками*) [4], озаглавленные *Los perros de la Brigada Ligera* (*Собаки лёгкой бригады*) и *Películas de guerra* (*Фильмы о войне*). В первом эссе Реверте делится размышлениями о героической атаке английской кавалерии, обернувшейся для неё катастрофой в ходе Крымской войны 25 октября 1854 года, обращая особо пристальное внимание на животных: несчастных обезумевших лошадей, которых погибло 395 штук от огня русской артиллерии, и двух собак, отважно сражавшихся в тот день против русских пушек: «...pocos saben que, ese día, dos perros cargaron también contra los cañones rusos.» [4, с.280]. Весьма тонкий манипулятивный пассаж для создания негативного имиджа русских

в свете современного масштаба «зелёного» движения. Ещё один пример расстановки акцентов, при котором внимание читателя переносится с привычной информации о потерях воинского контингента на невинных животных, помогавших своим хозяевам в борьбе с русским врагом.

Второе эссе этого сборника, посвящённое краткому обзору фильмов о Второй мировой войне, привлекает внимание тем, что среди лучших 34 лент, упомянутых тремя участниками беседы (среди которых и А. Перес-Реверте), только одна была советского производства – фильм режиссёра Андрея Тарковского *Иваново детство* (*La infancia de Iván*). То есть в тексте, целью которого заявлено знакомство молодёжи с фильмографией величайшего события истории XX века, Реверте не предпринимает попытки шире представить точку зрения основного борца с фашизмом – Советского Союза.

Проделанный анализ русских персонажей и реалий, обнаруженных на страницах значительного числа романов и в эссеистике А. Переса-Реверте, позволяет заключить, что в подавляющем большинстве случаев читателю предлагаются привычные стереотипы, характеризующие российское общество и русского человека с отрицательной стороны. Дон Артуро предпочитает говорить о русских в целом, изображая широкими мазками неуклюжую, дикую, ленивую, жестокую, пьяную массу недалёких людей-варваров, будь то солдаты, защищавшие свою Родину в войну 1812 года, советские агенты КГБ или мафиози конца XX века. Индивидуальными чертами в большей или меньшей степени наделяются образы Аси Шварценберг, графа Бориса Долгорукого-Багратиона, шахматиста Михаила Соколова из романа *Танго старой гвардии* и Олега Языкова из романа

⁹ Перевод на русский язык Матерновская Е.

Королева Юга. Сведения о первых трёх персонажах носят поверхностный, внешний характер, особенности личности, мировосприятие изображены только у последнего персонажа и поэтому потенциально только бандит Олег Языков способен вызвать симпатию и сочувствие читателя. Скорее всего, подобной привилегией он обязан тому, что переехал в Испанию и прекрасно интегрировался в испанскую криминальную систему. Кроме того, будучи профессиональным журналистом, А. Перес-Реверте использует в литературных произведениях современные манипулятивные технологии из сферы массовой медийной

культуры, как-то: снабжает описание реального события отрицательными чертами и подробностями, зачастую вымышленными, гротескными деталями, прибегает к перестановке акцентов с целью придания негативного оттенка событиям или персонажам. Подводя итог проделанному анализу, приходится сделать вывод, что в своих произведениях Перес-Реверте предлагает традиционный набор стереотипов о русских и русском национальном характере, придавая им неизменно негативную коннотацию. Индивидуальные черты присваиваются крайне незначительному числу персонажей.

Список литературы

1. Сагомоян А.А. Под знаменами Наполеона и Александра: испанские солдаты В России в 1812 году [Электронный ресурс] // *Славяноведение*, № 6, 2012. – Режим доступа: <http://naukarus.com/pod-znamenami-napoleona-i-aleksandra-ispanskije-soldaty-v-rossii-v-1812-godu> (12.01.19).
2. Korzhukova E. ¿Mafia rusa en España? [Электронный ресурс] // *Ибероамериканские тетради*, № 1 (3). – М.: МГИМО МИД России, 2014. – С. 58-63. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_27200814_19214455.pdf (12.01.19).
3. Pérez Reverte A. Con ánimo de ofender [Электронный ресурс]. – España: Alfaguara, 2013. – 448 pág. Режим доступа: https://vk.com/doc4827744_384130145?hash=a4998aa640d2b538d2&dl=ab7dfd5a05cd5848c2 (12.01.19).
4. Pérez Reverte A. Cuando éramos honrados mercenarios [Электронный ресурс]. – España: Penguin Random House Grupo Editorial, 2013. – 362 pág. Режим доступа: <https://lelibros.online/libro/descargar-libro-cuando-eramos-honrados-mercenarios-libros-de-articulos-en-pdf-epub-mobi-o-leer-online> (12.01.19).
5. Pérez Reverte A. El asedio [Электронный ресурс]. – España: DEBOLSILLO, 2015. – 816 pág. Режим доступа: https://vk.com/doc-68873134_437300346?hash=0c7d2f3dfa2f71e911&dl=0feeb9e421df7e8b93 (12.01.19).
6. Pérez Reverte A. El pintor de batallas [Электронный ресурс]. – España: Alfaguara, 2006. – 301 pág. Режим доступа: https://vk.com/doc425783989_463789546?hash=3967f37195ade7fbdd&dl=fab387aed3047ea857 (12.01.19).
7. Pérez Reverte A. El tango de la guardia vieja [Электронный ресурс]. – España: Penguin Random House Grupo Editorial, 2012. – 504 pág. Режим доступа: https://vk.com/doc4827744_258972530?hash=38f4915faa2aca4046&dl=c865a7c640cb4b9fcb (12.01.19).
8. Pérez Reverte A. La carta esférica [Электронный ресурс]. – España: Alfaguara, 2000. – 590 pág. Режим доступа: https://vk.com/doc425783989_463789381?hash=2b480c6e1d5365647c&dl=aa9089a42af91d0181 (12.01.19).
9. Pérez Reverte A. La piel del tambor [Электронный ресурс]. – España: Alfaguara, 2007. – 589 pág. Режим доступа: https://vk.com/doc152059702_437733669?hash=400e24976fac907a7f&dl=3432813d7dd5cf006e (12.01.19).
10. Pérez Reverte A. La reina del Sur [Электронный ресурс]. – España: Santillana USA Publishing Company, Incorporated, 2003. – 542 pág. Режим доступа: https://vk.com/doc-103260962_437520879?hash=490fd40dd8dc3b6e18&dl=1c32d00b3e502a6fbc (12.01.19).
11. Pérez Reverte A. La sombra del águila [Электронный ресурс]. – España: Penguin Random House Grupo Editorial, 2013. – 152 pág. Режим доступа: https://vk.com/doc425783989_469084151?hash=888ff3c77fe7fe22c9&dl=6858638ffd91df94a9 (12.01.19).
12. Pérez Reverte A. Territorio Comanche [Электронный ресурс]. – España: Penguin Random House Grupo Editorial, 2013. – 144 pág. Режим доступа: https://vk.com/doc-103260962_437523329?hash=5a5b8b93a53fc6d9f9&dl=18cc56b24c3e8f4814 (12.01.19).

Сведения об авторе:

Балматова Татьяна Михайловна – преподаватель кафедры испанского языка МГИМО (У) МИД России, Москва. В область научных интересов входит испанский литературный процесс XX-XXI веков, литература и традиционная культура фламенко в их взаимовлиянии, грамматика, синтаксис и стилистика произведений современной испанской литературы. E-mail: blmt@ya.ru.

RUSSIA AND RUSSIANS IN THE WORKS BY A. PEREZ-REVERTE: INDIVIDUALITY OR STEREOTYPE?

T.M. Balmatova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *In modern society, the Internet has usurped the role of the main source of information, which has the ability to influence public opinion on current issues quickly and effectively. In its expanses, media tools are employed to create and promote stereotypes, often neglecting not only the veracity of the information offered, but also the norms of morality. In this situation, literature is also undergoing changes. Social and educational functions it performs tend to be replaced by the infotainment function, proper to the media. The article aims at tracing the process of Russia and its national character image formation in the works by A. Perez-Reverte, widely known to the Russian-speaking reader, by revealing typical features of the characters and judgement about Russia, on the one hand, and analyzing individual characteristics, on the other. The analysis is based on the novels *La sombra del Águila*, *Territorio Comanche*, *La piel del tambor*, *La carta esférica*, *La Reina del Sur*, *El pintor de batallas*, *El asedio*, *El tango de la guardia vieja* and the essay *El francotirador y la cabra*, *Sobre patriotas y palomitas*, *Los perros de la Brigada Ligera*, *Películas de guerra*.*

Key Words: *stereotype, national character, Russian, stamp, primitivization, image*

References

1. Sagomonian A.A. Pod znamenami Napoleona i Aleksandra: ispanskiye soldaty v Rossii v 1812 godu [Under the banner of Napoleon and Alexander: Spanish soldiers in Russia in 1812] // Slavyanovedenie [Slavic studies], № 6, 2012. – Available at: <http://naukarus.com/pod-znamenami-napoleona-i-aleksandra-ispanskiye-soldaty-v-rossii-v-1812-godu> (Accessed 12.01.19).
2. Korzhukova E. ¿Mafia rusa en España? // Cuadernos iberoamericanos, № 1 (3). – M.: MGIMO, 2014. – C. 58-63. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_27200814_19214455.pdf (Accessed 12.01.19).
3. Pérez Reverte A. Con ánimo de ofender. – España: Alfaguara, 2013. – 448 pág. Available at: https://vk.com/doc4827744_384130145?hash=a4998aa640d2b538d2&dl=ab7dfd5a05cd5848c2 (Accessed 12.01.19).
4. Pérez Reverte A. Cuando éramos honrados mercenarios. – España: Penguin Random House Grupo Editorial, 2013. – 362 pág. Available at: <https://lelibros.online/libro/descargar-libro-cuando-eramos-honrados-mercenarios-libros-de-articulos-en-pdf-epub-mobi-o-leer-online> (Accessed 12.01.19).
5. Pérez Reverte A. El asedio. – España: DEBOLSILLO, 2015. – 816 pág. Available at: https://vk.com/doc-68873134_437300346?hash=0c7d2f3dfa2f71e911&dl=0feeb9e421df7e8b93 (Accessed 12.01.19).
6. Pérez Reverte A. El pintor de batallas. – España: Alfaguara, 2006. – 301 pág. Available at: https://vk.com/doc425783989_463789546?hash=3967f37195ade7fbdd&dl=fab387aed3047ea857 (Accessed 12.01.19).
7. Pérez Reverte A. El tango de la guardia vieja. – España: Penguin Random House Grupo Editorial, 2012. – 504 pág. Available at: https://vk.com/doc4827744_258972530?hash=38f4915faa2aca4046&dl=c865a7c640cb4b9fcb (Accessed 12.01.19).
8. Pérez Reverte A. La carta esférica. – España: Alfaguara, 2000. – 590 pág. Available at: https://vk.com/doc425783989_463789381?hash=2b480c6e1d5365647c&dl=aa9089a42af91d0181 (Accessed 12.01.19).
9. Pérez Reverte A. La piel del tambor. – España: Alfaguara, 2007. – 589 pág. Available at: https://vk.com/doc152059702_437733669?hash=400e24976fac907a7f&dl=3432813d7dd5cf006e (Accessed 12.01.19).
10. Pérez Reverte A. La reina del Sur. – España: Santillana USA Publishing Company, Incorporated, 2003. – 542 pág. Available at: https://vk.com/doc-103260962_437520879?hash=490fd40dd8dc3b6e18&dl=1c32d00b3e502a6fbc (Accessed 12.01.19).
11. Pérez Reverte A. La sombra del águila. – España: Penguin Random House Grupo Editorial, 2013. – 152 pág. Available at: https://vk.com/doc425783989_469084151?hash=888ff3c77fe7fe22c9&dl=6858638ffd91df94a9 (Accessed 12.01.19).
12. Pérez Reverte A. Territorio Comanche. – España: Penguin Random House Grupo Editorial, 2013. – 144 pág. Available at: https://vk.com/doc-103260962_437523329?hash=5a5b8b93a53fc6d9f9&dl=18cc56b24c3e8f4814 (Accessed 12.01.19).

About the author:

Balmatova Tatiana Mikhailovna – Assistant Professor of the Spanish Language Department at MGIMO-University. Spheres of interest: the Spanish Literature of the first half of the 20-21th centuries, interaction of traditional culture flamenco and literature of that period; the grammatical, stylistic and syntactic aspects of contemporary Spanish literature. E-mail: blmt@ya.ru.

ИСПАНСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ АННОТАЦИЯ КАК АКТ КОММУНИКАЦИИ

Ю.В. Верещинская

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Статья посвящена исследованию испанских книжных аннотаций, рассматриваемых в аспекте теории коммуникации. Издательская аннотация представляет собой неотъемлемый элемент книги, имеющий междисциплинарный характер, так как сочетает в себе черты рекламного и художественного текстов. Этот тип текстов широко представлен на рынке книжной продукции, востребован, отражает современное состояние языка, а, следовательно, книжные аннотации, исследуемые на примере испанского языка, а также способы их структурного, грамматического и прагматического выражения обуславливают необходимость углубленного научного исследования данного вида текста. Статья может заинтересовать филологов, испанистов, специалистов в области связей с общественностью, редакторов издательств и рекламных агентств. В настоящем исследовании представлены основные компоненты коммуникативного процесса, которые в испанской издательской аннотации имеют свои особенности; анализируются текстовая структура издательской аннотации и типы текстов, встречающиеся в её составе и определяющие её риторiku. И структура, и типы текстов служат для достижения рекламной функции издательской аннотации. На основе проанализированного материала делается вывод о том, что книжная аннотация является коммуникативным процессом, при котором издатель, пользуясь прагматическими, структурными, семиотическими, грамматическими, риторическими особенностями данного вида текста, стремится убедить читателя приобрести и прочитать книгу.

Ключевые слова: издательская аннотация, испанский язык, процесс коммуникации, рекламный текст, художественный текст, структура издательской аннотации, типы текстов, риторика текста

Любое современное издание всегда представляет издательская аннотация, которая является его неотделимой частью; это первое, что видит читатель, взяв в руки книгу и открыв её. По информации, представленной в аннотации, покупатель решает приобрести ту или иную книгу или нет. Первоначальное представление очень важно как для автора (или авторов) книги и издательства, цель которых – заинтересовать потенциального покупателя и продать книгу, так и для читателя, ищущего новые знания и впечатления. Поэтому книжные аннотации очень востребованы как читателями, так и издателями, пользуются большой

популярностью и отражают современное состояние языка. Следовательно, комплексное исследование издательских аннотаций на примере испанского языка и механизмов их структурного, прагмалингвистического и риторического выражения является актуальным.

Согласно определению «Издательского словаря-справочника», издательская аннотация книги – это публицистический текст, расположенный на обратной стороне титульного листа, на последней стороне переплёта или на клапане суперобложки, целью которого является кратко передать содержание книги и охарактеризовать её особенности вообще и с учётом предпочте-

ний определённого круга читателей в частности, отмечая отличительные черты творчества автора [6, с. 18].

Поскольку издательская аннотация воспроизводит содержание, тематику и проблематику первоначального текста, её жанр мы, вслед за Т.Е. Лаевской, определяем как вторичный, репродуктивный [7; 8]. В то же время такой текст нацелен на привлечение внимания читателя с целью приобретения книги, пробуждает читательский интерес, раскрывая большое значение и особенности произведения, таким образом реализуется его рекламная функция. Следовательно, издательская аннотация, являясь самостоятельным текстом, имеет интертекстуальную природу жанра и сочетает в себе черты языка художественного произведения и публицистического рекламного текста.

Текст испанской книжной аннотации исследуется нами в рамках коммуникативного подхода, в котором под процессом коммуникации понимается «целенаправленная передача некоторого содержания с помощью языковых форм от одного участника ситуации общения другому» [1].

Классическая модель коммуникации, предложенная Р.О. Якобсоном, состоит в том, что адресант отправляет сообщение адресату по каналу, используя код [9, с. 198], однако она имеет свои особенности при рассмотрении издательской аннотации, где адресант – это издатель или редактор, сообщение – это текст аннотации, а адресатом является читатель. Другими словами, *текст издательской аннотации, составленный редактором издательства, ориентирован на убеждение читателя приобрести книгу посредством предоставления информации о ней.* Структура такого коммуникативного процесса осложнена, поскольку мы имеем дело с рекламированием именно художественного произведения, при этом образ читателя-адресата чётко не определён.

Рассмотрим подробнее основные элементы испанской издательской аннотации как акта коммуникации.

Адресантом или отправителем сообщения в издательской аннотации является издательство, в лице издателя или редактора, или рекламное агентство, в лице его сотрудника, или, реже, сам писатель, при этом формально авторство аннотации, как правило, не обозначается.

Издатель занимается не только изданием и продажей книг, но и формированием читательской аудитории, так как успех издательских

продаж во многом зависит от того, насколько адекватно отражают издаваемые произведения эстетические, культурные и социальные ценности языковой общности [5].

В идеале издатель, выполняя функции посредника между писателем и читателем, должен создать такую аннотацию, которая не будет оказывать давления на выбор адресата, а убедит его купить книгу посредством предоставления объективной, чёткой и лаконичной характеристики произведения, лишённой второстепенной информации, в безличной форме. Одним из таких примеров является передача содержания сюжета от третьего лица:

Barcelona, 1968. Rufo Batalla recibe su primer encargo como plumilla en un periódico: cubrir la boda de un príncipe en el exilio con una bella señorita de la alta sociedad. Coincidencias y malentendidos le llevan a trabar amistad con el príncipe, que le encomienda, entre otras cosas, escribir la crónica de su peculiar historia. El opresivo ambiente de la gris España franquista pronto se quedará pequeño para Rufo, que viajará a Nueva York con poco dinero, grandes esperanzas y el difuso objetivo de hacer algo emocionante con su vida.

Rufo Batalla será testigo de los fenómenos sociales de los años setenta, como la igualdad racial, el feminismo, el movimiento gay o el desplazamiento de los grandes centros culturales y la deriva de la cultura hacia nuevas formas de expresión, fenómenos que en buena parte hicieron del presente lo que es hoy.

El rey recibe de Eduardo Mendoza (SEIX BARRAL)

Любой коммуникативный акт имеет свою адресованность, без отправителя сообщения нет получателя, в этом заключается сущность процесса коммуникации, согласно автору идеи диалогизма М.М. Бахтину [2]. Соответственно, и реклама вне зависимости от продукта стремится удовлетворить вкусы потенциального покупателя / **адресата**, чтобы достичь эффективный коммерческий результат. С этой целью заранее изучаются характеристики, определяющие потребителя, его мотивация, эмоционально-психологический настрой и потребности. Как мы видим, в издательской аннотации фигура читателя / покупателя является одним из основополагающих элементов, она определяет, главным образом, фатическую функцию, направленную на привлечение внимания и установление контакта с читателем, и апеллятивную, заключающуюся в убеждении потенциального покупателя в приобретении книги [14].

Для этого издатель стремится выстроить особые отношения с читателем. Если редактор хочет подчеркнуть высокий экономический, социальный или культурный уровень читателя, то он, обращаясь к аудитории в аннотации, прибегает к вежливой глагольной форме третьего лица единственного числа *usted*. Как правило, такие издания являются более дорогостоящими и преследуют конкретные интересы определённого круга людей. Если такой цели нет, то используется дейктический элемент формы глагола второго лица *tú*, направленный на сближение с читателем, общение с ним на равных, вовлечение читателя в этот коммуникативный акт в качестве участника. Его характеристики могут быть достаточно размытыми, представлять обобщённый образ читателя или отображать различные типы читателей. Книжные аннотации с *tú* встречаются гораздо чаще, чем с использованием глагольной формы на *usted*.

Разницу между этими дейктическими элементами можно увидеть в следующих примерах испанских издательских аннотаций:

... Ésta es la historia de un hombre que fue capaz de hacer realidad lo que cada noche imaginaba bajo las sábanas: empezar todo de nuevo. Lo hizo, pero pagó un precio demasiado alto. Pero si de verdad **usted quiere** saber cuál es el argumento de esta novela, **mire su muñeca izquierda**; ahí está todo...

El bolígrafo de gel verde de Eloy Moreno (S.L.U. ESPASA LIBROS)

... ¿Y si **hubieras tomado** un camino diferente en un momento crucial de **tu** vida? En *4 3 2 1*, su primera novela después de siete años, Paul Auster explora de forma magistral los límites del azar y las consecuencias de nuestras decisiones. Porque todo suceso, por mínimo que parezca, abre unos caminos y cierra otros...

4 3 2 1 de Paul Auster (SEIX BARRAL)

Si **entras**, **te** atraparé. **Tienes** que conocerle para escapar de él.

El Sótano de Natasha Preston (PLANETA)

Ещё одним средством, вовлекающим аудиторию в мир «своих», является использование в книжных аннотациях глагольных форм первого лица множественного числа *nosotros* и соответствующих местоимений *nos* и *nuestro*, благодаря которым устанавливается контакт с читателем, ощущающим себя одним из персонажей художественного произведения или одним из созда-

телей книги, что также служит пробуждением интереса к книге.

Con sus desgarros disimulados y sus convicciones inquebrantables, con sus heridas y sus valentías, la historia incandescente ... **nos** habla de la imposibilidad de olvidar y de la necesidad de perdón en una comunidad rota por el fanatismo político.

Patria de Fernando Aramburu (TUSQUETS EDITORES)

Amigo lector,

Ha llegado el momento. Quince años después de que el pequeño Daniel se adentrara por primera vez en el Cementerio de los Libros Olvidados, la gran odisea de los Sempere y tantos otros personajes que **hemos compartido** llega a su gran final en la más intensa, compleja y apasionante de sus aventuras... Quiero agradecer que **hayamos compartido** camino a lo largo de tantos años y libros. Esta historia es ya tan **mía** como **vuestra**. En nombre de Daniel, Bea, Fermín, Isabella, Carax y todos los integrantes del universo del Cementerio de los Libros Olvidados, gracias. Se levanta ahora el telón para la más grande de todas sus aventuras.

Nos vemos en los libros.

Carlos Ruiz Zafón.

El laberinto de los espíritus de Carlos Ruiz Zafón (PLANETA)

В последнем примере мы видим авторскую аннотацию к книге, где сам писатель обращается к читателям в неформальной манере (*vuestra historia*), приглашая встретиться на страницах его книг (*nos vemos*) и разделить вместе с ним невероятные приключения главного героя, и благодарит свою аудиторию за то, что она читает его произведения уже много лет (*hayamos compartido camino*). Прочитав такое послание от всемирно известного писателя, читатель чувствует себя частью избранной, привилегированной группы, что влияет на выбор покупки в пользу данной книги [10, с. 102-109].

Третьим фундаментальным элементом коммуникативного процесса является **сообщение**, представляющее собой текст книжной аннотации. Прежде чем проанализировать его содержание, необходимо определить объект, который рекламируется издательством, так как от этого зависит риторика текста.

Как правило, основным объектом рекламы издательства является книга, однако она может быть не единственным рекламируемым элемен-

том. К ним относится само издательство, собрание книг, присуждённые премии, содержание художественного произведения и др.

Название издательства всегда фигурирует на страницах книги, оно стоит на обложке, а также может упоминаться в тексте аннотации:

Un descubrimiento editorial de excepción: la publicación de un relato inédito de Miguel Delibes ilustrado por el autor. Ediciones **Destino** recupera en el mismo volumen los mejores relatos del autor, los que conforman su autobiografía.

La bruja Leopoldina y otras historias reales de Miguel Delibes (DESTINO)

Иногда редактор издательства хочет привлечь читателя, предпочитающего определённый жанр, стиль, серию или какого-то автора, как происходит, например, в следующих издательских аннотациях:

El **thriller** más poderoso de los últimos años: una obra de una enorme ambición que no da tregua. Otro sofisticado y adictivo mecanismo narrativo.

La desaparición de Stephanie Mailler de Joël Dicker (ALFAGUARA)

Novelas que discurren sobre el filo de una navaja, sostenidas en el difícil equilibrio de una sensibilidad exacerbada, a ratos sublime y a ratos desgarradora. Leyéndola, resulta inevitable asociarla con los grandes hitos del género de «**novelas de manicomio**»: *Alguien voló sobre el nido del cuco*, de **Ken Kesey**; *Nido de víboras*, de **Mary Jane Ward**; *Al salir del infierno*, de **John Franklin Bardin**; o, por citar un exponente más próximo, *Los renglones torcidos de Dios*, de **Torcuato Luca de Tena**. Como en las novelas citadas, la acción de *Blues del silencio* transcurre en gran medida en una institución psiquiátrica.

Blues del silencio de Lola Santiago (SIAL)

Libro buscado, rebuscado y perseguido por **lectores y coleccionistas de la serie de Celia** pero que también, por su calidad, su calidez, su emoción y su justeza histórica y humana, libro que puede cautivar, que cautivará a cualquier lector exigente de literatura y no precisamente infantil. Novela sobre la guerra civil, escrita poco después del fin de la guerra, en 1943, no hay en ella lugar para la distorsión ni la idealización de lo vivido.

Celia en la revolución de Elena Fortún (RENACIMIENTO)

Рекомендуемые книги, в том случае, если речь идёт о нескольких произведениях одного писателя, произведения которого имели большой успех у читателей, зачастую рекламируются с упоминанием названия известной книги, а иногда и количества проданных экземпляров или читателей, например:

La esperadísima continuación de *Lo que esconde tu nombre*. Más de 1.000.000 de lectores.
Cuando llega la luz de Clara Sánchez (DESTINO)

El primer gran éxito de Carlos Ruiz Zafón.
El Príncipe de la Niebla de Carlos Ruiz Zafón (PLANETA)

Одним из самых привлекательных моментов для покупки книги является наличие у неё литературной премии, чем непременно пользуется редактор при составлении аннотации. Этот факт служит стимулом также для продажи других книг этого автора, не имевших большой популярности у читателей.

Novela ganadora de The Wattys 2016.
Caín de Javiera Paz (ALFAGUARA)

Premio Azorín 2018
Quiéreme siempre de Nuria Gago (PLANETA)

Для эффективной рекламы книги составители аннотаций зачастую прибегают к краткому изложению сюжета художественного произведения, тем самым рекламируя само содержание:

El Capitán arranca su andadura en la calleatorce, uno de los enclaves de la colonia española que por entonces reside en la ciudad. La muerte accidental de su dueño, Emilio Arenas, obliga a sus hijas veinteañeras a asumir las riendas del negocio mientras en los tribunales se resuelve el cobro de una prometidora indemnización. Abatidas y acosadas por la urgente necesidad de sobrevivir, las temperamentales Victoria, Mona y Luz Arenas se abrirán paso entre rascacielos, compatriotas, adversidades y amores, decididas a convertir un sueño en realidad.

Las hijas del Capitán de María Dueñas (PLANETA)

В текстовой структуре издательской аннотации мы, вслед за А. Эскрибано Эрнандес, можем выделить следующие семиотические элементы: заголовок, слоган, подзаголовок, тело публицистического текста, подпись, концовка [11, с. 118 -

122]. Однако не всегда издательская аннотация состоит из всех этих элементов, иногда некоторые части могут отсутствовать, или она может содержать лишь одну или несколько составляющих.

Заголовком издательской аннотации является начальная фраза, которая вводит тему художественного произведения, а также служит для привлечения внимания читателя, поэтому заголовок оригинальным способом должен уловить то преимущество, которое затронет потенциального покупателя, повлияет на его выбор. В зависимости от того, что именно вызывает интерес у читателя, данные заголовки испанский лингвист М. Гарсия Уседа делит на информативные, избирательные, интригующие и императивные [13, с. 255].

Информативные заголовки сообщают что-то новое о товаре, например, присуждение литературной премии. В этом случае издательская аннотация озаглавляется названием премии и годом её вручения:

Premio de novela Fernando Lara 2016.

Mi recuerdo es más fuerte que tu olvido de Paloma Sánchez-Garnica (PLANETA)

Те заголовки, которые предназначены для определённого круга читателей, то есть нацелены на какой-то один сегмент рынка, будь то профессиональная деятельность, возраст, проживание читателей и т.д., являются *избирательными*, например:

Nuevo libro de Antonio Ladrillo, uno de los artistas que más ha sabido acercarse gráfica y narrativamente al **espíritu infantil**.

YO de Antonio Ladrillo (FULGENCIO PIMENTEL SL)

Целью *интригующих заголовков* аннотаций является вызвать любопытство читателя. Этот механизм часто используется в рекламных текстах и нередко встречается во всех частях текстовой структуры издательской аннотации:

Una novela que te tiene en jaque hasta el final.
El Asedio de Arturo Pérez Reverte (ALFAGUARA)

Adictiva, divertida, romántica, honesta, *Mujeres que compran flores* es una emocionante novela sobre la amistad, una aventura cotidiana en busca de la independencia femenina, un épico viaje al centro de los sueños de la mujer contemporánea.

Mujeres que compran flores de Vanessa Montfort (PLAZA & JANES EDITORES)

Зачастую интригу в заголовках испанских аннотаций создаёт вопросительное предложение:

¿Renunciarías a todo por conocer la verdad acerca de tu pasado?

Para morir iguales de Rafael Reig (TUSQUETS EDITORES)

Императивные заголовки содержат форму глагола в повелительном наклонении, как правило, в неформальной манере во втором лице, единственном числе. Они приглашают читателя к осуществлению действия, в нашем случае к прочтению и покупке книги:

Imagina que toda la inmensidad de tus sueños y anhelos, tus sentimientos y emociones, buenos o malos, pudieran ponerse en fila ante tus ojos.

1775 calles de Defreds José. A. Gómez Iglesias (MUEVE TU LENGUA)

Descubre lo nuevo de Luis Ramiro, sus poemas te tocarán el corazón.

Metralla y purpurina de Luis Ramiro (PLANETA)

Заголовок часто сопровождается подзаголовком, он даёт более развёрнутую информацию о книге или отражает те аспекты, которые не были раскрыты ранее.

В свою очередь тело издательской аннотации дополняет информацию из заголовка и подзаголовка. Его целью является дать аргументы в пользу покупки книги и, несмотря на то, что его читают не так много, как заголовок и подзаголовок, оно оказывает заметное воздействие на будущего покупателя.

Тот же феномен наблюдается в структуре испанского газетного заголовка, где каждая из частей (предзаголовок, заголовок, подзаголовок, краткое резюме) по-своему даёт основную информацию в сжатой форме и передаёт главную идею статьи, предваряя её прочтение. Эти структурные составляющие выполняют не только информативную функцию, но и прагматическую, заключающуюся в привлечении внимания читателя, предоставлении оценки или комментария информации [3, с. 49-55].

Следующий элемент книжной аннотации – это концовка. Она служит для обоб-

щения и резюмирования аннотации, является последним абзацем издательского текста, цель которого – подчеркнуть преимущества книги и ещё больше заинтриговать читателя.

[Заголовок] *Tras La verdad, La desaparición.*

Solo Dicker podía superarse a sí mismo.

[Подзаголовок] *El thriller más poderoso de los últimos años: una obra de una enorme ambición que no da tregua. Otro sofisticado y adictivo mecanismo narrativo.*

[Тело] La noche del 30 de julio de 1994 la apacible población de Orphea, en los Hamptons, asiste a la gran apertura del festival de teatro. Pero el alcalde se retrasa...

Mientras tanto, Samuel Paladin recorre las calles vacías buscando a su mujer, hasta hallar su cadáver ante la casa del alcalde. Dentro, toda la familia ha sido asesinada.

Jesse Rosenberg y Derek Scott son los dos jóvenes policías de Nueva York que resuelven con éxito el caso, pero veinte años más tarde, en la ceremonia de despedida de la policía a Rosenberg, la periodista Stephanie Mailer lo afronta: pretende que Dereck y Jesse se equivocaron de asesino a pesar de que la prueba se hallara delante de sus ojos, y que ella posee información clave. Pero días después, desaparece.

[Концовка] Así se inicia este colosal thriller que avanza en el pasado y el presente a ritmo vertiginoso, sumando tramas, personajes, sorpresas y vueltas de tuerca, sacudiendo e impulsando al lector sin freno posible hacia el inesperado e inolvidable desenlace.

La desaparición de Stephanie Mailler de Joël Dicker (ALFAGUARA)

Иногда в тексте испанской издательской аннотации можно встретить слоган – это короткое высказывание, которое легко запоминается, ещё одна рекламная уловка для привлечения потенциального покупателя:

Defreds no escribe poesía, él toca corazones.

Con un cassette y un boli bic de Defreds José.

A. Gómez Iglesias (S.L.U. ESPASA LIBROS)

Celebrémoslo: ¡a las tres vuelven a ser las dos!

Dormir es de patos de Rodrigo Cortés (DELIRIO)

Под подписью подразумевается логотип самого издательства, иногда с указанием страницы в Интернете, а также имя автора аннотации, если её составил известный писатель или сам автор книги. В ниже приведённом примере аннотация представляет собой рецензию, на-

писанную выдающимся испанским писателем и поэтом Бенжамином Прадо:

«En este libro Elvira Sastre Sanz escribe los poemas que escribiría yo si pudiera ser ella: desafiantes, jóvenes, afilados; llenos de imanes, de anzuelos y de bombillas rotas que, sin embargo, aún siguen encendidas en la oscuridad.» **Benjamín Prado.**

Cuarenta y tres maneras de soltarse el pelo de Elvira Sastre (VALPARAISO EDICIONES S.L.)

Книжные аннотации содержат в себе различные типы текстов. В издательском публицистическом дискурсе основную часть составляют повествовательные тексты, так как они кратко описывают сюжет книги и служат осуществлению продажи в большинстве случаев самих повествовательных произведений, например, рассказов и романов. В рекламном тексте повествование ассоциируется с историей, а люди, по мнению многих рекламных агентств, покупают не товары, а истории об этих товарах, на основе которых можно показать и подчеркнуть положительные стороны рекламируемого продукта.

Любой публицистический текст должен включать в себя основную информацию, то есть отвечать правилу журналистики 5 w (who – кто?, what – что?, when – когда?, where – где? и why – почему?), чтобы сообщение было полным и эффективным. В тексте издательской аннотации мы тоже наблюдаем ответы на эти вопросы, однако причина (почему?) не раскрывается с целью сохранения интриги, осуществляющей в издательской риторике эффект убеждения [12, с. 188-189].

В большинстве случаев автор аннотации ведёт своё повествование от третьего лица, как и пересказываются обычно все истории, или даёт только начало сюжета, чтобы заинтересовать и заинтриговать читателя. Узнать продолжение можно, купив книгу.

París, años sesenta. Un chico solitario mantiene una serie de encuentros sucesivos y a veces fugaces con seis mujeres enigmáticas [...] y una joven cuyo nombre no llegamos a conocer. Algunas de ellas son viejas conocidas que han aparecido en otros libros del autor.

Recuerdos durmientes de Patrick Modiano (ANAGRAMA)

Однако издатель также может выбрать изложение сюжета от первого лица для усиления перлокутивного воздействия повествовательного текста. В таком случае читатель иденти-

фицирует себя с главным героем, переживая и испытывая его личные чувства, что ведёт к повышению читательского интереса.

«Me llamo Cristina y he salido a buscar a mis muertos. Caminando. Buscar a mis muertos para no matarme yo. ¿Para vivir? No estoy segura. Convocarlos, dialogar con mis muertos.»
Honrarás a tu padre y a tu madre de Cristina Fallaras (ANAGRAMA)

Помимо повествования, в издательских аннотациях встречаются описательные тексты, однако они почти никогда не появляются изолированно или в чистом виде и обычно являются частью других типов текстов. Описываться могут люди, материальные объекты, абстрактные понятия, пейзажи, обстановка, ситуации, действия или сама книга.

Traducida a más de veinte idiomas, con más de cinco millones de ejemplares vendidos en todo el mundo y llevada al cine por Mike Newell, *La Sociedad Literaria del Pastel de Piel de Patata de Guernsey* es una deliciosa y conmovedora novela epistolar que se ha convertido en un clásico indiscutible sobre el poder de la palabra y el valor de la literatura como refugio y consuelo en tiempos difíciles. Una historia humana y divertida, que transmite una intensa pasión por los libros y reivindica la formidable capacidad de la lectura para unir a personas de distintos gustos, culturas e ideologías.
La Sociedad Literaria del Pastel de Piel de Patata de Guernsey de Mary Shaffer (SALAMANDRA)

В издательской аннотации описательные тексты также могут представлять собой рецензию известного писателя или критика на рекламируемую книгу или её автора:

La crítica ha dicho sobre la serie «Falcó»: «Una sucesión trepidante de lances y situaciones sorprendentes contadas con firme pulso narrativo.»
Ángel Basanta, El Cultural «La combinación Falcó-Tánger resulta irresistible [...]. Eva Neretva es una de las grandes creaciones femeninas de Pérez-Reverte.» Jacinto Antón, El País «La segunda aventura de Falcó supera a la primera. Al primero que seduce es a su creador, que escribe sus aventuras con el entusiasmo con que las leerá su público.» Justo Navarro, Babelia «Pocos escritores europeos saben dotar a sus novelas de un mundo propio [...]. La trama, como siempre en Pérez-Reverte, está soberbiamente narrada.» J. M. Pozuelo Yvancos, ABC Cultural
Sabotaje de Arturo Pérez-Reverte (ALFAGUARA)

Целью пояснительных текстов является объективно описать, объяснить и сформировать наши знания, в отличие от нарративных текстов, отражающих субъективную реакцию рассказчика и персонажей. В издательской аннотации такие тексты также никогда не предстают в чистом виде, они употребляются как средство убеждения покупателя, хотя и кажутся объективными.

Niebla en Tánger es una bella historia de amor y misterio en una ciudad cosmopolita y mágica, con un pasado fascinante que envolverá al lector.
Niebla en Tánger de Cristina López Barrio (PLANETA)

La novela es una ficción que pudo convertirse en realidad, pero también una realidad que necesita la ficción para parecer creíble. Pocas veces hemos asistido a una incursión en la magia inexplicable, a menudo trágica, que cambia la vida de los elegidos por el azar. El autor ha declarado que necesitaba convertir lo que vivió en un argumento, pero sin renunciar a que los que van en busca de algo más que un testimonio encuentren una obra literaria. «El amor de Penny Robinson» es una epopeya moderna. El autor, es decir, el protagonista, comparte las preguntas con el lector, puesto que al lector podría haberle ocurrido lo mismo.
El amor de Penny Robinson de Alonso Guerrero (ALMUZARA)

Среди типов текстов издательских аннотаций мы находим также поэтические произведения. В основном они призваны побудить купить и прочитать книгу именно любителей поэзии, которые составляют довольно узкий круг читателей и не представляют большинства на потребительском рынке. Аннотации в форме поэтического текста рекламируют, как правило, сборники стихов или поэмы, для того, чтобы привлечь и заинтересовать эту публику, издатель выбирает фрагменты из рекламируемого произведения. Эффективность данной рекламы зависит от большей или меньшей связи читателя и автора книги или читателя и представленного фрагмента.

«Vive, joder, vive.
Y si algo no te gusta, cámbialo.
Y si algo te da miedo, supéralo.
Y si algo te enamora, agárralo.»
Primero de poeta de Patricia Benito (AGUILAR)

Часто в издательских аннотациях встречаются прецедентные феномены, построенные на крылатых выражениях, известных изречениях, фразеологизмах, цитатах, пословицах или поговорках, упоминаниях известных имён и произведений, а также ситуаций. Успех таких рекламных текстов связан с тем, что в них находят своё отражение народная мудрость, неоспоримая истина, то, что не подвергается сомнению и известно всем. Это ещё один способ привлечения внимания и убеждения адресата, в воображении которого знакомая фраза или образ приобретает новое семантическое значение в данном коммуникативном контексте, таким образом, экспрессивные возможности издательской аннотации увеличиваются [4]. Прецедентные единицы выполняют больше рекламно-экспрессивную роль, чем информативную, так как читатель, увидев их в издательской аннотации, чувствует ощущение принадлежности к данной национально-культурной группе [15], а, узнавая прецедентные выражения в новом контексте, испытывает желание познакомиться поближе с художественным произведением.

La novela sobre la «**Greta Garbo española**»
Mientras tú no estabas de Carmen Ro (LA ESFERA
DE LOS LIBROS)

Una novela prácticamente inédita, una novela sin lectores, tal vez porque habla del gusano que corroe el corazón de la manzana en un mundo perfecto. En 2004, año en que fue escrita, *Amor fou* apuntaba hacia lo mucho que nos cuesta decir que **el emperador va desnudo**; lo hace también hoy, que la presentamos en versión corregida y actualizada.
Amor fou de Marta Sanz (ANAGRAMA)

Berta Isla es la envolvente y apasionante historia de una espera y de una evolución, la de su protagonista.

También de la fragilidad y la tenacidad de una relación amorosa condenada al secreto y a la ocultación, al fingimiento y a la conjetura, y en última instancia

al resentimiento mezclado con la lealtad. O, como dice una **cita de Dickens** hacia el final del libro, es la muestra de que «**cada corazón palpitante es un secreto para el corazón más próximo, el que dormita y late a su lado**». Y es también la historia de quienes quieren parar desgracias e intervenir en el universo, para acabar encontrándose desterrados de él.
Berta Isla de Javier Marías (ALFAGUARA)

Рекламная риторика направлена на достижение искусства убеждения, применительно к рекламированию книг наблюдается то же самое явление. Как мы видим, существует множество механизмов составления текстов книжной аннотации, которые предлагает классическая риторика, филологические исследования в области теории коммуникации, изучения рекламного и художественного текста, а также современные тенденции развития языка и общества.

Анализируя издательские аннотации как коммуникативный процесс, мы выявили некоторые особенности, связанные с основными компонентами акта коммуникации: отправитель сообщения, получатель сообщения и само сообщение. Так, адресант в аннотации может идентифицироваться с издателем, писателем или персонажем произведения, от лица которых составляется текст, приглашающий прочитать рекомендуемую книгу.

Адресат, в свою очередь, всегда обуславливает любой рекламный текст, его присутствие в аннотации выражено разными дейктическими элементами, характеризующими испанский язык, отражающими уважение или доверие, которые хочет высказать составитель сообщения, и проецирующими образ читателя.

Больше всего особенностей наблюдается в самом сообщении, то есть тексте издательской аннотации. Все грамматические, прагматические и риторические средства испанского языка, которые встречаются в книжных аннотациях, призваны убедить потенциального покупателя приобрести и прочитать книгу.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Коммуникация (в языкознании) [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://knowledge.su/k/kommunikatsiya-v-yazykoznanii> (Дата доступа 28 июля 2018 г.)
2. Бахтин М.М. Проблема поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. 363 с.
3. Верещинская Ю.В. «Испанский газетный заголовок: лингвопрагматический и национально-культурный аспекты»: дисс...канд.филол.наук: 10.02.05. М, 2013. 186 с.
4. Верещинская Ю.В. Прецедентные феномены в заголовках испанской прессы как способ отражения национально-культурной специфики // Вестник МГИМО-Университета. № 4. - 2011. - С. 219-225.

5. Викулова Л.Г., Иванова Н.С. Лингвопрагматические особенности прикнижной аннотации во французском издательском дискурсе // «Magister Dixit» – научно-педагогический журнал Восточной Сибири №2 (14). – 2014. – С. 6 – 16.
6. Издательский словарь-справочник [Электронный ресурс] – режим доступа: https://publishing_dictionary.academic.ru (Дата доступа 20 июля 2018 г.)
7. Лаевская Т. Е. Интертекстуальные взаимодействия вторичных жанров (на материале издательских аннотаций) [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://docplayer.ru/41416888-T-e-laevskaya-intertekstualnye-vzaimodeystviya-vtorichnyh-zhanrov-na-materiale-izdatelskih-annotaciy.html> (Дата доступа 20 июля 2018 г.)
8. Лаевская Т.Е. Издательская аннотация к художественному тексту: современный облик жанра // Известия Гомельского гос. ун-та имени Ф. Скорины. Филология. 2010. No. 2. С. 155-159.
9. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика// Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193 – 230.
10. Domínguez García N. *Conectores discursivos en textos argumentativos breves*. Madrid: ARCO/LIBROS, 2007.
11. Escribano Hernández A. *La retórica publicitaria editorial. El arte de vender un libro*. Madrid: ARCO/LIBROS, 2012. 375 págs.
12. Fernández E. *Retórica clásica y publicidad*. Logroño: Instituto de Estudios Riojanos, 2006.
13. García Uceda M. *Las claves de la publicidad*. Madrid: ESIC – 2001.
14. Pricken M. *Publicidad creativa. Ideas y técnicas de las mejores campañas internacionales*. Barcelona: Gustavo Gili, 2004.
15. Yakovleva V. Del carácter nacional en el enfoque fraseológico // *Ибероамериканские тетради. Cuadernos iberoamericanos*, Выпуск 1 (3) 2014// «МГИМО-Университет», 2014. С. 222 – 226.

Сведения об авторе:

Верещинская Юлия Валентиновна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры испанского языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: прагмалингвистика, теория текста, медиатекст, национально-культурная специфика, грамматика испанского языка.
E-mail: juliko05@mail.ru.

SPANISH PUBLISHING ANNOTATION AS A COMMUNICATIVE ACT

Yulia V. Vereshchinskaya

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article is dedicated to the study of annotations in Spanish books from communicative perspective. The publishing blurb is an integral part of the book; it has an interdisciplinary nature because it combines features of advertising and literary texts. This type of text, well represented in the book market, is popular and needed and reflects the current language situation. Therefore, blurbs for a book, their structural, grammar and pragmatic expression determine the need to study this type of text. The article can be interesting for philologists, publicists, and editors. The paper considers the main components of the communicative process that have their peculiarities in the Spanish book annotations, analyzes the text structure and types of publishing annotations. All of these parts perform an advertising function. The research has showed that annotation for a book is a communicative process in which the publisher, using pragmatic, structural, semiotic, grammar, and rhetorical characteristics of this type of text, seeks to urge the reader to acquire and read a book.*

Key Words: *book /publishing annotation, the Spanish language, communicative process, advertising text, literary text, publishing blurb's structure, text types, rhetoric*

References

1. Baranov A.N. Communicatsiia (v iazikoznanii) [Communication in linguistics]. Available at: <http://knowledge.su/k/kommunikatsiya-v-yazykoznanii> (accessed 28 July 2018).
2. Bakhtin M.M. Problema poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. М.: Sovetskiy pisatel, 1963. 363 p.
3. Vereshchinskaya Y.V. Ispanskiy gazetnyy zagolovok: lingvopragmaticheskiy y natsionalno-kulturniy aspekti [Spanish newspaper's title: pragmalinguistic and national-cultural aspects]: diss...kand.filol.nauk: 10.02.05. М, 2013. 186 p.
4. Vereshchinskaya Y.V. Pretsedentniye fenomeni v zagolovkakh ispanskoy pressy kak sposob otrazheniia natsionalno-kulturnoy spetsifiki [Cultural references in the headlines of Spanish press as a mode of reflection of national-cultural specificity] // Vest-

-
- nik MGIMO – Universiteta. 2011. №4, pp. 219 – 225.
5. Vikulova L.G., N. Ivanova N.S. Lingvopragmaticheskie osobennosti priknizhnoy annotatsii vo frantzuzskom izdatelskom dis-kurse [Linguo-pragmatic features of the annotation in the French publishing discourse] // «Magister Dixit» - nauchno-peda-gogicheskii zhurnal Vostochnoy Sibiri №2 (14). 2014. pp. 6 – 16.
 6. Izdatelskiy slovar – spravochnik [Publishing dictionary]. Available at: https://publishing_dictionary.academic.ru (accessed 20 July 2018).
 7. Laevskaya T.E. Intertekstualnie vzaimodeistviia vtorichnykh zhanrov (na materiale izdatelskikh annotatsiy) [Intertextual inter-action of secondary genres (on material of publishing annotation)]. Available at: <https://docplayer.ru/41416888-T-e-laevska-ya-intertekstualnye-vzaimodeystviya-vtorichnyh-zhanrov-na-materiale-izdatelskikh-annotatsiy.html> (accessed 20 July 2018).
 8. Laevskaya T.E. Izdatelskaya annotatsia k hudozhestvennomu tekstu: sovremenniy oblik zhanra [Publishing annotation to liter-ary text: modern image of the genre] // Izvestiya Gomelskogo gos.un-ta imeni F. Scorini. Fililogia. 2010. №2, pp. 155 – 159.
 9. Jakobson R.O. Lingvistika y poetika [Linguistics and poetics] // Strukturalizm: “za” i “protiv”. M.: Progress, 1975, pp. 193 – 230.
 10. Domínguez García N. Conectores discursivos en textos argumentativos breves. - Madrid: ARCO/LIBROS, 2007.
 11. Escribano Hernández A. La retórica publicitaria editorial. El arte de vender un libro. - Madrid: ARCO/LIBROS, 2012. - 375 págs.
 12. Fernández E. Retórica clásica y publicidad. - Logroño: Instituto de Estudios Riojanos, 2006.
 13. García Uceda M. Las claves de la publicidad. - Madrid: ESIC – 2001.
 14. Pricken M. Publicidad creativa. Ideas y técnicas de las mejores campañas internacionales. - Barcelona: Gustavo Gili, 2004.
 15. Yakovleva V. Del carácter nacional en el enfoque fraseológico // Cuadernos iberoamericanos, № 1 (3) 2014 // «MGIMO- Uni-versitet», 2014.- pp. 222 – 226.

About the author:

Yulia V. Vereshchinskaya – PhD, Senior lecturer of Department of Spanish, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: pragmalinguistics, text theory, media text, cultural linguistics, Spanish grammar. E-mail: juliko05@mail.ru.

* * *

ХУНГАРИКУМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВЕНГЕРСКИХ РЕАЛИЙ

Л.Д. Дремина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Настоящая статья содержит основные сведения о хунгарикумах – уникальном понятии, которое возникло в начале 2000-х годов в Венгрии, для обозначения редких и типично венгерских предметов, явлений, продуктов и услуг, неразрывно связанных с образом жизни, традициями и культурой венгерского народа и отражающих его национальные особенности, а также для обозначения выдающихся людей, их достижений и изобретений. В статье даётся информация о том, как в Венгрии родилась и развивалась гражданская инициатива по сбору и сохранению самых разнообразных национальных ценностей и внесению их в особый реестр, а также о том, как проходит работа по их защите, сохранению и передаче последующим поколениям. Инициативу поддержало государство принятием в 2012 году закона о национальных ценностях и хунгарикумах. Описывается процедура внесения хунгарикумов в Реестр национального достояния и приводится список хунгарикумов, который на данный момент включает в себя семьдесят наименований. Приводятся наиболее яркие всемирно известные венгерские реалии, интересные с исторической или страноведческой точек зрения.

Ключевые слова: реалии, хунгарикумы, Реестр национального достояния, Хортобадь, саями, Уникум, озеро Хевиз, танцевальное движение, шествие бушаров, венгерские гусары

Знакомство с культурой страны в процессе изучения иностранного языка является одной из главных задач лингвострановедения, занимающегося исследованием лексических единиц, которые наиболее ярко отражают национальные особенности культуры народа – носителя языка и среды его обитания. В их число входят названия реалий – обозначение предметов или явлений, характерных для одной культуры, быта и уклада народа и отсутствующих в другой. Именно в реалиях наиболее наглядно проявляется тесная связь языка и культуры: проникая в материальную и духовную жизнь общества, реалии становятся принадлежностью литературного языка. Они имеют свой национальный и исторический колорит и отражают изменения в развитии страны и народа. Исследователи считают, что при переводе реалии требуют особого подхода, так как не имеют точных соответствий в других языках и культурах и

часто относятся к категории безэквивалентной лексики.

В лингвострановедческой литературе существуют разные подходы к классификации реалий. Многие венгерские исследователи принимают предметную классификацию С. Влахова и С. Флорина, в соответствии с которой реалии делятся на три большие группы: 1) географическая, 2) этнографическая и 3) общественно-политическая.

К географическим реалиям относятся названия объектов физической географии; названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью, и названия эндемиков; к группе этнографических реалий – предметы быта, труда, предметы и понятия, связанные с искусством и культурой; этнические объекты, меры и деньги. В общественно-политическую группу входят органы и носители власти; объекты административно-политического устрой-

ства, общественно-политической жизни и военные реалии.

Именно такая классификация как нельзя лучше отражает характер и разнообразие венгерских реалий, наиболее яркий пример которых – **хунгарикумы (hungarikumok)**. Они являются принадлежностью национального литературного языка, имеют свою особую семантику, часто сложны для перевода и обозначают объекты с уникальным происхождением и историей.

Совсем не венгерское по своему происхождению понятие **hungarikum** возникло не так давно, около двадцати лет назад, но за это время стало играть важную роль в жизни венгров. Это всё то, чем славится Венгрия и что по праву является её гордостью. Само слово составлено из двух латинских: названия страны **Hungaria** (Венгрия) и слова **Unicum** (единственный, уникальный). Пожалуй, главным примером хунгарикума можно считать сам венгерский язык, на котором говорят только в одной стране мира.

Итак, хунгарикумы – это широкое понятие, обозначающее целый ряд уникальных и типично венгерских явлений, предметов, продуктов и услуг, которые неразрывно связаны с венгерским образом жизни, венгерскими традициями, культурой и бытом и которые отражают национальные особенности Венгрии. Хунгарикумами могут являться и выдающиеся венгры, а также их изобретения и достижения. Это народные промыслы, национальные танцы и музыка, шедевры венгерской гастрономии, природные заповедники и архитектурные ансамбли.

Сбор и систематизация хунгарикумов начались с того, что в 1999 году четыре крупные венгерские компании международного уровня – фарфоровая мануфактура в **Херенде (Herendi Porcelánmanufaktúra Rt.)**, предприятие по изготовлению венгерской салями **Пик (Pick Szeged Rt.)**, винный торговый дом **Токай (Tokaj Kereskedőház Rt.)** и производитель венгерского бальзама **Уникум Цвак (Zwack Unikum Rt.)** – решили создать своего рода визитную карточку Венгрии и образовали клуб «Hungaricum». В 2003 году в клуб вступил **Фонд производителей халашских кружев из Кишкунхалаша (Kiskunhalasi Halasi Csipke Alapítvány)**, а в 2006 году – **Институт кондуктивной педагогики и восстановительной двигательной терапии им. Андраша Пете (Pető Intézet)**.

Причиной этого объединения изначально явилось простое желание защитить уникальные венгерские торговые марки при их продвижении

на международный рынок. Тем не менее, благодаря этому объединению, в начале 2000-х годов в Венгрии возникла стихийная инициатива по сбору и сохранению национальных ценностей, которая затем вылилась в широкое общественное движение. Главной его целью стали сбор и подробное описание хунгарикумов, внесение их в специальный реестр, который сможет обеспечить им соответствующую защиту, учёт и сохранение для последующих поколений. Эти ценности должны быть основой национального самосознания и укрепить единство венгерского народа, наряду с этим сохранение и популяризация народных обычаев и традиций может принести Венгрии и культурные дивиденды с позиции дипломатии и туризма. Собрание национальных ценностей способно доказать как венгерским гражданам, так и всему миру, что созидательный талант венгров достоин признания. Противопоставить этому было нечего, и гражданскую инициативу поддержало государство. Второго апреля 2012 года венгерский парламент, который состоял из представителей пяти партий, единогласно принял законодательный акт о национальных ценностях и хунгарикумах (**A magyar nemzeti értékekről és a hungarikumokról szóló 2012. évi XXX. törvény**), целью которого стало придать соответствующий правовой статус идентификации, документированию и популяризации хунгарикумов.

Закон о хунгарикумах, который вступил в силу 1 июня 2012 года, так определил понятие хунгарикума: «Хунгарикум это обобщающее понятие, которое при единой системе классификации и учёта обозначает такую заслуживающую избирательности и отличия ценность, которая, благодаря своим особым свойствам, качеству и уникальности, является высшим достижением венгерской нации».

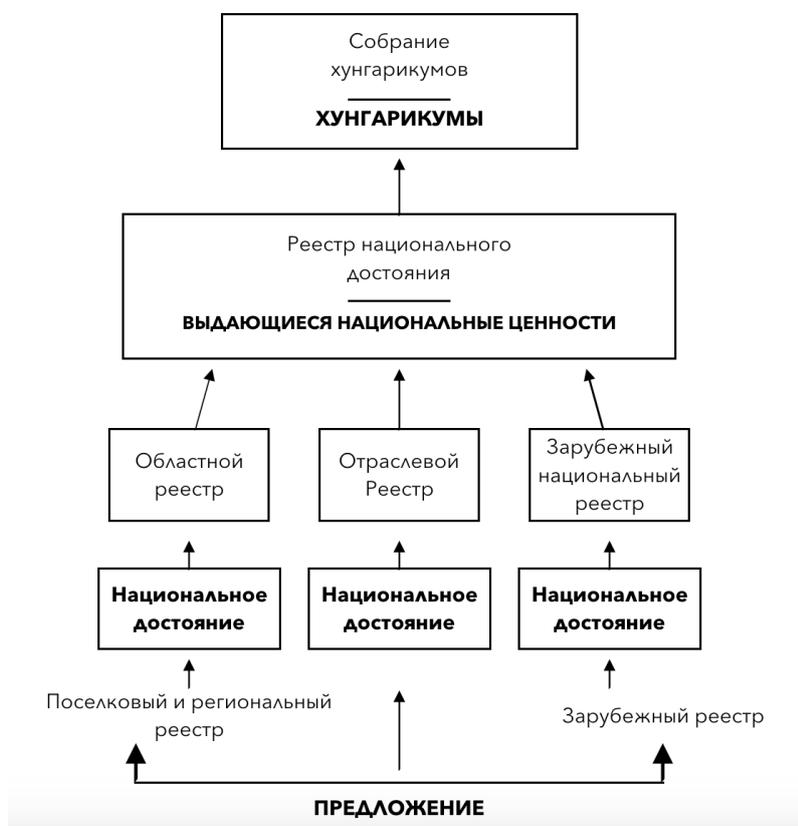
Во время работы над законом столкнулись два основных «принципа». Один выдвигал на передний план централизованное управление и контроль, таким образом предлагалось создать единый центральный орган, который на основе единых разработанных критериев будет принимать решение о содержании местных (региональных) реестров. Тем не менее эту позицию многие не поддержали: «человек издалека» не может указывать местным жителям, что для них является ценностью. Только они сами в реальности знают и помнят свои обычаи и традиции, хранимые местными сообществами веками. Для выбора региональных ценностей необходима

определённая методическая помощь, но никак не орган контроля сверху. Вторую точку зрения поддержало большинство. Таким образом, открытие регионального реестра ценностей стало добровольным решением каждого населённого пункта, а местные жители получили право выбора и предложения местных хунгарикумов.

Как же осуществляется процедура внесения хунгарикумов в Реестр национального достояния (**Magyar Értéktár**)? В соответствии с принципом Пирамиды национальных ценностей (**Nemzeti Értékpiramis**), которая строится снизу, любое частное лицо или организация, заполнив

определённую форму, может предложить какой-либо национальный продукт на регистрацию в реестр нижнего уровня. После регистрации в местном реестре заявление передаётся на рассмотрение специальной комиссии по хунгарикумам (**Hungarikum Bizottság**), и после обсуждения на заседании комиссии предложенный национальный продукт заносится в Реестр национального достояния. В случае позитивного решения комиссии происходит официальное присвоение статуса хунгарикума и занесение его в Собрание хунгарикумов (**Hungarikumok Gyűjteménye**).

ПИРАМИДА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Исключением из правила являются 12 хунгарикумов, которые были признаны таковыми решением комиссии от 13 января 2013 года на основе пункта III. 12. § (2) закона о хунгарикумах и которые объявлены объектами всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО.

На декабрь 2017 года в Реестре национального достояния числится 70 хунгарикумов, которые делятся на несколько категорий:

1. Сельское хозяйство и пищевая промышленность:

– 24 хунгарикума, среди них **Pálinka** / Палинка (венгерская водка), **Unikum keserűlikőr** / Лечебный ликер на травах «Уникум», всемир-

но известное вино **Tokaji aszú** / Токайское Асу, вино **Egri bikavér** / Бычья кровь и **Törley pezsgő** / Игристое Тёрлеи; молотая красная паприка; несколько сортов колбасы и салями, а также выдающиеся экземпляры животного мира – серый буйвол и несколько исконно венгерских пород собак.

2. Здоровье и образ жизни:

– среди пяти хунгарикумов этой категории известно у нас лечебное средство **Béres Csepp** / Капли Береша и популярное среди российских туристов **A Hévízi-tó és a tradicionális hévízi gyógyászat** / Термальное озеро Хевиз и традиционная хевизская терапия.

3. Архитектурные объекты

4. Промышленные и технологические решения

5. Культурное наследие:

– 29 объектов, среди которых **Budapest – a Duna-partok, a Budai Várnegyed és az Andrássy út** / Дунайские набережные, Будапештский крепостной квартал и проспект Андраши; **Hortobágyi Nemzeti Park – a Puszta** / Национальный заповедник Хортобадь - Пуста; народное искусство вышивки, рисунка, изготовления фарфора различных венгерских областей, музыкальные инструменты, а также венгерская народная музыка, танцы, песни, оперетта и многое другое.

6. Спорт

– данная категория включает в себя **Puskás Ferenc világszerte ismert és elismert életműve** / Всемирно известное и признанное спортивное наследие венгерского футболиста Ференца Пушкаша, лучшего футболиста и капитана легендарной «**arany csapat**» – золотой сборной Венгрии.

7. Природные объекты

8. Туризм и гостиничное хозяйство:

– в основном такие знаменитые блюда венгерской кухни, как **Halaszlé** / Уха, **Birkapörkölt** / Жаркое из баранины и **Gulyásleves** / Гуляш.

Последний раз Собрание хунгариков пополнилось в декабре 2017 года. Наконец-то был присвоен официальный статус хунгарикума венгерскому супу гуляш. Мотивацией послужило всемирное признание гуляша как национального блюда, которое играет значительную роль в области туризма и гостиничного хозяйства. Помимо него хунгарикумами признали фарфор Холлохаза и венгерский орден паулинов. Холлохазская фарфоровая мануфактура была основана в 1777 году. Изготовленная на заводе продукция стала настоящим шедевром народного искусства и, благодаря своей уникальной форме и многоцветной палитре орнаментов, приобрела широкую известность. А орден паулинов на протяжении восьми веков оказывал большое влияние на ход истории и развитие культуры венгерской нации.

Таким образом, Собрание хунгариков насчитывает сейчас 70 экземпляров, а в Реестре национальных ценностей дожидается своей очереди на звание хунгарикума 161 национальный продукт.

В данной статье невозможно подробно охарактеризовать все хунгарикумы, поэтому рассмотрим лишь некоторые из них – те, которые наиболее ярко представляют венгерские реалии,

которые так или иначе завоевали признание за пределами Венгрии и которые имеют интересную историю своего происхождения либо наименования с точки зрения лингвострановедения.

И начать следует, пожалуй, как раз с венгерского супа **гуляш (gulyásleves)**. Он известен в нашей стране ещё с советских времён, но как второе блюдо. По-венгерски название блюда звучит как «гуйяш». Существительное **gulya** переводится как «стадо крупного рогатого скота», а **gulyás** соответственно – пастух этого стада. Таким образом, как отмечает доктор Иштван Эчеди, бывший директор дебреценского музея Дери, название этого блюда употребляется неверно, оно должно звучать, как **gulyás-os (hús, leves)**, то есть «пастуший (суп, мясо)». Считается, что история этого блюда началась ещё в далёкие времена, когда пастухи, выпасая скот на дальних пастбищах, готовили наваристый суп в своих котелках и щедро сдабривали его овощами и специями. Тем более свежее мясо было всегда под рукой. А уже в XIX веке «пастушьё мясо» стало широко известно из литературных источников как излюбленное блюдо пастухов **Hortobágy** (Хортобади или Хортобадь – в разных переводах по-разному, так как в венгерском языке отсутствует категория рода).

Пуста Хортобадь (Hortobágy, a Puszta) – знаменитая венгерская степь, уникальный национальный парк-заповедник Венгрии, который был основан в 1973 году и который занимает сейчас территорию более 800 га, – ещё один из хунгариков. В 1999 году парк был включён в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО.

Слово **puszta** имеет несколько значений – как прилагательное означает «пустой, голый», как существительное может обозначать необработанную, заброшенную землю, пустошь. Иногда так называют и отдалённые хутора, куда люди приезжают на сезонные сельхозработы. Можно насчитать не один десяток венгерских населённых пунктов, в сложное название которых одним из составных элементов входит слово **puszta** (**Aradványpuszta**, **Kanacspuszta**, **Adorjánpuszta**, **Pusztamonostor**, **Pusztaszabolcs**, **Milkópuszta**, **Tátompuszta** и т.д.)

Существует две точки зрения на происхождение слова **puszta**: по одной версии оно происходит от славянского слова «пустой», по другой версии, наоборот, слово «пуста, пустой» является в нашем языке венгерским заимствованием. Более вероятной представляется первая версия.

Вопреки своему названию, природа Хортобади весьма разнообразна, здесь очень богатый животный и растительный мир, многие экземпляры которого также считаются национальным достоянием.

Именно на просторах Хортобади пасётся самое большое поголовье особой венгерской породы коров – **серая венгерская (magyar szürke szarvasmarha)**. Собственно, дословно название этой породы переводится как серый крупнорогатый скот. Однако более известно это величественное и прекрасное животное как серый буйвол. Внешне он напоминает азиатского зебу, достигает полутораметровой высоты и может весить 800 - 1000 кг. Очень долго венгры считали, что буйволы произошли от древних туров и пришли в бассейн Карпат вместе с их предками-завоевателями, но последние исследования развенчали этот миф. Существует несколько теорий происхождения «венгерской серой», однако наиболее вероятно, что появились они в Венгрии в XV-XVI веке во времена Османской империи. Вначале эту породу больше ценили за силу и выносливость и использовали как тягловый скот, а в XIX веке оценили и её особое вкусное мясо, богатое белками и витаминами. Венгерский серый буйвол необычайно вынослив и неприхотлив к погодным условиям, выдерживает мороз до 40 градусов. Это единственная порода в мире, которая устойчива к заболеванию коровьим бешенством – напастью, которая в течение нескольких десятков лет держала в страхе всю Европу. Стоит упомянуть ещё одну удивительную и трогательную особенность «венгерской серой» – венгры считают, что эти животные чрезвычайно привязчивы и чувствительны: если, например, у коровы пропадает телёнок, она готова сутками бродить по Хортобади и звать его, издавая душевраздирающие стоны.

Кроме серого буйвола, в категорию сельского хозяйства из «живых» хунгарикумов включили ещё венгерские породы охотничьих и пастушьих собак, таких, как **комондор, пули, агар, кувас, вижла и копо**. Удивительно, но до сих пор в реестре национальных ценностей дожидается своей очереди на это почётное звание необыкновенная порода свиней – **мангалица (mangalica)**. Характерная особенность мангалицы – кудрявая шерсть, поэтому её ещё называют шерстяной, пуховой или кудрявой свиньёй. Английское её название – *sheep-pig*, что переводится как «овечья свинья». Считается, что эта порода была выведена венгерским эрцгерцогом Йозефом

в 1833 году, при этом, однако, существуют две основные версии происхождения мангалицы. По первой версии домашняя венгерская свинья была скрещена с диким кабаном. По второй мангалица – результат скрещивания закарпатского, средиземноморского и сербского, «полудикого» поголовья свиней шумадия (*sumadia*). Несмотря на то, что первая версия считается в Венгрии основной, предпочтительным кажется второй вариант. И хотя этимология названия данной породы свиней до сих пор не выяснена, слово «мангалица» скорее всего является не венгерским, а сербо-хорватским (славянский суффикс -иц, указывающий на существительное женского рода). Кудрявые венгерские свиньи характеризуются выносливостью и устойчивостью к морозам, их «мраморное» мясо является вкусным и практически не содержащим холестерина, а колбаса из мяса мангалицы считается особым деликатесом и любимым лакомством венгров.

Колбасе в жизни венгров отводится особое место, и пять её сортов входят в собрание хунгарикумов. «**Nem kolbászból van a kerítés** / не из колбас сплетён забор» – гласит венгерская поговорка, то есть «деньги растут не на деревьях». Надо также отметить, что в Венгрии не все знакомые нам мясные продукты называются колбасой. Слово **kolbász**, как считают венгры, было заимствовано у славян, впервые встречается оно в 1373 году, широко употребительно практически во всех славянских языках. Правда, изначальное происхождение слова до сих пор спорно. Источником его могло послужить тюркское (или арабское) слово **külbasty** / жареное мясо или же древне-еврейское **kolbāsār** / мясо. Как бы там ни было, венгерская **kolbász** – это длинные копчёные сардельки, изготовленные чаще всего из свинины или смешанного с говядиной фарша, обязательно с красной паприкой.

В собрании хунгарикумов нашли своё место **Csbai, Gyulai и Debreceni kolbász**. Названия свои они получили от названий городов, в которых производятся – **Békescsaba, Gyula, Debrecen**. Широко известны с XIX века, брали высшие награды на Всемирных выставках. Колбаски из Дебрецена получили также распространение в Австрии и Германии, там они называются **Debrecziner**. Однако есть в Венгрии ещё более знаменитый и благородный продукт, известный на весь мир. Речь идёт о **Szalámi** / салями, которую никак нельзя назвать обычной колбасой. На таких батонах чаще всего имеется бирка в цветах национального флага и надпись – **Magyar**

Termék (венгерский продукт). Это слово проникло и в русский язык, но откуда? В некоторых источниках упоминается, что первый рецепт салями датируется V веком до нашей эры и приготовлена она была на Кипре, в городе Салами, от которого и получила своё название. Существует и более распространённая версия этимологии слова – Италия (итал. **salame** – колбаса), от **sale** (соль). Однако есть и те, кто считает, что изначально колбаса салями была изобретена в Венгрии крестьянами, а уже потом появилась в Италии. В собрание хунгарикумов вошли два сорта сыровяленной колбасы – **Pick Téli-szalámi** / Зимняя салями Пик и **Herz Classic Téli-szalámi** / Классическая зимняя салями Херц. Названия свои они получили от производителей, а вот почему каждая из них зимняя, до сих пор ломают головы. Объясняют это по-разному. Некоторые очень просто: благодаря технологии производства, времени и условиям хранения, на салями появляется благородная белая плесень, похожая на изморось, поэтому и зимняя. Но более вероятной представляется вторая версия: салями Пик производится в городе Сегед на реке Тиса, а Салями Херц – в Будапеште на Дунае. Изначально было замечено, что в этих местах наиболее подходящий для созревания колбасы микроклимат формируется зимой. Отсюда и зимняя салями.

В категории «Сельское хозяйство и пищевая промышленность» почётное место занимает венгерский национальный напиток – **палинка (Pálinka)**, фруктово-ягодная водка. Считается, что сам напиток был изобретён в XIV-XV веке как лечебное средство и носил название «живая вода». Именно как палинка напиток впервые упоминается в 1630 году. Название произошло от словацкого глагола «**палить**» / **гореть** (вспомним украинскую горилку). Изготавливается она из разных фруктов и ягод – сливы (самая первая палинка), груши, абрикоса, вишни, черешни, шелковицы и т.д. Производить её имеют право лишь Венгрия и четыре области Австрии – такое решение в 2004 году принял Евросоюз, что обусловило начало венгерско-румынской «палинковой» войны.

Ещё один удивительный напиток, который по праву может считаться визитной карточкой Венгрии, – лечебный горький ликёр (бальзам) **Уникум (Zwack Unicum keserűlikőr)**. По легенде в 1790 году придворный лекарь австро-венгерского императора Иосифа Второго Йозеф Цвак (**Zwack József**) предложил своему патрону, страдавшему от желудочного недомогания в ре-

зультате переедания, новую лечебную настойку на травах. Через несколько минут императору полегчало, и он воскликнул: «Dr. Zwack, das ist ein Unicum!» (Доктор Цвак, это что-то уникальное!), что и дало название эликсиру – Уникум. В 1840 году Йозеф Цвак открыл в Будапеште свой ликёро-водочный завод, который в 1895 году получил почётное звание «поставщика императорского двора» и стал самым крупным предприятием по производству спиртных напитков в Центральной Европе. Во время второй мировой войны завод был разрушен, семья Цвак, эмигрировав в Италию, увезла и секрет изготовления уникального напитка. В Венгрии пытались наладить его производство, но, увы, это была всего лишь подделка. Потомок Йозефа Цвака Петер смог вернуться на родину и запустить производство бальзама по оригинальной рецептуре только в 1989 году. Сейчас ликёр экспортируется в 40 стран мира. Многие пробовали разгадать секрет Уникума, но безуспешно. Рецепт его изготовления владеют всего несколько членов семьи Цвак. Остальным лишь известно, что напиток изготовлен из более чем сорока лечебных трав и настаивается в дубовых бочках более полугода. Считается, что бальзам оказывает лечебное действие на пищеварительную и кровеносную систему человека, рекомендуется при простудах и для восстановления сил. Таким образом, несмотря на то, что ликёр Уникум отнесён в Реестре хунгарикумов в категорию «Сельское хозяйство и пищевая промышленность», с таким же успехом он мог бы входить и в категорию «Здоровье и образ жизни».

Жемчужиной этой категории является самое известное в Европе озеро с лечебной термальной водой **Хевиз (A Hévízi-tó)**. Собственно говоря, все насыщенные солями и минералами лечебные источники и термальные воды Венгрии имеют право называться хунгарикумами, так как эта страна входит в число пяти самых богатых живительными водами стран мира. Согласно древней легенде, если путник воткнёт в венгерскую землю дорожный посох, то оттуда потечёт лечебная вода. Действительно, в стране на 70%-80% территории есть лечебные и термальные воды, всего около 60 тыс. источников, 1300 из них с температурой более 30 градусов.

Хевиз – единственное в мире озеро естественного вулканического происхождения с горячей лечебной водой (33 гр.), пригодное для купания в течение всего года. С венгерского языка название озера **Hévíz** так и переводится – «тер-

мальная вода». Озеро имеет более чем 2000-летнюю историю, питается бьющим из глубины 38 метров источником, который содержит серу, радон и минеральные вещества, дно его покрывает толстый слой лечебной грязи, а вода в озере обновляется в течение 48 часов! Вода оказывает лечебное воздействие на опорно-двигательный аппарат, а как питьевая показана при лечении органов пищеварения.

Самый длинный список хунгарикумов принадлежит категории «Культурное наследие» – здесь и танцевальная и песенная культура, старинные музыкальные инструменты, народное искусство вышивки, рисунка, плетения кружев, изготовления фарфора, соколиная охота и верховая стрельба из лука, национальные заповедники и культурные ландшафты.

В 1970–е годы в Венгрии появилось **Движение за сохранение народного танцевального и песенного наследия – Táncház (Танцевальный дом)**, участники которого стараются сохранить странные песенные и танцевальные традиции. Изначально название движения связано с трансильванским обычаем, когда деревенская молодежь снимала за плату дом, чтобы устраивать там вечеринки с танцами. Постепенно обычай проводить конец недели в домах танца стал в Венгрии одним из распространённых способов коллективного общения. Музыканты играют мелодии на старинных музыкальных инструментах (среди них хунгарикумы – **Tárogató / Деревянный духовой музыкальный инструмент «тарогато»** и **Magyar cimbalom / Венгерские цимбалы**, участники исполняют традиционные **народные песни (Klasszikus magyar nóta)**.

Венгерское существительное **nóta** (в значении народная песня) и русское **но́та** (музыкальный знак или дипломатическое обращение) имеют одну этимологию – латинское **nota** – «замечание». Только в венгерских письменных источниках это существительное появляется раньше – в 1519 году (у нас оно заимствовано из немецкого или французского в ХУ111 веке). От него венгры образуют и другие слова – **nótázik** (поёт народные песни), **nótás** (любитель народных песен), **nótafa** (знарок народных песен), и даже пословицы и поговорки, напр. – **Ma már nem az a nóta járja** (Нынче уже другие времена, обычаи).

Естественно, что в венгерском «танцевальном доме» нельзя обойтись без танцев. Среди них – **Csárdás (Чардаш)**, самый знаменитый танец, без которого невозможно представить венгерскую народную культуру. Чардаш появился в первой

трети XIX века. Название танца происходит от слова **csárda** – «придорожный трактир, постоянный двор». Зародившись в крестьянской корчме, зажигательный танец распространился не только в Венгрии, но и в Сербии, Словакии, Словении, Хорватии, Трансильвании и Моравии. Считается, что своим происхождением он обязан старинному венгерскому танцу **Вербункош (Verbunkos)**, который появился во второй половине XVIII века. Название танца является искажением немецкого слова **werben** (вербовка), так как исполнялся он при призыве венгерских новобранцев в австрийскую императорскую армию. Со временем Вербункош стал очень популярен, его стали исполнять на народных гуляниях и на обычных праздниках. В XIX веке венгерские аристократы даже стали открывать им свои балы. Предполагается, что в результате слияния Вербункоша и бального танца **Палоташ (Palotas** – дворцовый, от слав. **palota** – дворец) и родился новый парный танец – знаменитый Чардаш.

Зажигательные мотивы чардаша вошли в произведения многих известных венгерских и европейских композиторов и являются неотъемлемой частью знаменитой **венгерской оперетты (Magyar operett)**, которая была объявлена хунгарикумом в 2013 году. История венгерской оперетты не тянется в глубь веков, но достаточно произнести имя **Имре Кальмана** и **Ференца Легара** или перечислить названия их всемирно известных шедевров – **Marica grófnő (Марица)**, **A Csárdáskirálynő (Королева Чардаша)**, **A Cirkuszhercegnő (Принцесса цирка)**, **Bál a Savoyban (Бал в Савойе)**, **Cigányszerelem (Цыганская любовь)**, **A Bajadér (Баядера)**, **A víg özvegy (Весёлая вдова)**, **Luxemburg grófja (Граф Люксембург)**, **A montmartre-i ibolya (Фиалка Монмартра)** и др., как становится ясно, почему венгерская оперетта является хунгарикумом. Директор Будапештского театра оперетты Миклош Габор Керени объясняет национальную особенность этого жанра тем, что по сравнению с венской или парижской опереттой в венгерских представлениях более важная роль отводится танцевально-комическим героям и сценам, а характерными чертами их является особая эмоциональность, сила и яркость. По его мнению, в венгерской оперетте сочетаются славянская сентиментальность, немецкая педантичность, итальянская романтичность, венская двусмысленность и неумная венгерская удаля.

Примером особой венгерской удали и отваги являются **Венгерские гусары / Magyar huszárok**.

История венгерских гусар началась более пятисот лет назад. Первые отряды этих легковооружённых всадников появились в Венгрии при короле Матяше в 1458 году как отряды ополчения, когда срочно потребовалось укрепить пограничные заставы на юге страны, чтобы защититься от набегов турок. Уже в первых сражениях кавалеристы, одетые в яркие мундиры и вооружённые длинной пикой, саблей, луком и щитом в виде слезы «**тарч**», в высоком восточном седле, в открытых шлемах и кольчугах, проявили неслыханную храбрость и героизм. В 1474 году, например, 8 тысяч гусар под предводительством короля Матяша заставили сдать в плен 25-тысячную армию короля Чехии. Итальянский гуманист **Антонио Бонфини (Bonfini Antal)**, придворный историк короля Матяша и автор «Венгерской хроники», так охарактеризовал венгерских гусаров: «Нет воинов лучше них, никто в мире не может лучше них переносить жару и холод, усталость и лишения. Они уважительны, достаточно религиозны, не бунтуют в лагере, им чуждо богохульство, нарушение данного слова и нечестивые любовные утехы...»

У происхождения слова «**гусар**» (венг. **huszár**) имеется несколько версий. Некоторые исследователи возводят этимологию этого слова к аварцам, другие поддерживают его сербо-хорватское происхождение – «разбойник» – от слова **husa** (**разбой, грабёж**). Третьи считают, что слово восходит к лат. **cursus** (**набег**), а значит родственно слову «корсар». Однако, одна из самых популярных версий основана на венгерской этимологии – слово **huszár** произошло от венг. числительного **húsz** (**двадцать**). Так, ополчение создавалось в основном из дворян, и согласно новому закону каждый 20-й дворянин становился кавалеристом. В то же время венгерские гусары получали жалование в размере 20 монет, поэтому некоторые считают, что слово **huszár** произошло от двух венгерских слов: **húsz** (**двадцать**) и **ár** (**цена, плата**).

С 1686 года ополченческий принцип формирования венгерских гусар был заменён на регулярно полковой, а к концу ХУ11 века гусары стали появляться при дворах европейских монархов. Они составляли 90% кавалерии армии Ференца Ракоци II и принимали участие в антигабсбургской национально-освободительной войне венгерского народа 1703–1711 годов. Венгерские гусары героически сражались во всех битвах Национально-освободительной борьбы 1848–49 гг., участвовали во многих крупных сра-

жениях и в мировых войнах. После Второй мировой войны славная история венгерских гусар закончилась, но и сейчас гусары для Венгрии остаются объектом всеобщей любви и гордости и являются национальным достоянием – хунгарикумом. Их нарядные мундиры можно увидеть на различных выставках, фестивалях, во время определённых праздников или реконструкций исторических событий. Так, например, в сентябре в Будапеште на знаменитой площади Героев проводится грандиозное мероприятие: **Nemzeti Vágta / Национальные скачки**, где венгерские гусары вновь демонстрируют свою удалость и отвагу.

В Венгрии очень популярны различного рода фестивали и театрализованные представления. Одним из таких самобытных национальных праздников является хунгарикум **Mohácsi busójárás, maszkos télűző szokás modellje / Фестиваль «Бушояраш» – маскарадный обряд проводов зимы**, который внесён в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Проводится он каждый год в небольшом старинном городке на юге Венгрии **Мохаче (Mohács)** в конце февраля – начале марта во время **Масленицы (Farsang)**. Дословно **Busójárás** переводится как **Шествие бушаров (хорв. Pohod bušara)**. Кто такие «бушары» (венг. **busó**), затрудняются сказать даже в посвящённом им музее в Мохаче, но предполагают, что это сокращение от причастия **bujdosodó (прячущийся, скрывающийся)**. Считается, что родоначальники этой традиции – хорваты-**шокцы (sokác)**, которые переселились в эти края несколько веков назад, спасаясь от набегов турок. Но и сам Мохач тоже не раз подвергался турецкому нашествию: в 1526 и 1687 гг. здесь произошли два грандиозных сражения. По легенде отчаявшимся местным жителям было видение, как сбросить ненавистное турецкое иго – надо лишь изготовить и надеть на себя вывернутые мехом наружу бараньи шкуры и страшные разрисованные маски. Рассказывают, что, когда турки увидели страшных чудовищ в масках с рогами, с трещотками и вилами, они тут же пустились в бегство и больше никогда не появлялись в Мохаче.

Скорее всего эта легенда не имеет под собой исторической основы, и на самом деле карнавальное шествие – это отголосок языческих празднований, посвящённых проводам зимы, но до сих пор каждый год сотни бушаров наряжаются в бараньи шкуры и страшные маски и под музыку, песни и смех начинают своё красочное шествие

по улицам Мохача, а огромное количество зрителей со всех уголков земли с удовольствием внимают им и принимают участие в этом карнавале.

Широко известны слова венгерского учёного-этнографа Иштвана Дёрффи (Győrffy István): «Народные традиции сохраняют в нас венгров, а мировая культура делает европейцами. В своём стремлении быть только европейцами мы, конечно, можем стать высокообразованными людьми, но скорее всего перестанем быть венграми».

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно прийти к выводу, что хунгарикумы – это не только пример венгерских национальных реалий, но и яркий образец уважения и бережного отношения к народным обычаям и традициям, к творческому наследию своих предков. А как указывал известный русский географ и культуролог Пётр Савицкий, «сила традиций и сила творчества в их сочетании – животворящий источник всякой культуры».

Список литературы

1. Hungarikumok gyűjteménye - Magyar értéktár. (www.hungaricum.hu)
2. Karácsonykor egyen hungarikumot. (Nyelv és Tudomány / www.nyest.hu)
3. Mátyás Szabolcs. Illik tudnom, mert magyar vagyok. Debrecen. M.Sz. és Társa. 2006
4. Fucskár Ágnes - Fucskár József Attila. Hungarikumok könyve. Pécs. Alexandra. 2017
5. Nemzeti Művelődési Intézet. (www.nmi.hu)
6. Hollós Attila. Az orosz szókincs magyar elemei. Budapest. 1996
7. Bihari Dániel. Szürke a magyar marha. (www.24.hu/ tudomány)
8. Ugróczky Mária. Alkotmányos alapismeretek. Budapest. BM Duna Palota és Kiadó. 2006
9. A magyar operett hungarikum. (http://www.muvesz-vilag.hu)
10. A magyar huszár. (www.hungarikum-szovetseg.hu)
11. A reáliák fordítása. Honti Enikő. (www.bdtf.hu)

Сведения об авторе:

Дремина Лариса Дмитриевна – старший преподаватель кафедры языков стран Центральной и Юго-Восточной Европы, преподаватель и переводчик венгерского языка. Сфера интересов: грамматика венгерского языка, лингвокультурология, лингвострановедение, художественный перевод. E- mail: dremilar@list.ru.

HUNGARICUMS AS A VIVID REFLECTION OF THE HUNGARIAN

L.D. Dremina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *This article contains basic information about the hungaricum – a unique concept that emerged in the early 2000s in Hungary. This concept is used to identify rare and typically Hungarian objects, phenomena, products and services that are inextricably connected with the Hungarian way of life, Hungarian traditions and culture and reflect the national characteristics of Hungary, outstanding people, their achievements and inventions. The article describes how a civic initiative to collect and preserve a wide variety of national values was born and developed in Hungary. The main purpose of the initiative was to provide a detailed description of hungaricums as well as to include them in a special register, work on their protection, preservation and transmission to subsequent generations. The initiative was supported by the state, and in 2012 a law was adopted on the national values and hungaricums. The author describes the procedure of including hungaricums into the Register of National Heritage. The article provides a list of hungaricums which currently comprises seventy titles and describes those that most clearly represent the Hungarian reality and gained recognition outside of Hungary as well as those that have an interesting history of their origin or designation from the point of view of culture-through-language studies.*

Key Words: *hungarikums, national peculiarities, the Register of national treasure, goulash, Hortobágy, gray buffalo, mangalica, sausage, salami, palinka, Unicum, the Hévíz lake, dance movement, Hungarian operetta, procession of bushars, Hungarian hussars*

References

1. Hungarikumok gyűjteménye – Magyar értéktár. (www.hungaricum.hu)
2. Karácsonykor egyen hungarikumot. (Nyelv és Tudomány / www.nyest.hu)
3. Mátyás Szabolcs. Illik tudnom, mert magyar vagyok. Debrecen. M.Sz. és Társa. 2006
4. Fucskár Ágnes - Fucskár József Attila. Hungarikumok könyve. Pécs. Alexandra. 2017
5. Nemzeti Művelődési Intézet. (www.nmi.hu)
6. Hollós Attila. Az orosz szókincs magyar elemei. Budapest. 1996
7. Bihari Dániel. Szürke a magyar marha. (www.24.hu/tudomany)
8. Ugróczky Mária. Alkotmányos alapismeretek. Budapest. BM Duna Palota és Kiadó. 2006
9. A magyar operett hungarikum. (<http://www.muvesz-vilag.hu>)
10. A magyar huszár. (www.hungarikum-szovetseg.hu)
11. A reáliák fordítása. Honti Enikő. (www.bdtf.hu)

About the author:

L.D. Dremina – is a senior lecturer of the Faculty of Central and South-Eastern European Languages, a lecturer and translator of the Hungarian language. Spheres of interest: Hungarian grammar, cultural linguistics, country study and literary translation. E-mail: dremilar@list.ru.

* * *

КОСМОГОНИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ТАТАРСКИХ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК)

Р.Р. Замалетдинов, Н.И. Файзуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Россия, Казань, Кремлевская 18

Загадка представляет собой один из древнейших синкретичных жанров фольклора, не только регламентировавших ключевые события в жизни человека, но и транслировавших многовековой жизненный опыт народа. Несмотря на устную форму бытования, многие загадки сохранили свои исходные структуры, а также лингвокультурологическое своеобразие, основанное на национальном архетипическом мышлении и национальных мифологемах.

Целью работы является исследование космогонических загадок русского и татарского языков, выявление специфики их образной организации. В ходе исследования устанавливаются уникальные и универсальные для каждого объекта характеристики, позволяющие верным образом декодировать информацию (цветовая, темпоральная характеристики; количество предмета, его форма; взаимоотношения с иными предметами). Особое внимание в статье уделяется вторичной номинации луны и солнца, что также обусловлено национальной спецификой. В русской загадке, согласно восточнославянской традиции, вводится зооморфный код (при помощи лексем «корова», «бык», «конь», «жеребец»), являющийся своеобразным указанием на магический характер описываемого предмета. В татарской народной загадке наблюдается ввод лексем, обозначающих родственные отношения («отец», «мать», «сестра», «брат»), что отражает национальную мифологию о создании земли и неба. В статье детально исследуется проблема ввода вторичной номинации денотата, её мифологическая обусловленность. Лингвистический материал сопровождается лингвокультурологическим комментарием, позволяющим глубже проникнуть в процесс кодировки денотата. В работе применялись метод контент-анализа, а также метод лингвистической реконструкции культуры. Результаты исследования могут быть полезны фольклористам, лингвистам, занимающимся вопросами национальных культур, их отражением в фольклорном тексте.

Ключевые слова: загадка, лингвокультурология, код, мифологема, вторичная номинация

Введение

Загадка, существуя «в горизонте интересов человека» [15, с.16], представляет собой уникальное фольклорное образование ввиду своей антропоцентрической природы, синтезировавшей многовековой жизненный опыт народа, его выразительный потенциал, а также сохранившей важность игровой деятель-

ности: «загадка как агональная, интеллектуальная часть игры, как «состояние в мудрости» более специализирована, чем игра вообще, которая зато представляет собой более фундаментальное и более широкое явление, корни которого уходят глубже» [15, с. 53].

«Состояние в мудрости» в свою очередь тесно связано с жизненным опытом народа, усвоенными им причинно-следственными связями между

наблюдаемыми явлениями, способностью проводить аналогии и замечать уникальное: «Природа загадки связана с одним из фундаментальных свойств человеческого мышления – со способностью или умением человека видеть сходство или несходство разных предметов (явлений, событий) и на этой основе понимать связи предметов, их роды и виды, различать в окружающем мире общее, частное и особенное» [11, с. 319].

Как известно, изложенное в основной части загадки описание следует рассматривать как зашифрованное обозначение искомого предмета или явления окружающей действительности, осуществлённое при помощи введения вторичной номинации известных человеку денотатов – антиденотатов, выбор которых в большинстве случаев является произвольным. Однако не следует под каждым антиденотатом понимать бесконечное множество вариантов соответствия искомого предмета и кода, так как их соотношение ограничено представлениями автора о конкретном объекте, его типичных признаках и действиях, что способствует семантическому согласованию лексем-кодов внутри текста, актуализируя тем самым лингвистические и нелингвистические факторы [2]. Положение о метафоричности текста загадки, основанной на внелингвистической предопределённости вторичной номинации, разделяется многими учёными [1], [8], [14]. Однако поиск причин и факторов, обусловивших семантическую организацию загадки, требует глубокого изучения природы жанра, синтезировавшего в себе архаическое, мифопоэтическое сознание человека, мифологическую идеологию, согласно которой все предметы окружающей человека действительности понимались как живые [9, с. 260].

Основная часть

О первобытном мифическом характере загадок свидетельствует влияние архаичных мифологем на выбор вторичной номинации денотата.

Космогонические загадки представляют собой интересный материал с точки зрения отражения национальной (в настоящей работе рассматриваются русские и татарские загадки о небе, солнце, луне, звёздах) мифологии, обусловившей выбор вторичных субстантивных номинаций.

Отличительной чертой космогонических загадок является выстраивание ценностной иерархии наблюдаемых предметов, что фиксиру-

ется не только в количественном аспекте, но и способах репрезентации денотата.

Так, довольно немногочисленными являются загадки непосредственно о небесном пространстве. В корпусе русских загадок представлено следующее описание: *Синенькая шубёнка покрыла весь мир* [13, с. 225], в котором в качестве ключевых характеристик денотата выделяются цвет (синий), размер (способна покрыть весь мир). Примечательно, что лексема *шубёнка* не коррелирует с архаичным представлением об одушевлённости всех окружающих человека предметов, а служит своеобразным средством дифференциации совокупности определённого числа субъектов, представленных лексемой *мир* (Ср.: Мир – вселенная, ... одна из земель вселенной... все люди, весь свет) [3] и всего остального пространства.

Более того, по наблюдению В.И. Даля, *шубой* могло называться тёплое одеяло [3], что позволяет провести параллель с татарской загадкой *Зәңгәр ашъяулык бөтен дөньяны каплаган (күк)* (букв. *Голубая скатерть весь мир покрыла (небо)* [16, с. 34]. В таком случае общим для русской и татарской загадок будет представление о небе как о плоском предмете, способном «накрыть» земной шар.

В татарских загадках о небе посредством вторичной номинации актуализируется образ жернова, камня: *Ал тегермән ташы, гөл тегермән ташы, – аны белгән йөз егерме яшьле (күк йөзе)* (букв. *Расписной жернов; тому, кто его знает, сто двадцать лет (небо)* [16, с. 34]; *Тимгел, тимгел таш, тимгел ала таш, күрмэгэнгә күркәм таш, күтәрмэгә авыр таш (күк йөзе)* (букв. *Камень в крапинку. Незнающему приятный камень, для подъёма – тяжёлый* [16, 34]. В приведённых текстах наблюдается сочетание внешнего описания денотата и определённой характеристики человека. Так, знание о расписном жернове (*ал тегермән ташы, гөл тегермән ташы*), коррелирует с почтенным возрастом человека (*аны белгән йөз егерме яшьле*), а представление о камне сопровождается указанием на невозможность осуществить задуманное субъектом действие по отношению к предмету действительности.

Репрезентация небесного пространства как обширного плоского предмета наблюдения фиксируется в комплексных русских и татарских народных загадках (под комплексными загадками мы понимаем такой вид загадок, в которых актуализируются одновременно несколько дено-

татов, объединённых единой мифологемой или спецификой архетипического сознания). Так, в комплексных загадках, описывающих небо и звёзды, типичным является репрезентация неба как плоского, значительного по площади предмета: *Зур палас, төбендә йомры калач (күк һәм ай)* (букв. Большой палас, под ним круглый калач (небо и луна) [16, 34]; *Бөтен яланда бер тай эзе (күк һәм ай)* (букв. По всей степи один след жеребёнка (небо и луна) [16, 34]; *Ястык өстендә ярты кашык (күк һәм ай)* (букв. Над подушкой половина ложки (небо и луна) [16, 34].

Реже небо описывается как объёмный предмет, например, *бездонный океан (төпсез дәрәя): Төпсез дәрәяларда бер алтын коймә йөзә (күк һәм ай)* (букв. В бездонном океане одна золотая лодка плывёт (небо и луна) [16, 34]; *Төпсез дәрәя төбендә көмеш белзегем ята (күк һәм ай)* (букв. На дне бездонного океана лежит серебряный браслет (небо и луна) [16, 34].

В комплексных загадках о небе и звёздах увеличивается значимость небесного пространства, так как основное внимание уделяется образному описанию звёзд. В русских загадках звёзды описываются как многочисленные разъединённые части целого предмета: *Рассыпался корабль по мхам, по морям, по всем городам; не собрать этого корабля ни князьям, ни попам, ни думным дьякам, ни серебряникам (небо и звёзды)* [13, с. 231]; *Рассыпался собор на двенадцать сторон, никому не собрать, ни попам, ни дьякам, ни серебряникам, ни грамотным людям, ни нам, дуракам* [13, с. 232]. Характерным для подобного описания является имплицитное указание на множественность наблюдаемого объекта посредством того факта, что искомое действие не может быть выполнено даже лицами различных социальных классов. При описании бытовых предметов невозможность осуществления действия развивается до гротеска: *Разостлан ковёр, рассыпан горох; ни ковра не поднять, ни гороха не собрать (звёзды и небо)* [12, с. 234].

В редких случаях описание денотата базируется на описании сложного явления, не доступного для понимания: *Написана грамота по синему бархату, не прочесть этой грамотки ни попам, ни дьякам, ни умным мужикам (небо и звёзды)* [13, с. 231].

Количественный фактор является ключевым и при описании исключительно звёзд: *Что без учёту? (звёзды)* [13, с. 232]; *Чего на свете не перечесть? (звёзды)* [13, с. 232]; *Что у нас чаще леса? (звёзды)* [13, с. 232]. В качестве дополни-

тельной характеристики выступает время фиксации объекта: *Что видно только ночью? (звёзды)* [13, с. 232].

В татарских народных загадках также подчёркивается многочисленность звёзд: *Күк келәмгә төн йокламый энҗе сиптем (күк һәм йолдызлар)* (букв. Всю ночь по небесному ковру рассыпал жемчуга (небо и звёзды) [16, с. 34]; *Зәңгәр палас өстенә ак чәмчекләр сибелгән (күк һәм йолдызлар)* (букв. По голубому ковру рассыпан белый узор (небо и звёзды) [16, с. 34]; *Бозга бодай сибелгән (күк һәм йолдызлар)* (букв. На лёд рассыпано пшено (небо и звёзды) [16, с. 34]; *Бабай җиренә борчак чәчтем (күк һәм йолдызлар)* (букв. На земле деда горох посеян (небо и звёзды) [16, с. 34]. Однако в приведённых примерах используются различные объекты действия (ковёр, лёд, земля деда), а также отсутствует указание на невозможность собрать рассыпанный предмет, что, безусловно, связано с национальной матрицей поведения. Возможно, кочевой образ жизни тюркских народов наложил отпечаток на восприятие элементов сельского хозяйства, урожая культур. Таким образом, объекты сельского хозяйства в пространстве загадки раскрывают своё «предназначение с позиции пользы или вреда для разных людей» [6, с. 18].

Иной облик приобретают загадки, в которых априорно заложено представление о небе как некотором вместилище. В таком случае вторичной номинацией для звёзд служат лексемы, обозначающие овощи: *У нас за окошком полно репы лукошко (небо и звёзды)* [13, с. 231]; *Полно корыто огурцов намыто (небо и звёзды)* [13, с. 232].

Аналогичное явление наблюдаем и в татарских загадках, однако в качестве предметов, содержащихся во вместилище, обнаруживаем *рыбу (балык), гвозди (кадаклар): Күл тулы алтын балык (күк һәм йолдызлар)* (букв. Озеро полно золотых рыбок (небо и звёзды) [16, с. 34]; *Көмеш казан япканнар, җиз кадаклар какканнар (күк һәм йолдызлар)* (букв. Серебряный котёл опрокинут, медные гвозди торчат (небо и звёзды) [16, с. 34]; *Атайдан калган зур коштабак, коштабак тулы җиз кадак (күк һәм йолдызлар)* (букв. От отца досталось большое блюдо, блюдо полно медных гвоздей (небо и звёзды) [16, с. 34]. Как можем заметить, в татарских загадках особое внимание уделяется колористической характеристике: *алтын балык (золотая рыба), көмеш казан (серебряный котёл)*.

Указание на многочисленность предмета в татарской загадке сопровождается стремле-

нием дотянуться до описываемого денотата, взаимодействовать с ним: *Мич тулы пәрәмәч, нишләтерсең бирмәгәч?* (күк һәм йолдызлар) (букв. Полна печь перемячей, что ты сделаешь, если тебе не дадут? (небо и звёзды) [16, с.34]; *Атамның бер туны бар, – ябынып булмый; эче тулы ак энҗе, – санап булмый* (күк һәм йолдызлар) (букв. У отца есть одна шуба – не накроешься; внутри полно жемчуга – не сосчитаешь (небо и звёзды) [16, с. 34]. Полагаем, стремление человека максимально изучить наблюдаемый объект продиктовано в первую очередь необходимостью познания окружающего мира, накопления жизненного опыта, что тесно сопрягается и с его пространственным членением. Так, в загадке *Табак тулы җәиз төймә, – кулым сузып алалмыйм* (күк һәм йолдызлар) (букв. Полная чаша медных пуговиц, руку протянешь – не возьмёшь (небо и звёзды) [16, с. 34] посредством соматического кода (*куллым сузып алалмыйм/руку протянешь – не возьмёшь*) осуществляется структурирование окружающего мира: «соматический код наслаивается на пространственный и предопределяет пространственные представления человека» [7, с. 7].

Иногда описание звёзд и неба может сопровождаться темпоральной характеристикой: *Бежали, бежали овечки по липовой дощечке, увидали зорю, пали в воду* (небо и звёзды) [13, с. 232]; *Без, без, без идек, без уника кыз идек, такта өстенә тезелдек, таң атканчы юк булдык* (күк һәм йолдызлар) (букв. Мы, мы, нас было двенадцать девушек, на доске выстроились в ряд, на рассвете исчезли (небо и звёзды) [16, с. 35]. Существенно отметить, что татарская загадка в данном случае тесно по сюжетной линии переплетается с поверьем о превращении девушек в звёзды [17, с. 469].

Время исчезновения денотата актуализируется и в простых загадках о звёздах: *Актыр үзе, югары, җәм-җәм итеп ул тора, бүген таңда килмәсәң, китәмен, дип утыра* (йолдыз) (букв. Сама белая, высоко находится, мерцает. Если на заре не придёшь, – говорит. – Уйду (звезда) [16, с. 39]; *Кич булганда күренер, таң булдымы – күмелер* (йолдыз) (букв. Ночью видно, на заре не видно (звезда) [16, с. 39]; *Бары төнлә генә нәрсәне күрәп була?* (йолдыз) (букв. Что можно увидеть только ночью? (звёзды) [16, с. 39].

Реже фиксируется временной промежуток, в течение которого наблюдается денотат: *Иртән киткән, кич килгән, хисабын алла белгән* (йолдызлар) (букв. Утром ушёл, вечером пришёл, а число

известно одному Богу (звёзды) [16, с. 39]; *Төнлә баксам – күк тулган, иртән баксам – юк булган* (йолдызлар) (букв. Ночью посмотрел – небо полное, утром посмотрел – ничего нет (звёзды) [16, с. 39].

В татарских загадках фиксируется удалённость звезд: *Алкадан алтын тама, тамчысы җәиргә җитми* (йолдыз) (букв. С серёжек капает золото, а до земли не достаёт (звезда) [16, с. 39]; *И раббым, карап торам ерактан* (йолдыз) (букв. Смотрю на тебя издалека (звезда) [16, с. 39].

В комплексных загадках о небе, звёздах и луне последний денотат может выступать как одушевлённый предмет, что напрямую обусловлено его значимостью с точки зрения архетипического сознания: *Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогатый* (небо, звёзды, месяц) [13, с. 233], *Матушкину скатерть не собрать, батюшкина коня не поймать* (небо, звёзды, месяц) [13, с. 234].

Введение зооморфного кода обусловлено национальными мифологемами, в которых месяц может выступать активным субъектом действия. Так, для восточнославянского фольклора характерно применение лексем *бык, корова, вол, конь, жеребец* для обозначения месяца и солнца: *Белый бык под воротней глядит* (месяц) [12, с. 234]; *Сивый жеребёнок в подворотне глядит* (месяц) [12, с. 234]; *Лысый конь через прясло глядит* [12, с. 234]. Обращение к животным подобного рода объясняется индоевропейской мифологической традицией, согласно которой перечисленные животные обладали магической силой и нередко обозначали творца [10, с. 105]. Естественно, что для сознания современного человека выбор подобных наименований кажется немотивированным, что может компенсироваться введением колористических признаков: *сивый, бурый, белый*. Примечательно, что в польской загадке о солнце функционирует характеристика *слепой*: *Slepy koń, ale wrotami patrzy. Лошадь слепая, но смотрит через ворота*, так как слепота изначально воспринималась как магический признак.

Целый ряд загадок о луне, солнце содержит образ дуба: *Стоит дуб-стародуб, на том дубе-стародубе сидит птица-веретеница; никто её не поймает: ни царь, ни царица, не красна девица* (солнце) [13, с. 226]; *На городе, на Сяне, стоит дуб с вихеями; никто его не обойдёт: ни царь, ни царица, ни красна девица* (солнце) [13, с. 226]. Бесспорно, что в основу подобных загадок положена древнейшая мифологема о Вселенском дереве, согласно которой ветви и вершина сим-

волизируют луну и солнце. Как можем заметить, данная мифологема может претерпевать многочисленные трансформации в коде загадки, однако неприкосновенной остаётся сама изначальная идея о Вселенском дереве.

Для татарских народных загадок также характерно наличие комплексных описаний, где часто в качестве вторичной номинации используются термины родства: *Апасы энесенэ кунакка бара, энесе апасыннан кача (кояш һәм ай)* (букв. *Сестра к брату в гости идёт, а он от неё прячется (солнце и луна)* [16, с. 38]; *Бер атасы, бер анасы, ничә йөз мең баласы (кояш, ай, йолдызлар)* (букв. *Один отец, одна мать, а сколько сотен детей (солнце, месяц, звёзды)* [16, с. 38]. Мы связываем актуализацию терминов родства с мифологией татарского народа, согласно которой луна и солнце воспринимаются как муж и жена [4], а также с национальным культом семьи [5].

В целом ряде загадок в качестве вторичной номинации используется образ камня: *Өй түбәсендә вак таш, алар янында бер зур баш (ай һәм йолдызлар)* (букв. *На кровле дома мелкий камень, возле них одна большая голова (луна и звёзды)* [16, с. 39]; *Кирәгәсез күк тирмәнең төнлегендә ике ак таш, киезендә мең-мең вак таш (күк, кояш, ай, йолдызлар)* (букв. *Стоит юрта без каркаса, в ней два белых камня, в войлоке – тысячи мелких камней (небо, солнце, месяц, звёзды)* [16, с. 35]. Многократное обращение к образу камня при описании небесных светил вновь подчёркивает стремление выстроить параллель между осязаемым земным пространством и недоступным небесным пространством, систематизировать знание о них, вычленив первостепенные и второстепенные объекты.

Отличительной особенностью татарских загадок космологической тематики является пропуск вторичной номинации денотата в связи с описанием его характерных признаков: *Нәрсә карый күзлексез? Нәрсә ашый авызсыз? (кояш, тегермән)* (букв. *Что смотрит без очков? Что кушает без рта? (солнце, мельница)* [16, с. 38];

Нәрсә төнне яктырта? Нәрсә яңа – яндырмый? (кояш һәм ай) (букв. *Что ночь освещает? Что светит, но не горит?* [16, с. 38]. Пропуск антиденотата позволяет подчеркнуть всю нелогичность, парадоксальность описываемого [18], тем самым максимальным образом приближая создаваемый текст к эталонному варианту загадки: «народная загадка – это традиционное словесное выражение, содержащее один или более описательный элемент, пара которых может находиться в оппозиции: референт элементов должен быть разгадан» [19, с. 113].

Заключение

Таким образом, сопоставление русских и татарских космогонических загадок позволило обнаружить ряд национальных особенностей построения фольклорного жанра. В поле зрения загадки входят небо, а также ряд небесных светил: звёзды, луна, солнце. Каждый из названных объектов имеет как универсальные, так и уникальные особенности его воспроизведения в тексте загадки. Так, универсальным для загадок о небе является введение вторичной номинации, которая в национальном сознании будет коррелировать с характеристиками «большой в размерах», «вместилище», «большой по площади»; для загадок о звёздах характерным будет указание на их бесчисленное количество, удалённость от земли, время их фиксации на небосклоне. Загадки о луне и солнце отличаются большим разнообразием типичных признаков, что обусловлено национальными мифологемами, в рамках которых луна и солнце играют важные роли. Так, для русской загадки уникальным является введение зооморфного кода при вторичной номинации денотата. Для татарской народной загадки значимой является систематизация окружающего пространства посредством введения соматического кода, не только указывающего на удалённость предмета, но и подчёркивающего важность взаимодействия с объектом.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора// Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С.147-173.
2. Волоцкая З.М. Некоторые замечания о классификации славянских загадок (на материале болгарских и польских)// Советское славяноведение, 1982. № 1. С. 80-90.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т.Т.4. М.: Русский язык, 1980. 683 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=15824> (Дата доступа: 05.01.2019)
4. Закирова И.Г. Космогонические мифы и легенды татарского народа// Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 249–255.
5. Замалетдинов Р.Р. Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии. Казань: Магариф, 2009. 351 с.

6. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М: Гнозис, 2013. 320 с.
7. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) //Язык. Сознание. Коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–19.
8. Левин Ю.И. Семантическая структура загадки// Паремииологический сборник М.: 1978. С.283–315.
9. Лосев А.Ф. О пропозициональных функциях древнейших лексических структур// Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во МГУ, 1982. 480 с.
10. Маковский В.В. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Т.1.1996. 416 с.
11. Мечковская Н.Б. Язык и религия. Лекции о филологии истории религий. М.: Изд-во ГРАНД, 1998. 352 с.
12. Рыбникова М.А. Загадки. Москва-Ленинград: Academia, 1932. 479с.
13. Садовников Д.Н. Загадки русского народа. М.: изд-во МГУ, 1959. 335 с.
14. Сендерович С.Я. Морфология загадки. М.: Языки славянской культуры, 2008. 208 с.
15. Топоров В.Н. Из наблюдений над загадкой// Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М.: Индрик, 1994. С. 10–118.
16. Мэхмутов Х.Ш. Татар халык табышмаклар. Казань, Казан. кн. изд-во, 1977. 272 с.
17. Исәнбәт Н. Татар халык табышмаклары. Казан: Татар.кит.нәшр.1970. 568 б.
18. Chernova S.V., Ferguson A.D. Russian absurd texts// Филологические науки в МГИМО. 2018. № 13. С. 121–126.
19. Georges R. A., Dundes A. Toward a Structural Definition of the Riddle // The Journal of American Folklore. 1963. Vol. 76, No 300. P. 111–118.

Сведения об авторах:

Замалетдинов Радиф Рифкатович – доктор филологических наук, профессор. Казанский федеральный университет. E-mail: director.ifmk@gmail.com.

Файзуллина Найля Ивановна – кандидат филологических наук, доцент. Казанский федеральный университет. E-mail: nelya7@mail.ru.

THE COSMOGONIC RIDDLES IN THE LINGUOCULTURAL ASPECT (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND TATAR FOLK RIDDLES)

R.R. Zamaletdinov, N.I. Faizullina

Kazan (Volga region) Federal University,
420008, Russia, Kazan, Kremlin 18

Abstract: *Riddle is one of the oldest syncretic genres of folklore, which both regulated the key events in human life and translated the centuries-old life experience of the people. Despite the oral form of existence, many riddles have retained their original structure, as well as linguistic and cultural identity based on national archetypal thinking and national mythologies. The aim of the work is to study the cosmogonic riddles of the Russian and Tatar languages, to identify the specifics of their imaginative organization. The study establishes unique and universal characteristics for each object, allowing one to decode the information of color, temporal characteristics, and number of the object, its form and relationship with other objects. Particular attention is paid to the secondary nomination of the moon and the sun, having national specifics. In the Russian riddle, according to East Slavic tradition, the zoomorphic code (with lexemes “a cow”, “a bull”, “a horse”, “a stallion”) was widespread because it was indicative of the magic character of the described subject. In the Tatar national riddle there is an input of the lexemes designating the related relations (the father, mother, the sister, the brother) that in its turn reflects national mythology about the earth and the sky creation. In this article the authors examine the problem of the input of the secondary nomination of the denotation and its mythological causality. Linguistic material is accompanied by a linguistic and cultural commentary, which allows a deeper insight into the process of denotation coding. The method of content analysis and the method of linguistic reconstruction of culture were used in the work. The results of the research can be useful for folklorists, linguists dealing with the issues of national cultures, their reflection in the folklore text.*

Key Words: *mystery, cultural linguistics, code, myth, secondary nomination*

References

1. Arutiunova N.D. Iazykovaia metafora [The language metaphor] // Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. M.: Nauka [Science], 1979. pp.147-173.
2. Volotskaia Z.M. Nekotorye zamechaniia o klassifikatsii slavianskikh zagadok (na materiale bolgarskikh i pol'skikh) [Some notes on the classification of Slavic riddles (on the material of Bulgarian and Polish)] // Sovetskoe slavianovedenie [Soviet Slavic studies], 1982. № 1. pp. 80-90.
3. Dal' V.I. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka [Explanatory dictionary of the living great Russian language]: v 4-h t.T.4. M.: Russky iazyk [Russian Language], 1980. 683 p. Available at: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=15824> (accessed 05 January 2019).
4. Zakirova I.G. Kosmogonicheskie mify i legendy tatarskogo naroda [cosmogonic myths and legends of the Tatar people]// Vestnik Chuvashskogo universiteta [Bulletin of Chuvash University]. 2010. № 4. pp. 249-255.
5. Zamaletdinov R.R. Teoreticheskie i prikladnye aspekty tatarskoi lingvokul'turologii [Theoretical and applied aspects of Tatar cultural linguistics]. Kazan': Magarif, 2009. 351 p.
6. Karasik V.I. Iazykovaia matritsa kul'tury [Language matrix of culture]. M: Gnozis, 2013. 320 p.
7. Krasnyh V.V. Kody i etalony kul'tury (priglasenie k razgovoru) [Codes and standards of the culture (the invitation to the conversation)] //Iazyk. Soznanie. Kommunikatsiia. [Language. Consciousness. Communication]. M.: MAKS Press, 2001. Vol. 19. pp. 5-19.
8. Levin YU.I. Semanticheskaia struktura zagadki [Semantic structure of the puzzle] // Paremiologicheskyy sbornik [paremiological collection]. M.: 1978.pp.283-315.
9. Losev A.F. O propozitsional'nykh funktsiyakh drevneishikh leksicheskikh struktur [About propositional functions of the most ancient lexical structures] // Znak. Simvol. Mif. [Sign.Symbol. Myth]. M.: Izd-vo MGU, 1982. 480 p.
10. Makovskiy V.V. Sravnitel'ny slovar' mifologicheskoi simvoliki v indoevropeskikh iazykakh [Comparative dictionary of mythological symbolics in Indo-European languages]. Iss.1.1996. 416 p.
11. Mechkovskaia N.B. Iazyk i religii. Lektsii o filologii i istorii religii [Language and religion. Lectures on the Philology and the history of religion]. M.: Izd-vo GRAND, 1998. 352 p.
12. Rybnikova M.A. Zagadki [Riddles]. Moskva-Leningrad: Academia, 1932. 479s
13. Sadovnikov D.N. Zagadki russkogo naroda [Russian Folk Riddles]. M.: izd-vo MGU, 1959. 335 s.
14. Senderovich S.YA. Morfologiya zagadki [Riddle Morfology]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury [Language of Slavic cultures], 2008. 208 p.
15. Toporov V.N. Iz nabliudeniya nad zagadkoi [From observations on the riddle] // Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi dukhovnoi kul'tury. Zagadka kak tekst [Researches in the field of Baltic-Slavic spiritual culture. Riddle as a text]. M.: Indrik, 1994. pp. 10-118.
16. Məhmütov H.Sh. Tatar halyk ıǵaty: tabyshmaklar [Tatar folklore: Riddles]. Kazan', Kazan. kn. izd-vo, 1977. -272 s.
17. İsənbət N. Tatar halyk tabyshmaklary [Tatar folk riddles]. Kazan: Tatar.kit.nəshr.1970. 568 b.
18. Chernova S.V., Ferguson A.D. Russian absurd texts// Filologicheskie nauki v MGIMO [Philology at MGIMO journal]. 2018. № 13. pp. 121-126.
19. Georges R. A., Dundes A. Toward a Structural Definition of the Riddle // The Journal of American Folklore. 1963. Vol. 76, No 300. P. 111—118.

About the authors:

Zamaletdinov Radif Rifkatovich – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University.
E-mail: director.ifmk@gmail.com.

Faizullina Nailya Ivanovna – Ph.D. in Philosophy, Kazan Federal University. E-mail: nelya7@mail.ru.

* * *

ЭЛЕКТРОННЫЙ СЛОВАРЬ ПУШТУ: СОЗДАНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ МОРФОЛОГИИ¹

Ю.П. Лалетин, В.О. Сорвёнков, М.А. Тимофеев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматривается создание электронного словаря на базе «Пушту-русского словаря» М.Г. Асланова, который является в настоящее время наиболее полным словарём пушту. Бумажные словари неизбежно устаревают, в то время как электронные словари обладают целым рядом неоспоримых преимуществ по сравнению с традиционными. Работа над электронным словарём включает три этапа: 1) составление словника (или использование уже готового), 2) создание базы морфологии, 3) работу с синтаксисом, заключающуюся в создании корпуса текстов, что позволит выявить несвободную сочетаемость слов, начиная от словосочетания. Статья посвящена главным образом созданию базы данных морфологии пушту для электронного словаря, что было сделано впервые в мире. Основное внимание в работе уделено именам существительным и прилагательным. На основе грамматических переменных выделены парадигматические классы указанных частей речи, а в их рамках – все возможные формы слова (морфемы). Для имён существительных описано двадцать шесть парадигматических классов, а для имён прилагательных – восемь. Некоторые классы разделяются на подклассы, в каждый из которых входит одна лексема. Это относится к так называемым исключениям из правил. Для каждого класса приведено в качестве образца наиболее характерное слово. Каждая морфема (равно как и каждое значение слова) выступает отдельной словарной единицей, что даёт возможность пользователю легко находить нужное слово, а также осуществлять обратный перевод. Данная статья рассчитана на афганцев, владеющих языком пушту, а также русскоговорящих, работающих с пушту. Особый интерес результаты исследования представляют для тех, кто составляет или собирается составлять электронные словари, особенно для редких языков.

Ключевые слова: язык пушту, компьютерная лексикография, электронный словарь, база данных морфологии, имя существительное, имя прилагательное, парадигматический класс, грамматические переменные

В современной России в условиях модернизации системы профессионального образования выдвигается требование обеспечить подготовку по иностранному языку, включающую в себя формирование у обучающихся компетенций межкультурной коммуникации, оптимизирующей эффективность контактов в конкретной сфере и ситуации общения, а также достижение определённых целей коммуникации. Без полноценного словаря достичь

подобной цели вряд ли возможно. В настоящее время наиболее полным словарём пушту является «Афганско-русский словарь» Мартироса Григорьевича Асланова, во втором издании названный «Пушту-русским словарём». Словарь содержит около 50 тысяч слов.

Известно, что лексика неизбежно устаревает, каждый день появляется новая. В настоящее время появление новой лексики приняло лавинообразный характер. Между тем упомянутый

¹ Статья подготовлена по гранту на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов и кандидатов наук МГИМО.

словарь основан на материалах картотеки, которая собиралась автором многие годы, начиная с начала 1930-х годов, путём росписи лексики из разнообразных источников. Для составления словаря были использованы также личные записи автора, сделанные в Афганистане в 1933-1939 гг. Работа по сбору материала была в основном закончена к 1952 году, вышел словарь в 1966 году, а второе издание увидело свет в 1985 году с небольшим приложением списка новых слов.

Современные технологии позволяют воспользоваться неоспоримыми преимуществами электронной версии словаря, к которым относятся расширенные возможности представления содержания словарной статьи, возможность использования средств мультимедиа, удобный и быстрый поиск, характеристики всех особенностей включаемых в словарь слов, расширенные возможности описания словарной единицы, большой, практически неограниченный объём словарной базы, постоянное обновление последней, актуальность и динамичность, возможность менять направление перевода, вариативность использования, доступность [3].

Ограниченность имеющейся бумажной версии словаря пушту на фоне открывающихся в настоящее время перспектив побудили авторов настоящей статьи приступить к созданию компьютерного словаря пушту на базе российского сайта multitrans.com, автором и директором которого является Андрей Валентинович Поминов, разработавший программное обеспечение для создания электронных словарей. В настоящее время на сайте выложены словари почти всех европейских языков.

Методологической основой исследования послужили современные подходы к обучению иностранным языкам – коммуникативный, компетентностный, личностно-ориентированный, концепция информатизации образования, концепция дистанционного обучения, концепция Веб 2.0 и теория использования социальных сервисов Веб 2.0 в обучении.

Теоретической основой исследования служат комплексный и междисциплинарный подходы, методы исследования и основные положения компьютерной лексикологии и лексикографии. Определённую помощь при проведении исследования оказала база данных по русской и английской морфологии [2].

Использование данных методов и подходов позволило выработать представления о **принципах и этапах подготовки электронного слова-**

ря. Прежде всего на компьютере набирается сам словник. Это можно делать как самостоятельно, так и используя уже имеющиеся бумажные словари. В данном случае за основу электронного пушту-русского словаря взят упоминавшийся выше словарь М.Г. Асланова. Он аккуратно отсканирован, в настоящее время осуществляется проверка текста и вносятся необходимые исправления.

Так формируется полноценная основа, с которой можно будет работать в дальнейшем.

Следующим этапом работы выступает преобразование бумажной версии словаря в электронную таким образом, чтобы были представлены все формы того или иного слова и чтобы каждая такая форма имела статус отдельной словарной единицы. Тем самым преобразуется словарная статья. В электронном словаре единицей выступает не словарная статья, а либо одно значение лексемы, либо одна морфема. Все устойчивые выражения и фразеологизмы с этим словом, включая идиомы, пословицы и поговорки, выступают отдельными единицами. Особое внимание будет уделено передаче сочетаемости слов.

Каждый язык имеет свои способы кодирования грамматического смысла, в частности, словообразования и словоизменения. И пушту здесь не исключение. Систематическое описание этих способов и, как следствие, наличие всех возможных форм слова позволит пользователю при переводе быстро находить нужный ему вариант. Всё это наряду с превращением словарной единицы в значение слова позволит с лёгкостью осуществлять обратный перевод.

Поэтому на втором этапе авторы решали задачу формирования морфологической базы языка пушту.

На последующих этапах создания словаря происходит работа над синтаксисом, когда рассматривается связь слов в словосочетании и в предложении. Для этого в словарь добавляются словосочетания, особенно устойчивые глагольные сочетания глаголов.

Проведённая работа даст возможность учесть почти все особенности включаемых в словарь слов, что, в свою очередь, создаст условия для точного определения компьютером при поисковом запросе каждого слова. Подобный электронный словарь даст возможность не ограничиваться такими операциями, как перевод и толкование (хотя дают возможность изменить направление перевода и воспользоваться ус-

лугой компьютерного перевода с нужного нам языка), но и явится информационной базой для комбинаций на уровне предложений и текстов [1]. В итоге появится возможность создать полноценный электронный словарь пушту.

Далее рассмотрим, как конкретно авторами осуществлялось создание **базы данных морфологии пушту**. В статье основное внимание уделено именам существительным и прилагательным.

Поскольку в предлагаемой нами морфологической модели принят словарь основ, то база данных помимо основ учитываемых лексем содержит словарь списков флексий, соответствующих каждому парадигматическому классу. С каждой флексией связан набор значений грамматических переменных, приписываемый основе с данной флексией. Если в морфологической модели учитываются какие-либо типичные особенности словоизменения (например, чередование букв в основе), то информация о них также должна храниться в базе данных [4].

Работа начинается с разделения имён существительных на парадигматические классы (склонения). Выделение классов и морфем в рамках класса осуществляется по особенностям словоизменения на базе грамматических переменных. Применительно к именам существительным к таким переменным относятся: одушевлённость /неодушевлённость, род (мужской, женский), число (единственное, множественное), падеж (прямой, косвенный).

Далее выбирается слово в качестве образца того или иного класса и даются все его формы,

чаще в виде окончаний, но в случае необходимости и всей лексемы. Результаты разработки морфологии представлены ниже в виде таблицы (в машинном варианте таблиц нет, формы слов образуют строки и столбцы). Каждая строка соответствует одному классу, причём вначале приводятся наиболее многочисленные группы. В первом столбце указан номер класса (в самой базе данных нумерация сквозная для всех частей речи), во втором приводится существительное в прямом падеже, в третьем существительное в косвенном падеже, в четвертом – множественное число в прямом падеже, затем множественное число в косвенном падеже и в заключение – перевод.

Приведённые в статье парадигматические классы **имен существительных** включают наибольшее число лексем. Остальные классы содержат по одному слову. Первые двенадцать классов представлены существительными мужского рода. В первый парадигматический класс входят имена существительные одушевлённые, во второй – неодушевлённые.

В 1-4-м классах словоизменение осуществляется путём прибавления окончания, а в пятом классе – его (окончания) изменения, а субстантивированные существительные шестого класса объединяют оба варианта. Во всех остальных классах (6-12) словоизменение осуществляется путём внутренней флексии (изменения основы). При этом существительные 6-го класса являются исключениями, поэтому в базе данных они приводятся все, и каждое из них образует свой подкласс.

№	Ед. ч. прямой падеж	Ед. ч. косвенный падеж	Мн. ч. прямой падеж	Мн. ч. косвенный падеж	Перевод
1	mez	mez	mezuna	mezuno	стол
2	talib	talib	talibān	talibāno	студент
3	chaku	chaku	chakugān	chakugāno	нож
4	sāda	sāda	sādagān	sādagāno	простак
5	saṛay	sari	sari	sario	мужчина
6	zalmay	zalmi	zalmiyān	zalmiyāno	юноша
7	xar	xrə	xrə	xro	осёл
8	špun	špāne	špāne	špano	пастух
9	ṭopak	ṭopak	ṭopək	ṭopəko	ружьё
10	plār	plār	plaruna	plaruno	отец
11	zoy	zoy	zāmən	zāməno	сын
12	vror	vror	vruṇa	vruṇo	брат

У имён существительных женского рода 13-15-го парадигматических классов словоизменение происходит изменением окончания, 16-17-го классов – добавлением окончания, 18-23-го

– присоединением суффикса, а 24-26-го – внутренней флексией. Существительные 17-го класса выписываются все с образованием каждым из них своего подкласса.

№	Ед. ч. прямой падеж	Ед. ч. косвенный падеж	Мн. ч. прямой падеж	Мн. ч. косвенный падеж	Перевод
13	taxta	taxte	taxte	taxto	доска
14	malgære	malgære	malgære	malgæro	подруга
15	bazi	bazøy	bazøy	bazəyo	игра
16	kərķəy	kərķəy	kərķəy	kərķəyo	окно
17	vradz	vradze	vradze	vradzo	день
18	bizo	bizo	bizogāne	bizogāno	обезьяна
19	mlā	mlā	mlāgāne	mlāgāno	поясница
20	xvā	xvā	xvāve	xvāvo	сторона
21	nave	nāve	nāveyāne	nāveyāno	невеста
22	tafrih	tafrih	tafrigāne	tafrigāno	отдых
23	tafrih	tafrih	tafrihāt	tafrihāto	отдых
24	mor	mor	mende	mendo	мать
25	xor	xor	xvende	xvenvo	сестра
26	lur	lur	luṇe	luṇo	дочь

Что касается **имен прилагательных**, то наибольшее их количество представлено в приведённых ниже восьми классах. Для прилагательных число морфем в одном классе увеличивается при уменьшении числа самих классов, поскольку прилагательные изменяются не только по числам и падежам, но и по родам. Вместе с тем все классы, за исключением первого, шестого и седьмого, содержат ограниченное число прилагательных, формы которых нужно будет расписать.

Словоизменение прилагательных первого и второго парадигматических классов характеризуется аффиксацией, третьей, шестой и седьмой – флексией аффиксов, а остальные, кроме восьмого, – внутренней флексией. К восьмому классу относятся неизменяемые прилагательные. Прилагательные 2-5-го и 8-го классов выписываются все с образованием каждым из них своего подкласса. Второй и третий классы включают по три подкласса, пятый класс – пять и восьмой – шесть подклассов.

№	Ед.ч. м.р. прям. падеж	Ед.ч. ж.р. прям. падеж	Мн.ч. м.р. прям. падеж	Мн.ч. ж.р. прям. падеж	Ед.ч. м.р. косв. падеж	Ед.ч. ж.р. косв. падеж	Мн.ч. м.р. косв. падеж	Мн.ч. ж.р. косв. падеж	Перевод
1	tor	tora	tor	tore	tor	tore	toro	toro	чёрный
2	um	uma	umə	ume	umə	ume	umo	umo	незрелый
3	bidə	bida	bidə	bide	bidə	bide	bido	bido	спящий
4	spor	spara	spārə	spare	spārə	spare	sparo	sparo	верховой
5	sur	sra	srə	sre	srə	sre	sro	sro	красный
6	nəvay	nəve	nəvi	nəve	nəvi	nəve	nəvo	nəvo	новый
7	praday	pradəy	pradi	pradəy	pradi	pradəy	pradio	pradiyo	чужой
8	abi	голубой							

Наибольшее количество форм имеют **глаголы**. Выделяются семь групп глаголов, которые образуют множество парадигматических классов, подклассов и форм в зависимости от таких грамматических переменных, как время (настоящее, прошедшее, будущее, перфект, плюсквамперфект), вид (несовершенный, совершенный), наклонение (изъявительное, повелительное, условно-желательное), лицо (первое, второе, третье), число (единственное, множественное), форма причастия (действительное причастие настоящего времени, действительное причастие прошедшего времени), потенциальная форма.

В качестве примера приведём два первых парадигматических класса, включающих формы настоящего времени одноосновных глаголов, то есть имеющих одну основу в инфинитиве и в настоящем времени (kavəl – делать) и двуосновных глаголов, то есть полностью меняющих основу в настоящем времени (kedəl – становиться, делаться). Первая буква k обоих глаголов поставлена в скобки, поскольку с их помощью образуется не одна тысяча глаголов действительного и страдательного залога соответственно: rasavəl – доставлять, rasedəl – прибывать, teravəl – проводить, teredəl – проходить, portakavəl – поднимать, portakedəl – подниматься и т.п.

№	1 лицо ед.ч.	2 лицо ед.ч.	3лицо ед.ч.	1 лицо мн.ч.	2 лицо мн.ч.	3 лицо мн.ч.	Инфинитив	Перевод
1	(k)avəm	(k)ave	(k)avi	(k)avu	(k)avey	(k)avi	kavel	делать
2	(k)ežəm	(k)eže	(k)eži	(k)ežu	(k)ežey	(k)eži	kedəl	делаться

Количество одноосновных и двусловных глаголов в языке пушту примерно одинаково с небольшим преобладанием последних. Для обеспечения точности при поиске слов глаго-

лы обоих классов выписываются вручную, и каждый из них образует свой подкласс. Приведем ещё по одному примеру глаголов каждого класса:

№	1 лицо ед.ч.	2 лицо ед.ч.	3лицо ед.ч.	1 лицо мн.ч.	2 лицо мн.ч.	3 лицо мн.ч.	Инфинитив	Перевод
3	likəm	like	liki	liku	likəy	liki	likəl	писать
4	dzəm	dze	dzi	dzu	dzey	dzi	tləl	идти

Так прописываются все морфологические формы, каждая из которых выступает лексической единицей в электронном словаре.

Следующим этапом составления компьютерного словаря станет работа с синтаксисом, которая будет заключаться во введении корпуса текстов пушту, начиная с отдельных предложений.

Список литературы

1. Зубов А. В., Зубова И. И. Основы искусственного интеллекта для лингвистов. Москва: РГГУ, 2013. 320 с.
2. База данных по русской и английской морфологии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.solarix.ru/sql-dictionary-sdk.shtml> (дата обращения 15.05.2018 г.).
3. Селегей В. П. Компьютерная лексикография [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.abbyy.com/ru-ru/science/technologies/lexicography/> (Дата обращения 15.05.2018 г.).
4. Лингвистический процессор естественного языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/972381/page:5/> (Дата обращения 16.05.2018 г.)

Сведения об авторах:

Лалетин Юрий Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры индоиранских и африканских языков МГИМО. Сфера интересов: язык пушту, лингвострановедение. E-mail: yupl@mail.ru.

Сорвёнков Владислав Олегович – студент 4-го курса факультета Международных отношений МГИМО. Сфера интересов: язык пушту, лингвострановедение. E-mail: vladislavsorvyonkov@yandex.ru.

Тимофеев Михаил Алексеевич – студент 4-го курса факультета Международных отношений МГИМО. Сфера интересов: язык пушту, лингвострановедение. E-mail: tmishela@gmail.com.

ELECTRONIC PASHTO DICTIONARY: CREATING A MORPHOLOGY DATABASE

Yu.P. Laletin, V.O. Sorvyonkov, M.A. Timofeev

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article deals with the creation of an electronic dictionary based on the “Pashto-Russian Dictionary” by M. G. Aslanov, which is currently the most comprehensive Pashto dictionary. However, paper dictionaries inevitably become outdated, while electronic dictionaries have a number of indisputable advantages over traditional ones. The work on an electronic dictionary includes three stages: 1) compiling a vocabulary (or using an already completed one), 2) creating a morphology base, 3) working with syntax, which consists in creating a corpus of texts that will allow revealing non-free compatibility of words,*

starting with a word combination. The article focuses mainly on creation of a Pashto morphology database for an electronic dictionary, on nouns and adjectives, which has never been done before. According to grammatical variables, the paradigmatic classes of the indicated parts of speech are distinguished, as well as all possible forms of the word (morphemes) within the classes. Twenty-six paradigmatic classes are distinguished for nouns, and eight for adjectives. Some classes are divided into subclasses, each of which includes one word. This refers to the so-called exceptions to the rules. For each class, the most characteristic word is given as a model. Each morpheme (as well as each meaning of a word) appears as a separate dictionary unit, which allows the user to easily find the desired word, as well as to make a reverse translation. This article is intended for Afghans who speak Pashto, as well as Russian speakers who deal with Pashto. Of particular interest are the results of the study for those who compose or intend to compile electronic dictionaries, especially of rare languages.

Key Words: *the Pashto language, computer lexicography, electronic dictionary, morphology database, noun, adjective, paradigmatic class, grammatical variables*

References

1. Zubov A. V., Zubova I. I. *Osnovy iskusstvennogo intellekta dlia lingvistov*. [Basics of artificial intelligence for linguists]. Moskva: RGGU, 2013. 320s.
2. *Baza dannykh po russkoi i angliiskoi leksike i morfologii* [Database on Russian and English vocabulary and morphology]. Available at: <http://www.solarix.ru/sql-dictionary-sdk.shtml> (accessed 15 May 2018).
3. Selegej V. P. *Komp'iuternaia leksikografia* [Computer lexicography]. Available at: <https://www.abbyy.com/ru-ru/science/technologies/lexicography/> (accessed 15 May 2018).
4. *Lingvisticheski protsessor estestvennogo iazika* [Natural Language Linguistic Processor]. Available at: <https://studfiles.net/preview/972381/page:5/> (accessed 16 May 2018).

About the authors:

Yuriy Pavlovich Laletin – PhD (History), Assistant Professor of the Department of IndoIranian and African Languages, MGIMO. Spheres of interest: the Pashto Language, linguistics. E-mail: yupl@mail.ru.

Vladislav Olegovich Sorvyonkov – fourth-year student of the International Relations Faculty, MGIMO. Spheres of interest: the Pashto Language, linguistics. E-mail: vladislavsorvyonkov@yandex.ru.

Mikhail Alekseevich Timofeev – fourth-year student of the International Relations Faculty, MGIMO. Spheres of interest: the Pashto Language, linguistics. E-mail: tmishela@gmail.com.

* * *

ГОРОД КАК ИДЕОЛОГИЯ: ТЕЗАУРУС ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА «ПОКОЛЕНИЯ 1837 ГОДА»

Ю.А. Ларикова

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, г. Москва, Стремянный пер., 36

В статье рассматривается малоизученный в отечественной испанистике социокультурный феномен латиноамериканского «учёного города» («la ciudad letrada») на примере интеллектуальной элиты Аргентины середины XIX века, известной как «Поколение 1837 года». Методом тезаурусного анализа исследуется политический дискурс её наиболее видного представителя, Д.Ф. Сармьенто (1811—1888), писателя романтической школы, просветителя и государственного деятеля, президента республики с 1868 по 1874 гг. Материалом исследования послужило его программное произведение «Факундо: цивилизация и варварство», вошедшее в литературный обиход под кратким названием «Факундо».

Изданный в 1845 году, в разгар многолетнего гражданского противостояния, «Факундо» снижал у соотечественников успех как жестокий памфлет в адрес губернатора провинции Буэнос-Айрес Х.М. Росаса, чья единоличная власть опиралась на грубую силу народных каудильо. Вместе с тем «Факундо» предстояло стать программным текстом языковой культуры Ла-Платы, в котором отразились контрасты картины мира «учёного города» Латинской Америки как периферии доминантной европейской цивилизации.

Результаты анализа позволяют судить о значении концептов «цивилизация» и «варварство» в культурном коде аргентинцев, а также проливают свет на другие аспекты цивилизационной и национальной идентичности аргентинского народа, в формирование которой деятели «учёного города» той поры – писатели, поэты, философы, историки и публицисты – внесли основополагающий вклад.

Ключевые слова: тезаурусный анализ, политический дискурс, культурная картина мира, цивилизация, варварство, Аргентина, «учёный город», гаучо, национальная идея, идентичность

В середине XIX века, после провозглашения независимости от Испанской империи рядом вице-королевств Латинской Америки, на территории новообразованных государств сформировалось просвещённое сословие, получившее в научной литературе название «учёного города» («la ciudad letrada»). Перед этой новой интеллектуальной элитой встала уникальная задача: составить символическую карту [17, с. 3] своих стран, переосмысляя на американской почве такие устоявшиеся в европейском сознании политические концепты, как «народ» («pueblo»), «нация» («nación») и «государство» («estado»).

Помимо сопротивления внешних реалий, как то: этническая разнородность населения, неграмотность подавляющей части общества, правовой хаос и техническая отсталость, амбициозный проект национального самоопределения подвергается испытанию изнутри латиноамериканской языковой личности, сформированной культурой Испании как бывшей метрополии, а также Франции и Великобритании.

В своей знаменитой монографии, посвящённой «учёному городу», уругвайский академик Анхель Рама (Ángel Rama) указывает на исторически сложившуюся зависимость латиноамери-

канских интеллектуалов от западноевропейского культурного кода, ощутимую и по сей день [19, с. 52]:

«Литератор XX века по-прежнему ощущает себя сосланным на обочину цивилизации, центр силы которой (а также читатель) принадлежит европейским метрополиям». (Здесь и далее перевод мой. Ю.Л.).

Этим парадоксом отмечена и культурно-языковая картина мира Доминго Фаустино Сармьенто, просветителя, публициста, президента Аргентины с 1868 по 1874 гг., яркого представителя влиятельного общественного движения «Поколения 1837 года» («Generación del 37»). Предметом данного лингвокультурологического исследования является аргентинский политический дискурс XIX века, рассматриваемый на материале программного произведения писателя «Цивилизация и варварство, или жизнеописание Хуана Факундо Кироги» («Facundo o civilización y la barbarie») 1845 года [21].

В статье используется метод тезаурусного анализа, получивший наиболее полное теоретическое обоснование в работах культуролога Владимира Лукова и его последователей. Определяя тезаурус как «субъектную организацию гуманитарного знания, или «структурированное представление и общий образ той части мировой культуры, которую может освоить субъект» [11, с. 94], учёные отмечают, что такой субъект может быть как индивидуальным, так и коллективным. Следовательно, тезаурусный метод позволяет выделить в дискурсе Сармьенто черты, свойственные культурной картине мира «Поколения 1837 года» в целом.

В свете теории тезауруса становится ясно, каким образом латиноамериканский культурный метатекст, «Факундо», послужил становлению национальной идентичности аргентинцев.

1. «Поколение 1837 года» как новый тип интеллектуальной элиты

Стремясь укрепить свою власть в колониях, начиная с XVIII века Испанская империя поощряла формирование городской элиты из крепольских идальго и разночинцев. Деятельность светской интеллигенции приобретала государственное значение, повышая престиж таких профессий, как врач, правовед, учитель и т.д.

Тем не менее высшее чиновничество на местах, как и военное руководство, по-прежнему состояло из выходцев из Испании, призвавших

креолов. Со временем, укоренившись в органах городской администрации, издательствах, университетских кафедрах, латиноамериканское просвещённое сословие заручается автономией по отношению к центральной власти, а в начале XIX столетия способствует консолидации общества в борьбе за свободу от колониального гнёта.

На поверку, сплочение широких слоёв населения против внешнего врага носило временный характер. Достижения антиколониальной Майской революции 1810 года, за которой в 1816 году последовало подписание Декларации независимости Аргентины, на протяжении десятилетий оспаривали два противоборствующих лагеря: федералисты, мобилизовавшие сельские массы под предводительством народных вождей (caudillos), и унитарии, представленные военными и интеллигенцией Буэнос-Айреса, а также других крупнейших городов страны.

На кону была победа либо либерального, либо консервативного пути развития Аргентины. В 1835 году вся полнота центральной власти сосредоточилась в руках Хуана Мануэля Росаса, губернатора провинции Буэнос-Айрес, который на словах отстаивал сохранение автономии провинций в рамках конфедерации, а на деле отдал полуфеодальную страну на произвол своих наместников-каудильо.

Как ответ на политическую реакцию, в Литературном Салоне Буэнос-Айреса, основанном в 1837 году уругвайцем Маркосом Састре, рождается интеллектуальное движение «Поколение 1837 года», объединившее под знаменем социального романтизма молодых аргентинских философов, историков, поэтов, драматургов и публицистов. Его идейные вдохновители, Эстебан Эчеве́риа (Ezequiel Esteban Echeverría), Хуан М. Гутьеррес (Juan M. Gutiérrez), Хуан Б. Альберди (Juan B. Alberdi), Бартоломе Митре (Bartolomé Mitre) и Доминго Ф. Сармьенто (Domingo F. Sarmiento), стали знаковыми фигурами культурных и общественных процессов латиноамериканского континента.

«Учёный город» Латинской Америки переживает очередной расцвет в Буэнос-Айресе не случайно. Благодаря образовательной реформе 1820-х годов, Школа Гуманитарных Наук и Университет Буэнос-Айреса предоставили бюджетные места для талантливой молодёжи из всех уголков страны. Диплом этих учреждений впоследствии определял принадлежность к избранному кругу передовой аргентинской интеллигенции, из которого долгое время был исключён «самоучка» из Сан-Хуана, Сармьенто.

При этом, в отличие от своих современников в Мексике, Чили или Перу, «Поколению 1837» не пришлось конкурировать с консервативными эстетическими течениями, поскольку режим Росаса отличался одинаковой враждебностью к любым проявлениям свободной мысли. По мнению историка Хорхе Мьерса (Jorge Myers) [18, с. 389], эти факторы способствовали формированию на аргентинской почве латиноамериканского интеллектуала нового типа, не ангажированного ни Церковью, ни государством.

«В Аргентине фундаментальный идейный прорыв, связанный с появлением на общественной сцене фигуры «интеллектуала», совпадает с зарождением Поколения романтиков. Нового интеллектуала отличала автономия по отношению к системной власти Государства, Церкви, корпораций и традиционных классов, неведомая ни колониальному «книжнику», ни средневековому священнику, чья социальная роль состояла в служении установленному политическому порядку и распространении слова Божия».

Лингвист А.А. Невокшанова замечает, что именно тогда, на встречах Литературного Салона, было положено начало дискуссии о самоопределении аргентинской нации [12, с. 434]. Писатели-романтики намеревались сформулировать национальную идею в духе просвещения и прогресса, причём, по ёмкому выражению Альберди, в основу такой идеи должно было лечь «el estudio de lo nacional» [18, с. 384], то есть тщательное изучение материальной и социальной действительности Аргентины.

Однако, как мы увидим в ходе тезаурусного анализа «Факундо», проект государственной идеологии, предложенный «Поколением 1837 года» и закреплённый – вслед за поражением Росаса в битве при Касеросе – в Конституции 1853 года, являлся проекцией мировоззрения лишь узкой прослойки аргентинского общества, ведь, согласно теории Вл. А. Лукова, тезаурус представляет собой субъективную картину мира, заведомо фрагментарную и в значительной мере противоречивую [11, с. 94].

2. Очерк «Факундо» как памятник пограничной культуры

В 1840-х годах многие из участников «Поколения 1837 года» эмигрировали в Чили, где им было предоставлено политическое убежище. Опальное положение сыграло на руку литераторам как распространителям наиболее радикаль-

ных на тот момент идей далеко за пределами Аргентины.

Как раз в это время к движению примыкает Доминго Ф. Сармьенто, уже известный публике как автор «Факундо», жестокого памфлета в адрес губернатора Буэнос-Айреса, чья диктатура опиралась на грубую силу каудильо, воплощённую на страницах произведения в исторической фигуре Факундо Кироги, прозванного в народе Тигром Равнин (el Tigre de los Llanos). Вслед за публикацией очерка в Сантьяго в 1845 году будущий «великий сан-хуанец» предпринимает двухгодичное путешествие по Западной Европе, Африке и США, изучая образовательную и миграционную политику зарубежных стран по поручению чилийского правительства. Своевременная рецензия во французском журнале «Обозрение Старого и Нового Света» («Revue des Deux Mondes»), посвящённая «Факундо», открыла посланнику двери в европейские литературные, а также во властные круги.

Отдавая дань цивилизационному наследию Старого Света в становлении латиноамериканского общества и государственности, Сармьенто подчёркивает природный и духовный потенциал молодой аргентинской нации, ввергнутой в «хаос» и «варварство» Росасом, деспотом, посягнувшим на ценности антиколониальной Майской революции 1810 года.

Однако за ясностью послания адресату по ту сторону Атлантики таились терзавшие автора концептуальные противоречия, очевидные для его аудитории в Латинской Америке. Спустя несколько лет, в прологе к итальянскому изданию он назовет «Факундо» «книгой странной, несообразной, бесформенной, вроде обломка утёса, сброшенного на голову титану» Росасу [22, с. 3].

Для конструирования социальной реальности Аргентины Сармьенто прибегает к спорному с точки зрения современной философии, однако общепринятому в политической риторике тех лет, онтологическому дуализму. Все сферы жизни общества, от политики до морали, оказались искусственно сведены в «Факундо» к полярным категориям «цивилизации» и «варварства».

В переводе с латыни термин «civitas» означает одновременно и государство, и городскую общину наподобие древнегреческого полиса. Если цивилизация – это гражданственность, то варварство – напротив, отсутствие гражданственности, ведь в классическую эпоху варварами пренебрежительно называли любых чужеземцев, обитавших за пределами полисов. Из сле-

дующей цитаты видно, что в сознании автора «Факундо» действует восходящий к античности образ-гештальт города-государства, очага цивилизации посреди необъятного мирового пространства, населённого дикарями.

«И действительно, есть нечто такое в необъятных просторах Аргентины, что вызывает в памяти азиатские просторы; душа чувствует какое-то сходство между пампой и пустынями, расположенными между Тигром и Евфратом, между одинокой вереницей повозок, пересекающих наши безлюдные равнины, чтобы после многомесячного путешествия достичь Буэнос-Айреса, и караваном верблюдов, направляющимся в Багдад или Смирну» [14, с. 19].

По утверждению культуролога И.В. Кондакова, цивилизационный подход в объяснении процессов развития общества начал складываться в 70-80-е годы XVIII века «в попытке осмыслить противостояние западно-христианской цивилизации другим мирам» [5, с. 21], с которыми столкнулась Европа вслед за Великими географическими открытиями. Изначально понятие «цивилизация» использовалось английскими и французскими просветителями как антитеза варварству.

В 1828 году Франсуа Гизо публикует «Историю цивилизации в Европе» [2], а два года спустя «Историю цивилизации во Франции» [3], откуда, как считает литературовед А.М. Власов [1, с. 90], Сармьенто заимствует представление о цивилизации как о достоянии европейских стран.

Однако если европейцы называли «варварами» народы, населявшие колонии, то Сармьенто проводит границу внутри своей страны, дискриминируя туземную и смешанную популяцию Аргентины. Подобное, подчас искусственное, обособление «своих» от «чужих» характерно для «пограничных культур», то есть таких, которые,

в определении культуролога А.А. Королевой, исторически формировались «на стыке цивилизаций» [6, с. 81], в момент складывания их коллективной идентичности.

Хотя, в отличие от индейских цивилизаций Центральной Америки и области Анд, коренные племена Ла-Платы не были носителями развитой культуры, латиноамериканист А.Ф. Кофман [7, с. 14] отмечает, что бытовое соприкосновение, «реальный и часто непредсказуемый опыт общения» с индейцами на протяжении столетий нарушал «чёрно-белую систему восприятия» их креолами, сообщая ему «промежуточные тона и оттенки».

Ещё меньше сомнений у современников вызвала укоренённость в истории и культуре молодой нации метисов гаучо, героев войны за независимость 1810–1816 гг. Не случайно харизматичный образ гаучо явился камнем преткновения идеологической системы, выстраиваемой Сармьенто.

3. Освоение варварского пространства в очерке Д.Ф. Сармьенто

Исследователи «Факундо» по сей день задаются вопросом: в каких логических отношениях состоят между собою в тексте члены универсальной дихотомии «своё» и «чужое», определяющей, по словам лингвиста Ю.С. Степанова, всякую коллективную картину мира [15, с. 41].

На первый взгляд, речь идёт о заявленном в полном названии очерка «Факундо» противопоставлении ценностных категорий «цивилизации» и «варварства», которые, в свою очередь, включают в себя множество исторических, геополитических, этнокультурных, этических, символических и других оппозиций, эксплицитно и имплицитно представленных в произведении. Основные из них приведены ниже в таблице.

Таблица 1. Антонимические пары в тексте «Факундо»

ЦИВИЛИЗАЦИЯ	ВАРВАРСТВО
Европа	Азия
Республиканская Франция	Абсолютистская Испания
Революционный Буэнос-Айрес	Колониальная Кордоба
Европоцентризм	Американизм
Креолы	Индейцы и метисы
Город	Село
Образованный горожанин	Пастух гаучо – полукровка, обитатель пампы, ведущий полукочевой образ жизни
Унитарии	Федералисты

ЦИВИЛИЗАЦИЯ	ВАРВАРСТВО
Бернардино Ривадавия – президент Объединенных Провинций Ла-Платы, преобразованных в 1826 г. Аргентинскую конфедерацию	Хуан Мануэль Росас – губернатор провинции Буэнос-Айрес и фактический глава Аргентины с 1829 по 1852 гг.
Генерал Хосе Мария Пас – герой борьбы за независимость Аргентины	Факундо Кирога – военный деятель, лидер аргентинского федерализма
Регулярная армия	Партизанские объединения
XIX век	Средневековье (XII в.)
Свобода	Деспотизм
Гражданское общество	Семейные кланы
Социальный контракт	Вождизм
Судоходные реки	Пустынная пампа
Светское государство	Католическая Церковь
Прогресс	Отставание в развитии, стагнация
Интенсивное земледелие	Экстенсивное животноводство
Трудолюбие	Потребительство
Культура	Невежество
Фрак	Пончо
Человек	Зверь
Разум	Инстинкт
Дух	Материя
Свет	Тьма

Тем не менее образы сельских персонажей, таких как гаучо-певец (*gaucho cantor*), злой гаучо (*gaucho malo*) или гаучо-следопыт (*gaucho rastreador*), столь живописно выведенные на страницах «Факундо», не говоря уже о пассионарном главном герое, Факундо Кироге, которого автор сравнивает с Магометом, Тамерланом и Александром Македонским, заставляют философа Оскара Терана (*Oscar Terán*) [23, с. 35 – 36] утверждать, что между концептами «цивилизации» и «варварства» как в заглавии, так и в смысловой структуре текста стоит соединительный союз, то есть у Сармьенто они образуют своего рода культурный «сплав». Подобная точка зрения преобладает и в работах отечественных литературоведов, в том числе латиноамериканиста В.Б. Земскова [4].

Другой аргентинский критик, Хулио Рамос (*Julio Ramos*) [20, с. 81], напротив, указывает на то, что дискурс Сармьенто представляет собой «иерархическое пространство», где «цивилизация» и «варварство» сосуществуют, но отнюдь не на равных. Цивилизация призвана подчинить себе чужеродное, варварское начало. Выражается это, в частности, в том, как устные высказывания «чужаков», будучи искусно вплетены в нормированную речь повествователя, представителя «учёного города», утрачивают естественность, превращаясь в орнамент, цитату.

Отталкиваясь от известных интерпретаций,

в этой статье мы рассматриваем проблему «своего» и «чужого» в очерке «Факундо» сквозь призму теории тезауруса. По словам её автора, Вл. А. Лукова [10, с. 20], любой межкультурный контакт предполагает «расширение человеческих горизонтов, освоение чужого с целью ввести его в состав своего», однако поскольку тезаурус выстраивается вокруг некоего ценностного ядра, «чужое» может быть усвоено субъектом, лишь пройдя цензуру его тезауруса.

Так, «варварство» проникает в тезаурус Сармьенто сквозь защитную «мембрану», сотканную из социальных теорий европейских просветителей и романтиков, стилистических приёмов писателей-костюмистов, из подчас неуклюжих метафор, как, например, гаучо – «филибустеры равнин» («*filibusteros de tierra*»). В результате, от «чужого» остаётся лишь оболочка, его идеальный образ – аргентинская идентичность.

Лингвист Кутьева М.В. обращает внимание на то, что слово в полной мере реализует свой концептуальный потенциал, лишь «живя в языке коллектива», где оно «насыщается разнообразными семантическими нюансировками» [8, с. 119]. Примечательно, что в тексте «Факундо» этноним «аргентинский» употребляется преимущественно в оценочно-нейтральном смысле, для обозначения территориальной, либо национальной принадлежности («Аргентинская Республика», «аргентинский

пролетарий», «аргентинский писатель»), а концептуально-нагруженное содержание обретает только в пассажах о пампе и гаучо, то есть тогда, когда автор обращается к тем реалиям жизни своего народа, которые он же называет «варварскими».

Рассматривая некоторые компоненты национальной идентичности, теоретически выделенные И.В. Кондаковым [5, с. 80 – 103] применительно к аргентинской языковой культуре, мы иллюстрируем их содержание цитатами из произведения Сармьенто.

Таблица II. Компоненты аргентинской идентичности в «Факундо»

Компоненты идентичности	Содержание	Примеры
Восприятие пространства	Необъятная территория без чётких границ между водным, земным и воздушным пространством	«...Что пробуждается в душе жителя Аргентинской Республики, когда он обратит свой взор к горизонту и видит... и ничего не видит, ибо чем дальше всматривается он вдаль, углубляясь в созерцание неясных, бескрайних, подёрнутых дымкой просторов, тем более далёким кажется ему горизонт, тем больше он завораживает и приводит его в замешательство, повергает в сомнение. Где пределы того мира, который напрасно пытается постичь аргентинец? Этого он не знает! Что находится там, дальше, за горизонтом? Одиночество, опасность, дикари, смерть!» [14, с. 29].
Социокультурный типаж	Гаучо (злой гаучо, певец, следопыт и т.д.)	«Самый удивительный, самый необыкновенный человек – это Растреадор-Следопыт. Все гаучо из глубинных областей умеют читать следы. На обширных равнинах, где пересекаются идущие в самых разных направлениях дороги и тропы, а пастбища не имеют ограждений, необходимо уметь обнаруживать нужный след среди тысячи и определять, как движется животное: медленно или быстро, свободно или в узде, с грузом или без груза – это народная, домашняя кухня» [14, с. 32].
Черты психики	Индивидуализм, удаль, презрение к смерти	«Жителя пампы держат в страхе если не дикари, то тигр, который может его подстеречь, или змея, на которую он может наступить. Привычная и постоянная неуверенность в собственной безопасности накладывает, на мой взгляд, на характер аргентинца отпечаток стоического смирения перед насильственной смертью (...) и, возможно, это объясняет отчасти то безразличие, с каким аргентинец убивает и сам встречает смерть...» [14, с. 16].
Историческая память	Майская революция 1810 года; война за независимость Аргентины (1810 – 1816 гг.)	«Аргентинцы, к какому бы классу они ни принадлежали, цивилизованные или невежественные, имеют высокое представление о себе как о нации... (...) Разве не помогли завоевать независимость этой части Америки отчаянные аргентинские гаучо, не видевшие под солнцем никого выше себя, никого более умудрённого, более сильного?» [14, с. 26].

Сармьенто фиксирует сосуществование в постколониальном аргентинском обществе варварства и цивилизации, двух начал, побуждающих его к развитию. Любопытно, что культуролог М.Г. Курбанов [9, с. 184 – 194] усматривает в варварстве «тело» цивилизации: то «природное начало», без которого она «повисает в воображении как пустая абстракция». Так, образ варвара позволил писателю вдохнуть жизнь в несколько ходульный «фрак» (метонимическое обозначение образованного горожанина-креола) и тем самым преодолеть одномерность идентичности

аргентинцев как наследников европейской цивилизации.

Как полагает испанист Г.С. Романова [13], выбор романтиков «Поколения 1837 года», равно как и авторов «поэзии гаучо», венцом которой стал «Мартин Фьерро» (1872) [16], в пользу данного национального типажа объясняется тем, что колоритный обитатель пампы находился «вне круга пишущих о нем интеллектуалов», а значит, можно было творить народный идеал в кабинетах, не опасаясь вторжения «грубой реальности». В терминах тезаурусной теории та-

кую попытку следует трактовать как «освоение», или даже присвоение «учёным городом» некогда «чуждого», варварского пространства.

Парадоксальным образом «открытие» сельского мира латиноамериканской литературой совпало с угасанием устной народной традиции вследствие урбанизации и – часто насильственной – аккультурации. Закономерно, что в первую перепись населения Аргентины, произведённую в 1869 году, во время президентского правления Сармьенто, не были включены коренные племена, занимавшие несколько провинций страны. Позднее, в результате карательной кампании 1879 – 1884 гг., вошедшей в исторические хроники под названием «Завоевание пустыни», остатки индейцев и гаучо лишились своих земель.

Итак, проведённый тезаурусный анализ подтверждает, что антиномия «цивилизация и варварство» способствовала резкой сегрегации аргентинского общества во второй половине XIX века. Между тем действенность её в масштабах Латинской Америки не вызывает сомнений. В силу короткой национальной истории народы новых республик особенно остро нуждались в самоопределении по отношению к остальному миру, тогда как бинарная формула, предложенная Сармьенто, давала на этот вопрос принци-

пиальный ответ. Когда многим казалось, что вместе с крахом утопии Симона Боливара о создании единого Южноамериканского государства интеграционный проект Нового Света себя изживает, публикация «Факундо» явилась веским аргументом в пользу того, что центр американской цивилизационной идентичности необходимо искать в Европе.

Европоцентрическая картина мира долгое время преобладала как догма в сознании аргентинцев, вплоть до глобального кризиса 1929 года, когда на фоне экономического спада стала складываться школа ревизии аргентинской истории в духе национализма и антилиберализма. По мнению ревизионистов, в битве при Касеросе 1852 года вместе с губернатором Буэнос-Айреса Росасом потерпели поражение традиционные аргентинские ценности («argentinidad»), а дальнейший курс на стимуляцию притока капитала и рабочей силы из Старого Света превратил Аргентину в «инострannую колонию». В заключение необходимо отметить, что, хотя дискуссия вокруг фигуры Доминго Ф. Сармьенто не затихает и в XXI веке, дискурс его противников по-прежнему отражает бинарную мыслительную парадигму, заданную деятелями «Поколения 1837 года», в том числе самим автором «Факундо».

Список литературы

1. Власов А.М. Идеология цивилизации и варварства в творчестве Д.Ф. Сармьенто // Латинская Америка, 2000. №3. С. 88–103.
2. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М. : Территория будущего, 2007. 336 с.
3. Гизо Ф. История цивилизации во Франции в 4-х томах. Том I. Лекции I - XV. М. : Рубежи XXI, 2006. 328 с.
4. Земсков В.Б. Творчество Доминго Фаустино Сармьенто и литературное развитие в 50–70х годах. // История литератур Латинской Америки. Том II. М. : Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 1988. С. 452–474.
5. Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М. : Прогресс-Традиция, 2011. 1024 с.
6. Королева А.А. Восприятие пространства и времени в испанской и русской культурных картинах мира. // Латинская Америка. 2015. №2. С. 80–92.
7. Кофман А.Ф. Тема варварства в испаноамериканской литературе. // Литература двух Америк. 2016. №1. М. : ИМЛИ РАН, 2016. С. 8–49.
8. Кутьева М.В. Денотативы-символы в русской и испанской поэзии. // Вестник РУДН, сер. «Вопросы образования: языки и специальность», 2005. №1. С. 119–126.
9. Курбанов М.Г. Дикость, варварство и цивилизация как исторические формы трансляции культуры. // Модусы времени: социально-философский анализ: Сб. статей / Под ред. И. В. Кузина. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 184–194.
10. Луков Вал., Луков Вл. Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания. // Знание. Понимание. Умение. М.: 2014. №1. С. 18–35.
11. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках. // Знание. Понимание. Умение. Москва, 2004. №1. С. 93–100.
12. Невокшанова А.А. Лингвистическое осмысление языковой ситуации в Аргентине в первой половине XIX века (языковые идеи «Поколения 1837 года»). // Вестник Орловского государственного университета. 2011. №2. С. 434–436.
13. Романова Г.С. Чилийская и аргентинская языковая личность в зеркале ключевых концептов: gaucho и huaso. // Тезисы доклада XLVII Международной филологической научной конференции. // Сайт Санкт-Петербургского государственного университета. 2018. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.conference-spbu.ru/conference/38/section/669/>. (Дата доступа: 02.09.2018).

14. Сармьенто Д.Ф. Факундо: Цивилизация и варварство. Жизнеописание Хуана Факундо Кироги, а также физический облик, обычаи и нравы Аргентинской Республики. М. : Наука, 1988. 272 с.
15. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
16. Hernández J. Martín Fierro. Madrid : Ed. Cátedra, 2005. 424 p.
17. Montaldo G. El cuerpo de la patria: Espacio, naturaleza y cultura en Bello y Sarmiento. // *Hispanamérica*, 1994. № 3. P. 3–20.
18. Myers J. La revolución en las ideas: La generación romántica de 1837 en la cultura y la política argentinas. // *Nueva historia argentina*. T. 3. Buenos Aires : Sudamericana, 2005. P. 381–445.
19. Rama A. La ciudad letrada. Hanover: Ediciones del norte, 1984. 176 p.
20. Ramos J. Saber del otro: escritura y oralidad en el Facundo de Domingo Faustino Sarmiento. // *Desencuentros de la modernidad en América Latina*. Carácas : Fundación Editorial El Perro y la rana, 2009. P. 65–90.
21. Sarmiento D.F. Facundo o civilización y barbarie. Buenos Aires : Sopena, 1960. 261 p.
22. Scarano M.E. «Facundo»: un libro americano: fundar en el desierto, escribir (desde) la frontera. Biblioteca Virtual Universal, 2010. 51 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.biblioteca.org.ar/libros/154652.pdf>. (Дата доступа: 02.04.2018).
23. Terán O. Para leer el Facundo. Civilización y barbarie. Cultura de fricción. Buenos Aires : Capital intelectual, 2007. 104 p.

Сведения об авторе:

Ларикова Юлия Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков №2 РЭУ им. Г.В. Плеханова (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: культурология, лингвистика, преподавание иностранных языков, теория и практика перевода. E-mail: julia.larikova@gmail.com.

CITY AS IDEOLOGY: THESAURUS OF «GENERARION 1837» POLITICAL DISCOURSE

Yulia A. Larikova

Plekhanov Russian University of Economics,
36, Stremianny per., 117997, Moscow, Russia

Abstract: *The article examines the sociocultural phenomenon of the Latin American «lettered city» («la ciudad letrada»), still poorly studied in Russia, by focusing on the Argentine intellectual elite of the mid-19th century, known as «Generation 1837». The political discourse of its most prominent representative, Domingo F. Sarmiento (1811–1888), writer of the romantic school, enlightener and statesman, president of the republic from 1868 to 1874, is investigated using the method of thesaurus analysis. The material of the present study is his essay «Facundo: Civilization and Barbarism» (1845).*

The results of the analysis make it possible to redefine the relation between the concepts of «civilization» and «barbarism» in the cultural code of the Argentines, as well as allow to shed light on other aspects of both civilizational and national identity of the Argentine people, to which a fundamental contribution was made by very famous writers, poets, philosophers, historians and publicists of «Generation 1837».

Key Words: *thesaurus analysis, political discourse, cultural picture of the world, civilization, barbarism, Argentina, «lettered city», gaucho, national idea, identity*

References

1. Vlasov A.M. Ideologiya tsyvilizatsii i varvarstva v tvorchestve D.F. Sarmiento [Civilization and Barbarism in the Works of D.F. Sarmiento] // *Latinskaia Amerika*, 2000. №3. P. 88–103.
2. Guizot F. Istoriia tsyvilizatsii v Evrope [History of Civilization in Europe]. M. : Territoriya budushchego, 2007. 336 p.
3. Guizot F. Istoriia tsyvilizatsii vo Frantsii [History of Civilization in France]. Vol. I. Lectures I - XV. M.: Rubezhi XXI, 2006. 328 p.
4. Zemskov V.B. Tvorchestvo Domingo Faustino Sarmiento i literaturnoe razvitiye v 50–70kh godakh. // *Istoriia literatur Latinskoi Ameriki* [Works of Domingo Faustino Sarmiento and Literary Development in 1850–1870s // History of Literatures of Latin America]. Vol. II. M. : Institut mirovoi literatury im. A.M. Gor'kogo RAN, 1988. P. 452–474.
5. Kondakov I.V., Sokolov K.B., Khrenov N.A. Tsivilizatsionnaia identichnost' v perekhodnoi epokhu: kul'turologicheskii, sotsiologicheskii iskusstvedcheskii aspekty [Civilization Identity in a Transitional Era: Cultural, Social and Art Criticism Aspects] M. : Progress-Traditsiia, 2011. 1024 p.

6. Koroleva A.A. Vospriatie prostranstva i vremeni v ispanskoi russkoy kul'turnykh kartinakh mira. [Perception of Space and Time in Spanish and Russian Cultural Pictures of the World] // Latinskaia Amerika. 2015. №2. P. 80–92.
7. Kofman A.F. Tema varvarstva v ispanoamerikanskoi literature. // Literatura dvukh Amerik. [Theme of Barbarism in Hispanic Literature. // Literature of Two Americas] 2016. №1. M. : IMLI RAN, 2016. P. 8–49.
8. Kut'eva M.V. Denotativy-simvoly v russkoi i ispanskoi poezii. // Vestnik RUDN, «Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsial'nost'» [Denotatives As Symbols in Russian and Spanish Poetry // Vestnik RUDN, «Educational Issues: Languages And Speciality»], 2005. №1. P. 119–126.
9. Kurbanov M.G. Dikost', varvarstvo i tsivilizatsiia kak istoricheskie formy transliatsii kul'tury. // Modusy vremeni: social'no-filosofskii analiz [Savagery, Barbarism And Civilization As Historical Forms of Cultural Transmission // Modus of Time: Social And Philosophical Analysis] : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. P. 184–194.
10. Lukov Val., Lukov Vl. Metodologiya tezaurnogo podkhoda: strategiia ponimaniia. // Znanie. Ponimanie. Umenie [Thesaurus Methodology: the Strategy of Understanding. // Knowledge. Understanding. Skills.] M. : 2014. №1. P. 18–35.
11. Lukov Val. A., Lukov Vl. A. Tezaurny podkhod v gumanitarnykh naukakh. // Znanie. Ponimanie. Umenie [Thesaurus Methodology in Humanitarian Science. // Knowledge. Understanding. Skills.] M. : 2014. №1. P. 93–100.
12. Nevokshanova A.A. Lingvisticheskoe osmyslenie iazykovoi situatsii v Argentine v pervoi polovine XIX veka (iazkyovye idei «Pokoleniia 1837 goda»). [Linguistic Understanding of the Language Situation in Argentina in the Second Half of the XIX Century] // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. №2. P. 434–436.
13. Romanova G.S. Chiliiskaia i argentinskaia iazykovaia lichnost' v zerkale kliuchevykh kontseptov: gaucho i huaso. // Tezisy doklada XLVII Mezhdunarodnoi filologicheskoi nauchnoi konferentsii [Chilean And Argentinian Language Personality in the Mirror of Their Key Concepts: Gaucho And Huaso // Theses of the Report for the XLVII International Philological Scientific Conference] // Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. 2018. [Electronic resource] — Retrieved from: <http://www.conference-spbu.ru/conference/38/section/669/>. (Date of access: 02.09.2018).
14. Sarmiento D.F. Fakundo: Tsivilizatsiia i varvarstvo. Zhizneopisanie Khuana Fakundo Kirogi, a takzhe fizicheskii oblik, obychai i navy Argentinskoi Respubliki [Civilization And Barbarism. Biography of Juan Facundo Quiroga, As Well As the Physical Appearance, Customs And Manners of Argentine Republic]. M. : Nauka, 1988. 272 p.
15. Stepanov I.U.S. Konstany. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniia [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience]. M.: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury», 1997. 824 p.
16. Hernández J. Martín Fierro. Madrid : Ed. Cátedra, 2005. 424 p.
17. Montaldo G. El cuerpo de la patria: Espacio, naturaleza y cultura en Bello y Sarmiento. [The Body of the Country: Space, Nature and Culture in Bello And Sarmiento] // Hispamérica, 1994. № 3. P. 3–20.
18. Myers J. La revolución en las ideas: La generación romántica de 1837 en la cultura y la política argentinas. [The Revolution of Ideas: The Romantic Generation of 1837 in Argentine Culture And Politics] // Nueva historia argentina [The Revolution of Ideas: The Romantic Generation of 1837 in Argentine Culture And Politics] // New Argentinean History. Vol. 3. Buenos Aires : Sudamericana, 2005. P. 381–445.
19. Rama A. La ciudad letrada. [The Lettered City] Hanover: Ediciones del norte, 1984. 176 p.
20. Ramos J. Saber del otro: escritura y oralidad en el Facundo de Domingo Faustino Sarmiento. // Desencuentros de la modernidad en América Latina [Knowing the Other: Writing And Orality in the Facundo by Domingo Faustino Sarmiento. // Disencounters of Modernity in Latin America]. Carácas : Fundación Editorial El Perro y la rana, 2009. P. 65–90.
21. Sarmiento D.F. Facundo o civilización y barbarie [Facundo, Or Civilization And Barbarism]. Buenos Aires : Sopena, 1960. 261 p.
22. Scarano M.E. «Facundo»: un libro americano: fundar en el desierto, escribir (desde) la frontera [«Facundo»: An American Book: Founding in the Desert, Writing (from) the Border]. Biblioteca Virtual Universal, 2010. 51 p. [Electronic resource] — Retrieved from: <http://www.biblioteca.org.ar/libros/154652.pdf>. (Date of access: 02.04.2018).
23. Terán O. Para leer el Facundo. Civilización y barbarie. Cultura de fricción. [To Read the Facundo. Civilization And Barbarism. Culture of Friction.] Buenos Aires : Capital intelectual, 2007. 104 p.

About the author:

Larikova Yulia Anatolievna – Senior Teacher at Foreign Languages Department №2 of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow). Sphere of scientific and professional interests: cultural studies, linguistics, teaching of foreign languages, theory and practice of translation. E-mail: julia.larikova@gmail.com.

* * *

КОНЦЕПТ *ҒАРИБӢ* («СКИТАНИЕ») В ТАДЖИКСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЕ: ОПЫТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА

Х.О. Хушкадамова, А.В. Березина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

*Предпринята попытка провести лингвокультурный анализ концепта *ғарибӣ* («скитание») как отражения таджикской языковой картины мира. Объекты исследования – лексикографические источники, письма и обращения к родным из Таджикистана в Афганистан и обратно, появившиеся в 1992 году и озвученные в эфире государственного радио «Таджикистан» на специальной программе «Хоки Ватан» («Пыль Отечества»), когда в ходе гражданской войны в Таджикистане (1992–1997) тысячи людей бежали в Афганистан.*

*Исследованные радиообращения служат ярким свидетельством того, что таджикские женщины как субъекты таджикско-персидской языковой картины мира внесли огромный вклад в возвращение своих родных, ставшими беженцами, из Исламской Республики Афганистан на Родину. Они апеллировали к своим близким людям, используя концепт *ғарибӣ* не только для описания их положения на чужбине, но и с целью передачи душевных переживаний, вовлечённости в общую горе, сочувствия и сострадания. Духовно-эмоциональное состояние авторов посланий поддержано поэтическими отрывками, включёнными в тексты.*

*В качестве лингвокультурного элемента концепт *ғарибӣ* отражает общественно-политическую ситуацию в Таджикистане, бедственное положение таджикского народа, эмоциональное состояние субъектов медиакоммуникаций – свидетелей гражданской войны (1992–1997).*

Изучение данного концепта в таджикской ментальности в современных условиях крайне актуально. Это объясняется тем, что, во-первых, основная часть таджикских трудовых мигрантов живёт и работает в России, и в целом под влиянием глобализационных процессов многие таджики выбирают другие страны для временного или постоянного проживания; во-вторых, таджикский язык преподаётся в вузах как иностранный или второй восточный язык.

Ключевые слова: *скитание (ғарибӣ), концепт, письма, чужбина, беженцы, коммуникация*

Введение

Концепт как универсальный термин в понятийных аппаратах филологии, философии, психологии и культурологии – это акт восприятия смыслов вещи или проблемы в единстве речевого высказывания. Иными словами, он связывает воедино язык, культуру и менталитет того или иного народа. В обеих формах речи – устной и письменной – носитель определённой лингвокультуры может вкладывать в сформированное и содержащее историческую

память народа слово собственный жизненный опыт, накопленные знания и субъективное восприятие окружающей его реальности, наделяя данную лексическую единицу новыми коннотативными значениями. С одной стороны, концепт можно охарактеризовать как «сгусток культуры в сознании человека», с другой, – «это то, посредством чего рядовой, обычный человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [6, с. 43].

Весь объём денотативных и коннотативных значений, заключающийся в лексеме *ғарибӣ*

(«скитание»), в таджикской культуре в сумме даёт одноимённый концепт. Чужестранец – это приезжий, оказавшийся вдали от фундаментальных ценностей – родной земли, семьи и друзей – соответственно, чьё положение вызывает у окружающих его людей различные индивидуальные и социальные переживания, в частности сочувствие, сострадание, милосердие, желание помочь. Сформированные обществом альтруизм и бескорыстная забота о ближнем, заложенные с детства в каждом человеке – носители таджикского языка, неразрывно связаны с концептом *гариб* («скиталец»).

Объект исследования

В ходе пятилетней братоубийственной войны в Таджикистане погибло более 150 тыс. человек, более 2 млн. граждан были вынуждены покинуть свои дома и стать беженцами¹. И только 27 июня 1997 года в Москве между противоборствующими сторонами было подписано «Общее соглашение о мире и национальном согласии»². Начиная с 1992 года, ещё в начале политического противостояния, в редакцию государственного радио «Таджикистан» стали приходить письма от женщин с просьбой разыскать родных. Эти послания зачитывались ведущими в эфире разных передач. Позже, 7 апреля 1993 года, исходя из нарастающего объёма корреспонденции, актуальности их содержания и популярности таких радиовыпусков, была создана специальная программа «*Хоки Ватан*» («Пыль Отечества»³).

Учёные Института языка и литературы Академии наук Республики Таджикистан отобрали, пронумеровали и выпустили в печать в одном издании обращения к родным из Таджикистана в Афганистан и обратно, появившиеся в 1992 году и озвученные на программе «*Хоки Ватан*» [1]. Так было собрано более 200 писем, многие из которых содержали стихи. В отдельное приложение были сведены поэтические фрагменты (авторские или представляющие собой таджикский фольклор) из писем, не вошедших в книгу, которые сопровождалась лишь краткой информацией об авторе и цели обращения [там же, с.

7–46]. Именно эти стихи из 68 посланий стали объектом анализа данной статьи.

Использование рифмованных строк в прозаических текстах характерно для разных жанров письменной и устной речи, ведь издревле поэзия является для таджиков не только формой «изящной словесности», но и неотъемлемым элементом их духовной культуры, формирующей личность, влияющей на выбор нравственных ориентиров.

Методика исследования

На первом этапе исследования текстов проведён выбор «ключевого слова», несущего основную смысловую нагрузку и в сочетании со множеством других лексем предоставляющего возможность выявления общей содержательно-тематической направленности обращений. Категорией анализа оказалась лексема *гарибӣ*. Она была зафиксирована в 48-ми письмах: в посланиях из Афганистана содержится 18 упоминаний, из Таджикистана – 30.

Затем были рассмотрены словарные значения лексемы *гарибӣ*, а также проведён контент-анализ писем из Таджикистана и Афганистана. Была исследована лингвокультурная специфика понятия *гарибӣ*, выявлены особенности вербального оформления данного концепта и изменения в его семантическом наполнении. Каждый из языков обладает набором лексических средств выражения эмоций, и, исследуя их, «мы готовим базу для сравнительного изучения эмоциональных концептов в различных культурах, что является важной задачей для понимания как человека, культуры, так и человеческого сознания» [3, с. 326].

Были зафиксированы номера обращений с целью избежать многократных ссылок на источник. Все письма сопровождалась указанием конкретных адресов (села, участка, района и т.д.), инициалов отправителя и получателя. Так как эти данные лежали вне поля проводимого исследования, в статье они не упомянуты. В работе были использованы следующие социологические и лингвокультурологические методы: контент-анализ⁴, нарративный

¹ [Электронный ресурс]. Дата обращения 2.11.2017. URL: <<http://khovar.tj>>

² 27 июня ежегодно отмечается в Таджикистане как День национального единства.

³ Согласно электронному таджикско-русскому словарю хок означает: 1) земля 2) страна, территория (страны); *хоки ватан* – 1) родная земля, родина 2) пыль. Дата обращения 30.10.2017. URL <<https://translate.academic.ru>>

⁴ Метод контент-анализ (от англ. *contens* «содержание») – метод количественно-качественного анализа социальной информации. Объектом контент-анализа может быть содержание сообщений в СМИ, кинофильмов, публичных выступлений и т.д. Подробнее см.: [7, с. 53].

анализ⁵, наблюдение, лингвистическое описание, традиционный анализ текста и т.д.

Результаты исследования

Исследование содержания обращений предоставило возможность получить основные сведения об авторах писем: мотивы, побудившие их к публичному обращению, география посланий, социально-демографические характеристики адресантов. Основными специфическими категориями анализа стали такие побудительные причины, как поиск и просьба о возвращении. География обращений охватывает Исламскую Республику Афганистан (ИРА), Республику Таджикистан и Киргизскую Республику. Из 68-ти рассмотренных нами документов 20 писем были отправлены в редакцию радио «Таджикистан» из Афганистана, 43 – из Таджикистана в Афганистан, 2 письма – из Киргизии, 3 – не имеют адреса.

Согласно гендерному анализу адресантов, авторами 12 обращений являются мужчины, 56 принадлежат женщинам. Такие результаты можно объяснить следующим образом. Процесс возвращения таджикских беженцев из северного Афганистана на Родину начался под эгидой Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) ещё в 1992 г. Первыми возвращались женщины, мужчинам же, особенно молодым людям, возвращаться в то время было ещё небезопасно. Кроме того, женщины по своей природе более эмоциональны и экспрессивны, некоторые из них даже приезжали в редакцию радио на программу «*Хоки Ватан*» и напрямую обращались к родным.

Таджикская журналистка Сурайё Шуджоат, которая в указанный период работала редактором отдела писем радио «Таджикистан», рассуждает на эту тему в интервью⁶. По её словам, женщины подвергались меньшей опасности и реже преследовались, чем мужчины, поэтому могли свободно отправлять письма на радио и приходить в редакцию. Посредством поэзии они мастерски передавали свою боль, порой без слёз невозможно было читать их рубаи⁷ – это был просто крик души. Они также с нетерпением ожидали переговоров правительства с оппозицией, о чём свидетельствовали, напри-

мер, обращения таджикских женщин из лагеря для беженцев Кампи Сахи в Афганистане. Они были первыми, кто вернулся оттуда на Родину. Как считает журналистка, таджикские женщины напоминали вестников, которые по возвращении в Таджикистан обязательно обращались в редакцию радиопрограммы «*Хоки Ватан*» и из первых уст передавали своим родным – мужьям, отцам, братьям и детям – вести об обстановке в стране, чтобы ускорить их возвращение домой.

Однако независимо от гендерной принадлежности авторов, во всех посланиях широко использовалась лексема *гарибӣ*, значимость которой в культуре и национальном языковом самосознании таджикского народа трудно переоценить. Рассмотрим лексические значения данного концепта. В арабско-русском словаре под редакцией Х.К. Баранова слово *гариб* имеет следующие значения: *garib* (غريب) 1) чужой, чуждый, посторонний, незнакомый, неизвестный; 2) странный, необыкновенный, удивительный; 3) чужой, неизвестный человек, незнакомец; 4) иностранец, чужеземец [2, с. 559].

В толковом словаре таджикского языка под редакцией М.Ш. Шукурова и др. даются следующие дефиниции. *Ғарибӣ* – *дурӣ аз ватан, зурбат* («пребывание вдали от родины, скитание»). *Ғариб* – *мусофир, одами бегона, аз ватан ва хонумон дурафтода* (приезжий; чужой человек; оказавшийся вдали от дома и родины) [8, с. 648].

Таджикско-русский словарь под редакцией Д. Саймиддинова и др. даёт всю парадигму данной лексемы. *Ғариб* 1. чужеземец, чужестранец; иноземец; 2. странник, скиталец; 3. неприютный, одинокий; несчастный; 4. чужеземный, чужестранный; иноземный; ~ *мондан* остаться одиноким, неприютным; ~ *шудан* а) скитаться по чужбине; б) остаться одиноким; *Ғарибӣ* – жизнь на чужбине. *Ғарибкуш* – жестокий. *Ғарибмарг* ~ *шудан* умирать на чужбине. *Ғарибнавоз* 1. гостеприимный по отношению к странникам, чужестранцам; 2. добрый; милосердный. *Ғарибнавозӣ* 1. гостеприимство по отношению к странникам, чужеземцам; 2. доброта, милосердие, благотворительность. *Ғарибона* 1. подобно чужестранцу; 2. одиноко, неприютно; 3. робко, скромно; 4. чужеземный, чужестранный; 5. одинокий, неприютный; 6. роб-

⁵ Нарративный анализ – качественный анализ текстов-интервью биографического или тематического характера. Благодаря такому виду анализа из эмпирических данных извлекается теория. Подробнее см: [7, с. 72].

⁶ Интервью провела Х.О. Хушқадамова 20 июня 2017 г.

⁷ Рубаи – четверостишие, форма лирической поэзии, распространенная на Ближнем и Среднем Востоке.

кий, скромный. *Ғарибхона* (книжн.) приют для бедных и бездомных, богадельня. *Ғариб шудан*: скитаться на чужбине; остаться одиноким [5, с. 168].

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой приводится следующая словарная статья. **Скиталец** (книжн.) – человек, который скитается; прил. скитальческий. Скитальческая жизнь. **Скитаться** – странствовать без цели, вести бродячий образ жизни. Скитаться по белу свету. *Скитаться по чужим углам (жизнь у чужих людей, переходя от одного к другому)* [4, с. 722].

В таджикско-русском словаре приведены 15 дериват от лексемы *ғариб*. Анализируя денотативный и коннотативный смысл данного концепта в таджикском языке и его перевода на русский, видим, что семантическое ядро этой лексемы и её дериват соотносится с такими понятиями, как доброта, милосердие и гостеприимство по отношению к чужестранцам. Значение «быть гостеприимным по отношению к путникам, скитальцам» передают восемь дериват. Количественная характеристика однокоренных слов свидетельствует о том, что гуманное отношение к приезжему человеку, представителю чужой культуры, носителю иных ментальных моделей, играет важную роль в таджикско-персидской культуре. Показательно то, что данный концепт в арабском и русском языках не «окрашен» в альтруистические эмоции, не вызывает потребности в содействии, помощи. Более того, он даже несёт некий негативный подтекст. По-

добным образом изучая семантическую структуру слова, лексикография вносит огромный вклад в отражение языковой картины мира и понимание того, какие представления о мире в языке присущи носителям определённой лингвокультуры.

Как отмечалось ранее, критерием отбора рассматриваемых нами писем стало наличие в них поэтических фрагментов. Для повышения эффективности коммуникации со своими близкими авторы посланий обращались к малым стихотворным формам, в частности рубаи. Так как большинство этих обращений принадлежит женщинам, именно они выступают основной социальной группой и субъектом языковой картины мира, вкладывающим в слова *ғарибӣ* и *ватан* (Родина) нужные коннотации. Многие женщины ещё до войны в основном занимались домашним хозяйством и вряд ли обращались к словарям, чтобы найти значение этой лексемы. На выбор адресантов повлиял опыт, знание жизни и осмысление переживаемых ими социально-политических потрясений. Иными словами, своё речевое поведение (устное или письменное) они строили в соответствии со своей языковой картиной мира. Именно поэтому исследование данного концепта в речи простых женщин позволяет осознать подлинную сущность народа, проникнуть в глубины его миропонимания.

Результаты количественного и семантического анализа лексических единиц, определяющих признаки концепта *ғарибӣ*, отображены в таблице:

Лексическая единица	Количество упоминаний
<i>ғам</i> («грусть, печаль»)	9
<i>фиروق</i> («разлука, расставание»)	7
<i>андӯх</i> («печаль»)	6
<i>ёд</i> («память, воспоминание»)	6
<i>мусофир</i> («чужестранец»)	5
<i>умр</i> («жизнь»)	4
<i>ғурбат</i> («чужбина»)	4
<i>чудои</i> («расставание»)	4
<i>саргардон</i> («скиталец»)	4
<i>зиндачудо</i> («находившийся в разлуке»)	2

Вышеперечисленные лексические единицы (всего 51) объединены когнитивным признаком «чужбина» и составляют семантическое ядро концепта *ғарибӣ*, так как именно они раскрывают бедственное положение скитальца, жизненные и бытовые трудности, которые приходилось преодолевать, его сломленное эмоционально-

психическое состояние, возникшее вследствие вынужденного нахождения в статусе беженца, пребывания в иной культурной и идеологической среде.

Большинство постпозитивных определений в таджикском языке связывается с определяемым словом посредством *изафета*. *Изафетная* кон-

струкция строится по следующей схеме: «определяемое слово + безударный изафетный показатель + определение». В письмах, рассмотренных нами, найдены следующие словосочетания: *умри азиз* («дорогая жизнь»), *ёди гарибӣ* («воспоминания о скитании») (172), *шаҳри мусофирӣ* («город приезжих») (152), *ёди Ватан* («воспоминания о Родине») (175), *гами ту* («тоска по тебе»), *умри рафта* («проходящая жизнь»), *андӯҳи гаму доғи гарибӣ* («печали, переживания и боль скитания»), фразеологизм *гарибони тағи девор* («скитальцы под забором») (148).

Независимо от цели обращения на радиопрограмму – поиска родных либо просьбы о возвращении, – авторы писем призывают родственников, близких и дальних, откликнуться или возвращаться домой, на Родину. В посланиях выявляется ещё одна из характерных особенностей мировосприятия женщины-таджички: для неё важны не только представители кровного рода. Выйдя замуж, она становится частью мужниного рода, в полной мере считает себя членом новой семьи и очень трепетно к ней относится. Помимо этого, важнейшее значение приобретают отношения между сватами – родителями молодых. Так, в обращении №152 женщина ищет своих сыновей, невестку и свата – отца невестки. В ходе анализа упомянутого документа выявлено слово *мусофир* («приезжий, путник») в изафетной конструкции «*шаҳри мусофирӣ*» (город приезжих, чужестранцев). Лексема *мусофир* также лежит в семантическом поле вербализации концепта *гариб* («скиталец»).

Исходя из количественной характеристики, вторым по значимости компонентом после концепта *гарибӣ* является лексема *Ватан* («Родина»), которая встречается в исследуемых нами письмах 32 раза. Так, некий адресант ищет дядю по линии матери (*тағо*) и старшую сестру (*ана*) с их семьями (№194). Для того, чтобы выразить свою печаль и оказать психологическое воздействие на близких ему людей, он пишет поэтические строки, апеллирующие к глобальному контексту. В понятиях *умр* («жизнь»), *гам* («грусть, печаль»), лежащих в семантическом поле концепта *гарибӣ*, скрыта общечеловеческая боль: покинуть *Ватан* можно только в связи со значительными трудностями, это вынужденная крайняя мера. Однако, несмотря на сложившиеся обстоятельства, нужно приложить максимум усилий, чтобы каждый человек

мог вернуться и спокойно жить на своей родной земле:

*Фарёд, ки умри мо ба гам мегузарад,
...Хуш умри касест, ки дар Ватан мегузарад.*

Перевод:

*Крик души, что наша жизнь проходит в грусти,
...Благая жизнь, которая проходит на Родине⁸.*

В письмах-поэтических отрывках, мотивом которых была, в первую очередь, просьба о возвращении, содержатся определённые знаки: имена детей, родителей, названия местности и т.д. Цель их использования очевидна: так адресат мог убедиться в правильности и достоверности информации, удостовериться, что остались близкие люди, которые его ждут. Примером этому может послужить стихотворный отрывок из письма № 182: женщина из Таджикистана просит своих младшего и старших братьев, невесток и других родственников вернуться на Родину. В четверостишии использовано слово «застава», заимствованное из русского языка и используемое в одном из таджикских диалектов в форме *застав*. Видимо, до гражданской войны семья жила у заставы:

*Қади додарум ранги ангурай,
Додарой чон зиндачудоӣ зурай.
Ба лаваки застав гузар мекардам,
Аз аҳволи гарибиҳо хабар мекардам.*

Перевод:

*Рост братишки моего как виноград,
Братишка-джан (душа, дорогой), больно жить в разлуке.
Ходила к заставе
Рассказать о положении скитальцев.*

Традиционно в таджикской культуре младшие братья и сёстры особо опекаются старшими. Как следует из приведённого четверостишия, брат автора письма был ещё мал и низок ростом, поэтому его сравнивают с виноградом.

Вопрос доверия в тот тяжёлый период в таджикском социуме стоял остро. Война расколола общество, и трудно было определить «своих» и «чужих» среди сограждан, быть уверенным в их порядочности и доброжелательности. Для выхода из сложившейся ситуации официальный

⁸ Здесь и далее перевод с таджикского: Х.О. Хушкадамова.

дискурс предложил единственно приемлемый на тот момент выход: была создана специальная программа на государственном радио. В Таджикистане тогда ещё не был распространён Интернет, а до беженцев в Афганистане можно было «достучаться» только благодаря возможностям радиосвязи.

В письмах, особенно женских, широко используются четверостишия из фольклора. Адресанты удачно подбирали рубаи, мастерски вносили в них авторские правки, делая ставку на те ключевые слова, которые могли оказать эмоциональное воздействие на близких людей и способствовать принятию ими решения вернуться на Родину. Такими акцентами стали концепты, которые могли быть понятными только для носителей их национальной ментальности и языка, то есть представителей таджикско-персидской культуры.

Отметим, что тема разлуки и скитания заложена в фольклоре и хорошо знакома таджикам с детства. В классической придворной таджикско-персидской поэзии традиционным мотивом является разлука с любимой и душевные муки, которые при этом испытывает влюблённый человек. Со временем данный литературный приём перешёл и в суфийскую лирику, в которой всех ищущих правды нарекали скитальцами, разлучёнными, но стремящимися вернуться к своему истоку (Богу).

На протяжении всей истории в результате разных событий таджикам не раз приходилось испытать *гарибӣ*, то есть жизнь на чужбине. Биографии многих таджикско-персидских поэтов свидетельствуют о том, что все тяготы и лишения, связанные с этим состоянием, знакомы им не понаслышке. В качестве примера приведём знаменитую газель⁹ «О чужбина!» мастера таджикской лирики Камола Худжанди (1321–1400):

*Орзӯманди диёри хешаму ёрони хеш,
Дар ҷаҳон то чанд гардам бесару бепо гариб?!...
Дар гарибӣ ҷон ба сахтӣ медиҳад мискин Камол,
Во гарибӣ, во гарибӣ, во гарибо, во гариб!*

Перевод:
*Всё брожу и мечтаю о милой своей отчизне.
О страна моя, родина! Вспомни заблудшего сына...
Я чужой. Брожу и мечтаю о родине милой.
О чужбина, чужбина, чужбина, чужбина, чужбина!¹⁰*

⁹ Газель – стихотворная форма, насчитывающая до 15 бейтов (двустийший) и написанная по схеме aa//ba//ca//da и т.д.

¹⁰ Перевод И. Сельвинского.

Газель раскрывает некоторые страницы биографии автора. Поэт родился в г. Худжанде (ныне столица Согдийской области Республики Таджикистан), жил и умер в г. Тебризе (Иран). В 1385 году во время нападения хана Тохтамыша был увезён в золотоордынскую столицу Сарай. В какой-то мере данной газелью вдохновлены таджикские народные «чужбинные» четверостишия.

Используемые в письмах строфы, в целом, соответствовали языковому восприятию окружающего мира таджикского народа и вписывались в парадигму событий того исторического периода:

*Наълат ба касе, ки ай Ватан канда шава(д)
Афтад ба ғарибиву сараи банда шава(д)*

Перевод:
*Будь проклят тот, кто отдаляется от Родины:
Скитальцем он, а голова его порабощённой станет.*

Концепт *гарибӣ*, как следует из этого примера, противопоставляется концепту *Ватан*. Ватан навсегда останется Родиной, к которой стремится душа, которая притягивает независимо от жизненных обстоятельств, места нахождения, возраста и пола. Такое мировосприятие заложено в менталитете таджикского народа, является основой его самоопределения и самоощущения. И именно благодаря этому факту трагическая страница новой, едва начавшейся истории независимости Таджикистана, была закрыта.

Выводы

Из проведённого исследования заключаем, что понимание концептов представляет исключительную важность для выстраивания межкультурного диалога, изучения и преподавания иностранного языка, в частности таджикского. Преподаватель вынужден приложить максимум усилий для того, чтобы на ярких примерах объяснить специфику картины мира иностранца, так как отсутствуют специализированные учебники таджикского языка, освещающие лингвострановедческую тематику.

Авторы исследовали концепт *гарибӣ* на основе небольшой части писем-обращений участников коммуникации посредством радиоэфира.

Работа в этом направлении должна быть продолжена. Однако даже это малое количество обращений свидетельствуют о том, что субъекты таджикско-персидской языковой картины мира – таджикские женщины – авторы большей части рассмотренных нами обращений – внесли определённый вклад в возвращение своих родных, таджикских беженцев, из ИРА на Родину. В ходе коммуникации посредством радио они использовали лексико-семантические поля, понятные

адресатам. Концепт *гарибӣ* не только описывает положение человека, но включает в себя душевное переживание, вовлечение в общее горе, сочувствие и сострадание. В нём отражается положение таджикского общества того периода, фрагмент языковой картины мира носителей таджикского языка, эмоциональное состояние субъектов медиакommunikаций – свидетелей гражданской войны 1992–1997 гг. в Таджикистане.

Список литературы

1. Ахмадов Р. Хоки ватан. Под ред. Р. Ахмадова. Душанбе: Сурушан, 2002. 300 с.
2. Баранов Х.К. Арабско–русский словарь. М., Русский язык, 1985. 944 с.
3. Вежбицкая А. Толкование эмоциональных концептов // Язык. Культура. Познание. М., Русские словари, 1997. С. 326–375.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М., Азбуковник, 1999. 944 с.
5. Саймиддинов Д., Холматова С.Д., Каримова Д. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ (Таджикско-русский словарь). Издание второе, доп. и испр. Под ред. Д. Саймиддинова, С.Д. Холматовой С. Каримова. Душанбе, 2006. 784 с.
6. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М., Академический проект, 2004. 992 с.
7. Хушқадамова Х.О. Образы женщин в современной таджикской журналистике. Опыт социологического исследования прессы Таджикистана. Монография. Душанбе, Шарки Озод, 2006. 264 с.
8. Шукуров М.Ш. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Под ред. М.Ш. Шукурова, В.А. Капранова, Р. Хошима, Н.А. Маъсуми. М., Изд-во Советская энциклопедия, 1969. Т. 2. 952 с.

Сведения об авторах:

Хушқадамова Халимаҳон Отамбековна – доктор социологических наук, профессор кафедры индоиранских и африканских языков МГИМО (Россия, Москва). Сферы научных интересов: Социоллингвистика, лингвистика и межкультурная коммуникация, гендерная проблематика, журналистика. E-mail: columnist07@mail.ru.

Березина Анна Владимировна – доктор философии (PhD), старший преподаватель кафедры индоиранских и африканских языков МГИМО (Россия, Москва). Сферы научных интересов: Литература и культура Ирана, литературная критика, художественный перевод. E-mail: a.berezina@inno.mgimo.ru.

THE CONCEPT OF GARIBI (“WANDERING”) IN THE TAJIK LANGUAGE CULTURE: THE EXPERIENCE OF LINGUOCULTURAL ANALYSIS

Khalimakhon O. Khushkadamova, Anna V. Berezina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article attempts to conduct a linguocultural analysis of the concept of garibi (“wandering”) as a reflection of the Tajik linguistic world image. The research is carried out on the material of selected lexicographic sources, letters and messages to relatives from Tajikistan to Afghanistan and vice versa, which appeared in 1992 and were broadcasted on the air of the special program Hoki Watan (“Dust of the Motherland”) of the state radio “Tajikistan”, when thousands of people fled to Afghanistan during the civil war in Tajikistan (1992–1997).*

The researched radio broadcasts are a vivid evidence that Tajik women as subjects of the Tajik-Persian language world image have made a great contribution to the return of their relatives, Tajik refugees, from the Islamic Republic of Afghanistan to their homeland. They appealed to their close people, using the garib concept not only to describe their position in a foreign land, but also to transfer their emotional experience, involvement in common grief, sympathy and compassion. The spiritual condition of the authors of the messages was expressed in poetic fragments included in the texts.

As a linguocultural element, the concept of garib reflects the socio-political situation in Tajikistan, the distress of the Tajik people, the emotional state of media communication participants – witnesses of the civil war (1992–1997).

The study of this concept in the Tajik mentality in modern conditions is extremely important. Because, firstly, the bulk of Tajik labor migrants live and work in Russia, and in general, under the influence of globalization processes, many Tajiks choose other countries for temporary or permanent residence; secondly, the Tajik language is taught in Russian universities as a foreign language or the second eastern one.

Key Words: *concept, letters, wandering (garibi), foreign land, refugee, communications*

References

1. Ahmadov R., Khoki Vatan [Dust of the Motherland]. Under the edit. Ahmadov R. Dushanbe, Surushan, 2002. 300 p.
2. Baranov Kh.K. Arabsko-russkiy slovar [Arabic-Russian Dictionary]. Moscow, Russkiy Iazyk, 1985. 944 p.
3. Vezhbitskaya A. Tolkovanie emotsionalnikh kontseptov // Iazyk. Kultura. Poznanie. [Interpretation of Emotional Concepts // Language. Culture. Cognition]. Moscow, Rus. slovari, 1997. 326-375 pp.
4. Ozhegov S.E., Shvedova N.U., Tolkoviy slovar russkogo iazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh virazheniy [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80 000 words and phraseological expressions]. Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian Language under the Name of Vinogradov V.V, 4th ed., supplemented. Moscow, Azbukovnik, 1999. 944 p.
5. Saimiddinov D., Kholmatova S.D., Karimova D., Farhangi tojiki ba rusi. [Tajik-Russian Dictionary] Second edition, supplemented and amended. Under the edit. Saimiddinov D, Kholmatova S.D, Karimov S., Dushanbe, 2006. 784 p.
6. Stepanov U.S. Konstanty: dictionary of Russian culture [Constants: Dictionary of the Russian Culture] 3rd edition, corrected and amended, Moscow, Akademicheskii proekt, 2004. 992 p.
7. Khushkadamova Kh.O. Obrazy zhenshchin v sovremennoy tadjikskoy zhurnalistike. Opyt sotsiologicheskogo issledovaniia pressy Tadjikistana [Images of Women in Modern Tajik Journalism. Experience of Sociological Research]. Dushanbe, Sharghi Azad, 2006. 264 p.
8. Shukurov M.Sh. Farhangi zaboni tojiki [Tajik Dictionary]. Under the editorship of Shukurov M.Sh., Kapranov V.A., Hoshim R., Massumi N.A., In two volumes. (X – the beginning of the XXth century). Part II P-J. Moscow, Sovetskaia entsyclopediia, 1969. 952 p.

About the authors:

Khalimakhon O. Khushkadamova – Doctor of Sociology, Professor of Indian, Iranian and African Languages Department, MGIMO University (Moscow, Russia). Research interests: sociolinguistics, linguistics and intercultural communication, gender problems, journalism. E-mail: columnist07@mail.ru.

Anna V. Berezina – Doctor of Philosophy, Senior Lecturer, Indian, Iranian and African Languages Department, MGIMO University (Moscow, Russia). Research interests: literature and culture of Iran, literary criticism, literary translation. E-mail: a.berezina@inno.mgimo.ru

* * *

Уважаемые читатели!

Подписаться на наш журнал можно по полугодиям в дни открытия подписки
в почтовых отделениях России и стран СНГ.

Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» **80991**.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № 2 (18) 2019

Главный редактор: В.А. Иовенко.

Корректурa: Т.А. Ивушкина

Компьютерная верстка: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 03.06.2019 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 17. Тираж 500 экз. Заказ 713.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России:
119454, Москва, пр. Вернадского, 76.